

АЛЕКСАНДР БУЛГАКОВ

НЕСПЕТАЯ ПЕШНЯ

Александр Булгаков

Неспетая песня

**«Легко, необычно и весело
Кружит над скрещеньем дорог
Та самая главная песенка,
Которую спеть я не смог»**

Булат Окуджава

Посвящаю Сергею,
старшему внуку

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В палату Лаврентия Ивановича доставили уже к вечеру, прикатали на коляске. Измученный за весь день, он рад был лечь хоть на какую-нибудь лежанку, — так что кровать, хоть и была похожа более на гамак, сгодилась и такая. Сразу поставили капельницу, и снова тянуче-медленно стали «прокручиваться» эти три дня.

Началось с небольшого подкашливания. Ну, попил какой-то сироп, порекомендованный в аптеке; не помогло. Затем — таблетки, результат тот же, а кашель усиливался. Причём, температура была повышена вовсе не угрожающе, так — 37,5. Хуже всего было то, что только приляжешь, и кашель просто уже забивал. В третью ночь лежать было невозможно; пришлось положить на стол подушку и, склонив голову на неё, сидя на стуле, пытаться хоть сколько-нибудь забыться в полудрёме. Этот трюк помогал ненадолго, и наутро, весь измождённый, он решил идти в поликлинику. Не шёл, а шмыгал, а дошмыгамши, ещё надо было подниматься на третий этаж. Видимо, дела выглядели плохо, раз молоденькая медсестра на лестничном пролёте предложила свою помощь. У кабинета «врача общей практики» очередь больных, записанных по времени. Понимая, что им тоже нелегко, прислонился к стене напротив двери в кабинет, не зная, что делать.

Сил становилось всё меньше, кашель забивал, и уж было желание сползти на пол, но вышла Инна Фёдоровна, врач, на приёме у которой бывать приходилось. Она была всегда неизменно спокойна, внимательна, — и это заведомо внушало надежду на квалифицированную помощь. Почему она обратила на него внимание, трудно сказать (может потому, что и он, по своей всегдашней привычке не оставаться неблагодарным, после приёма спускался вниз и у самой поликлиники покупал для неё цветы?), — но во всяком случае она сразу ввела его в кабинет. После маловразумительных слов пациента о том, «что беспокоит», стала выслушивать лёгкие и сразу же сказала, что домой его не отпустит в виду подозрения на острый бронхит и вызовет «скорую» прямо сюда. Ну как это — «прямо сюда»? Надо хоть что-то необходимое собрать: смену белья, кружку-ложку и прочее. И снова чуткость Инны Фёдоровны: ладно, идите домой, собирайтесь, а «скорую» вызову по месту проживания.

Сына не беспокоил (ни к чему), и вот он, Лаврентий Иванович, в приёмном отделении больницы на окраине города. Какая «дежурная», туда и везут. Давно уже, лет восемнадцать назад, он проводывал здесь одного незнакомого больного, по просьбе «хеседа» — благотворительной организации при

синагоге. Иным этого не понять, но делать добро — всё равно это добро, даже если ты и не еврей. Как был удивлён и обрадован Залан... — вот уж отчество и не припомнишь — Моисеевич, кажется. Потом приятельские отношения продолжились, пока он не перешёл в лучший мир.

Но воспоминания быстро закончились собственными мытарствами в этой больнице. Складывалось впечатление, что поступающие сюда больные — нечто вроде досадной помехи в многотрудной работе сотрудников «приёмного». Причём, фактическое самочувствие пациента во внимание не бралось; неспешное заполнение многочисленных бумаг, хождение из кабинета в кабинет по необходимости и без оной, направление на рентген и ещё всякого чего... Так прошло часов пять, и вот уже зимний вечер, и наконец-то он в палате.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вчерашняя терапия пошла на пользу, — и утро началось с осознания, что ночью спал. Кашель время от времени будил, но всё же удавалось забыться сном. И потянулись больничные часы — с обходом лечащего врача Антона Юрьевича, с неизменной процедурой под капельницей. Что там капало, Лаврентий Иванович никак запомнить не мог, как никогда вообще не мог запоминать названия лекарств. Для помощи самому себе он вырезал лицевую обложку упаковки того или иного препарата, на оборотной стороне отмечал, был ли от него прок, и складывал, чтобы при оказии хотя бы что-то вспомнить. А здесь, в «пульмонологии», знал только одно: антибиотики. Похоже, что современная российская медицина поднялась до такого уровня, что в любой клинической ситуации знает только этот препарат. Это практикуется широко и поставлено на поточную линию, даже ложиться не нужно: сидя в процедурной, больные так и получают прогоном свои капельницы — к чему вся эта блажь с лежанием на кушетках? — и никаких тебе иных процедур, вроде ингаляций, кислородных смесей и прочих физиотерапий. Смотреть телепрограмму Елены Малышевой — это одно, а в «заМКАДье» положение с медициной совсем другое.

Однако жизнь, как бы там ни было, продолжалась, — и на третий день Лаврентий Иванович уже мог заняться продолжением написания книги, для чего ему сын принёс ноутбук. Был Сочельник, 24 декабря, завтра — Рождество, и было приятно за работой слушать тихим фоном рождественскую инструментальную, перемеживающуюся с вокальным ансамблем, музыку. Но сосредоточенность была прервана, потому что сосед слева Миша что-то заёрзал и сказал:

— У нас как бы Рождество-то через две недели...

Работал он — с его слов — менеджером в небольшой фирме по продажам домашних осветительных приборов и прочей продукции, связанной с электрикой. Он чем-то безотчётно нравился, хотя несколько раздражало его неустанное тыканье в смартфон да вот это — через слово — «как бы». Этой словесной неряшливостью страдают слишком многие, и не поймут они двусмысленность этого вихляния: то ли «это» есть на самом деле, то ли «этого» как бы и нет.

Лаврентию Ивановичу уже заведомо — по интонации — был понятен вызов, и тему эту он не любил, — но больничное «братство» предполагает уступчивый тон (в замкнутом пространстве лучше сохранять миролюбивую атмосферу), так что ответил вроде бы не по существу замечания:

— Миш, понимаешь: если мне, изрядно уже пожившему на этом свете, вдруг скажут, что дату моего рождения работница ЗАГСа в те далёкие годы напутала — то ли по головотяпству, то ли мальчишки у неё были в голове в тот момент, — но для меня это не будет трагедией, поверь мне. Приятно от этого не будет, не скрою; в каких-то ситуациях, связанных с документами, будет бумажная волокита, но по сути своей я-то сам по себе останусь тем же, кем и был до этого «открытия».

— Ну всё же... У нас как бы спокон веков праздновали 7 января...

— Миш, ты хорошо знаешь русскую литературу? Я имею в виду в данном вопросе дореволюционную литературу.

— Ну Вы, Лаврентий Иванович, даёте... Мы как бы Толстого проходили в школе, Чехова вот вспомнил ещё.

— И Лескова можно ещё вспомнить, и Куприна; даже как-то неудобно перед другими достойными авторами. Так вот, — возможно, ты не обращал на это внимание, — но у них есть вполне бытовые описания семейных радостей того времени; там упоминается предвкушение Рождественских празднеств (подарков, гуляний), и ёлку ставили именно под Рождество. Потом

наступал Новый год. Ты понял, Миш, к чему я это клоню?

— Да что-то мудрёно Вы заворачиваете. Что ж наши-то, блин, как бы глупее всех что ли?

— Разве я сделал какой-то намёк на глупость «наших», как ты говоришь? Я о том, как было на самом деле в России. А какие пертурбации потом происходили после 17-го года, — имею в виду «октябрьский переворот», — это разговор отдельный, и мне, заранее скажу, не хочется разводить кисели. Скажу только, что вопрос о дате Рождества, по моему мнению, из области политических соображений. Вечное противопоставление нашего и «ихнего». Весь христианский мир — и православный тоже, кстати — отмечает в декабре 25-го, а у нас всегда «особый путь».

— Насколько я знаю, не весь мир, а подавляющее большинство, и туда — да, входят и православные церкви...

Это подал свой голос больной с противоположной стороны, лежащий у окна. Он что-то читал, но, судя по реплике, к разговору прислушивался. Человек лет пятидесяти пяти, с заметной проседью, держащий себя как-то уверенно (но не вызывающе), представившийся при знакомстве Георгием. Миша, правда, его величал

Георгием Васильевичем. Ничего, это нормально; возрасты как-то подлаживаются соответственно друг ко другу, чтобы всем было удобно. Одни спесивятся, подчёркивая своё старшинство; другие как-то нелепо его стараются принизить, приглашая этим к запанибратству. Миша в этом вопросе всегда был корректен, и в этом чувствовалось воспитание. Георгий же Васильевич всегда говорил правильно, и его вопросы не раздражали.

— Мне показалось, что Вы, Лаврентий Иванович, в какой-то мере сведущи в вопросах религиозных. Могу и ошибаться. Но всё же — о Рождестве: что у Вас с этим ассоциируется? Небесный хор, поющий для пастухов? Пришедшие из Аравии звездочёты, путеводимые странной звездой? Или, за девять месяцев до этого, безвестная еврейская девица, удостоенная визитом архангела с дальнейшим чудесным последствием? Может, это бестактно с моей стороны задавать кучу вопросов, так Вы вправе и отказать в ответе.

— Ну что Вы, Георгий Васильевич, никакой бестактности. А по поводу моей осведомлённости в этих вопросах, — вот, знаете ли, заинтересовался ими в своё время — да так, что увлёкся. Есть увлечения, которые уже всерьёз. Хотя профессионально этим не занимался, да и счастлив по этому поводу.

— Профессионально — это как? И почему счастлив?

— Я имею в виду получение богословского образования. А счастлив от того, что не привязан ни к какой теологической «школе». Вот, подумаете Вы, ещё один самородок по библеистике объявился. Но скажу Вам наперёд: мне самостоятельность мышления дороже всего. И в этом нет никакой эпатажности, — в моём возрасте это уже ни к чему.

— Вы вроде как оправдываетесь... Наоборот, это возбуждает мой интерес всё более. Так как, всё-таки, с моими вопросами?

— Вам они интересны как верующему человеку или в порядке осведомления?

— Скорее всего, где-то посередине. Верующим могу назвать себя лишь условно. Конечно, не воцерковлён, хотя в храме иной раз бываю... по необходимости.

— Это как, Георгий Васильевич?

— Так ведь умирают же люди, и среди них — родные, близкие, приятели. Вот и отпевают их в храмах, а мы — вокруг холодного праха. Но что там батюшка в течение сорока минут произносит из положенного текста заунывным речитативом, мне непонятно. Полагаю, что и другие понимают не больше

моего, хотя крестятся, когда положено. Женщины в день похорон вообще стараются показаться истово верующими, компетентными абсолютно во всём: и как гроб нести, и в какой момент перед самым погребением кол подложить под бок усопшему.

— Что Вы такое говорите? Может быть, у Вас какие-нибудь счёты с православием? Какой кол?..

Это вставил своё слово Миша, до сих пор сидевший на кровати, по-восточному скрестив под собой ноги. Не отрываясь от своего смартфона, — как он ещё не спит с ним? — к разговору, оказывается, прислушивался.

— Никакие не счёты, Миш... А кол — так это от чертей, чтобы душа покойника могла чем отбиваться, пробираясь в рай. Не думаю, что этому учат в православии, но ведь здесь присутствует т.н. батюшка, — и его это не смущает. Но ведь ничего из этой дичи нет в погребении других вероисповеданий; а уж приходилось бывать много, к сожалению, при этих скорбных ритуалах. Но мы ушли от темы, так сказать. Извините, Лаврентий Иванович.

— Хорошо, оставим это, к Вашим вопросам не относящееся. Попробую объяснить своё понимание того, о чём Вы спрашивали. Все эти евангельские сюжеты и персонажи я воспринимаю спокойно, без

каких-либо травм для своего сознания. Одновременно понимаю, что если бы всего этого не было, моя вера во Христа не пострадала бы.

— Вот как?

— Учтите, Георгий Васильевич, я отвечаю на Ваши вопросы по упрощённой схеме, если так можно сказать. В этих вопросах — да и не только в них — есть большое количество нюансов...

— В нюансах-то, часто, и содержится главная суть.

Лаврентий Иванович невольно улыбнулся: реплика оказалась к месту и — удачной.

— Да вот, пожалуй, и начнём с нюансов. Прежде всего с того, в каком статусе будем воспринимать Новый Завет. Есть ортодоксальная позиция, утверждающая, что всё, написанное там — это непосредственно слово Божье. Вследствие этой установки, всё надо воспринимать буквально. Сказано, хор ангельский на полях вифлеемских — значит, так и было.

Есть позиция либеральная (говорю светским языком); там считают, что «богодухновенность» Писания нужно понимать как некий синтез божественного и человеческого. То есть это уже боговдохновенность, где авторы новозаветных текстов

вовсе не были некими автоматами, чьи перья лишь выводили буквы, без всякого участия интеллекта и воли самих пишущих.

— Вот это уже по моей части... Я правильно запомнил: богодухновение и боговдохновенность? Говоря на нынешнем сленге, запáло: я не знал о разнице в этих понятиях. Но я бестактно перебил...

— Всё в порядке, продолжаю. Не нужно быть большим специалистом в области текстологии, чтобы увидеть конкретную личность автора евангелия или послания, с его индивидуальностью, широтой взглядов или — есть и такое — узостью. Да, — я это подчёркиваю, — они были вдохновлены Свыше на написание того или другого текста, но то же Провидение позволило им быть самими собой. К слову сказать, такой подход либералы применяют и к Ветхому Завету. И мне кажется, Вы уже догадываетесь, что я отношу себя ко второй категории. Поэтому-то я весьма спокойно отозвался на Ваши, Георгий Васильевич, вопросы, связанные с рождественскими сказаниями. Но вовсе не равнодушно, прошу заметить.

— Слушайте, Лаврентий Иванович... Надо было мне заболеть воспалением лёгких в такой степени, чтобы оказаться здесь и узнать столь непривычное для меня. Я — завкафедрой на филологическом факультете нашего университета. Библия у нас

проходила как предмет мировой культуры. Студенты проявляли к ней интерес, как к культурному памятнику — без всякого религиозного пиетета. Такие явления, о которых я Вас спросил, вызывали у них, мягко говоря, скепсис, — и кто скажет, что они неправы? Были, конечно, такие, которым безразлично относительно странной звезды, путеводительствовавшей волхвов вплоть до вифлеемских яслей, — для них это результат фольклорного творчества; им лишь бы «зачёт» был. Но ведь были и другие, которые хотели понять то, что является основой христианской цивилизации, но не могли преодолеть в себе некий барьер. Вот как-то на очередном семинаре задала мне одна студентка вопрос: «Понимаю здесь наличие фольклора, но как евангельское сказание (я читала Зенона Косидовского) могло так быстро и всеохватно овладеть умами миллионов людей тогдашнего мира, не пойму». Непонятно и мне ...

— А почему Вы об этом говорите, как о прошлом?

— Так ведь многое поменялось в наших программах. Вот и часы на изучение Библии как памятника культуры европейской цивилизации урезали так, что ничего и не осталось. Зато нашлись часы для военной подготовки, и их немало.

Затянувшаяся пауза, совсем не запланированная:

— А-а-а, ну да ...

«...Только голос мерный,
Флейты голос нервный
Да надежды злые».

Из коридора прозвучал зычный голос разносчицы
еды: «На обед!»

— Давайте, Лаврентий Иванович, продолжим наш
разговор ближе к вечеру. После обеда положено
отдохнуть, потом процедуры...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Но к вечеру у Георгия Васильевича по непонятной причине поднялась температура. Пришёл Антон Юрьевич, дал распоряжение добавить что-то из лекарств; медсестра принесла стойку, поставила капельницу.

Чтобы не быть помехой, стали прогуливаться с Мишей по длинному коридору, метров в сорок, — удобно для ходьбы, в палате-то поневоле больше сидишь. За окнами темно, но в конце коридора открывался вид на квартал многоэтажек, и кое-где мелькали рождественские огоньки, — видно, кто-то уже праздник отмечал. А возможно, просто ради детей родители заранее к Новому году устроили иллюминацию. Как-то всё сдвигается, меняются нравы. Каким милым было ожидание в доме ёлки, появление под ней Деда Мороза, Снегурочки. И пусть наивность была скоротечной, но очарование сказки хотелось сохранить; в душе было безотчётное желание чего-то таинственно-чудесного, приносящего радость удивления. Куда всё это, хранимое веками, подевалось? Ради жёлтого дьявола, то бишь барыша, реклама стала использовать милый образ доброго Деда Мороза в самых дешёвых, а порой и просто похабных роликах. Скромные же Снегурочки теперь более похожи на тружениц древнейшей профессии. Что

ж удивляться, если дети становятся жёсткими, требовательными? — ведь эти рекламные персонажи воспитывают детишек лишь в духе потребительства.

— А в тех добрых сказочных новогодних образах нет ли обмана, Лаврентий Иванович? Дети сейчас слишком рано взрослеют, — им уже трудно подавать всё это за правду.

— И мне, Миш, как-то подросшая внучка сказала, что в «дедморозовских» подарках взрослые люди обманывают. Я ей спокойно объяснил, что это невинная игра; ведь играла же она в куклы — и что плохого в этой игре? Видимо, я неплохо сделал сравнение, доступное её развивающемуся уму; во всяком случае, её это удовлетворило. Так что наши совместные с ней чтения сказок продолжались, чего я пожелал бы многим.

Все эти рассуждения вслух старого человека Мишей воспринимались двояко: он вроде бы и соглашался и в то же время разводил руками: куда деваться от вездесущего телевизора? Да теперь у тех деток в руках вместо книжек нехилые смартфоны, — а там о них помнят с не меньшей «заботой».

— Как говорится, Лаврентий Иванович, куда бедному хрестьянину податься?

И то правда — куда? Здесь требуется каждодневный контроль над собой, но это титанически трудно. Ведь здесь нужно знать — прежде всего — «что такое хорошо, а что такое плохо», чтобы контролировать себя. И если у Маяковского с таким вопросом «кроха» подошёл к отцу, то нынче ведь и в этом проблема: замотаны родители в кружале повседневности, и не остаётся ни сил, ни времени для нравственных наставлений. Но иного пути нет. Ведь не школа же станет этим заниматься; там каждый год меняются программы, и сами учителя не успевают за ними, — до ученика ли тут? Даже текущий материал по «предмету» не всегда внятно излагают; издёрганные все. Так что Мишин вопрос завис в воздухе.

— А пойдём-ка в палату, если не возражаешь?
Уже все больные разошлись на ночлег.

Георгий Васильевич уже спал, — и это хороший признак того, что ему стало лучше. Оставив свет только в своём изголовье, Лаврентий Иванович открыл ноутбук, — как же это удобно, — и вставил в свои «нотатки» немного сегодняшнего. *Nota bene* («заметь хорошо») — это малознакомое слово он позаимствовал у протоиерея Туберозова из «Соборян» Николая Лескова. Нравился мне (в личных записях могу не стесняться говорить от себя) этот писатель, а ведь познакомился с ним, можно сказать, случайно. Давно

уже, лет этак пятьдесят назад, зайдя в букинистический магазин по своей всегдашней привычке, увидел одиннадцатитомник этого автора. И ведь не был ещё знаком с творчеством этого автора, но купил же, — да не скоро стал что-либо читать из этого собрания. В жизни потом не раз убеждался, что до чтения того или другого произведения нужно созреть. И ещё (пусть это кому-то покажется фантазией): я стал обращать внимание, что провидением Свыше книга приходила ко мне, когда было нужно; а пока стоит себе на полке годами. Но приходит созревание, и только тогда чтение бывает полезным. Сколько я встречал «книгочеев», которые могли блеснуть знанием книг самых авторитетных мировых классиков, — а ведь в жизни были какие-то никчемные. Но — начитанные, так что мне было внутренне даже неудобно (хотя и не стыдно), что не «проглотил» всю их книжную громаду. Вот-вот, они глотали книги, не разжёвывая. Критически рассуждая о себе, почему не стыдно, стал понимать, что вижу не столько вширь, сколько вглубь. Мною плохо запоминались даты исторических событий и имена, им причастных, — будь то военных или государственных. Но лучше постигал внутренние мотивации, первопричины. Вот и нынешняя страшная беда войны с Украиной. Обработанные телевизором, судачат про злоумышленные поставки современного оружия со стороны Запада — а прежде всего из Штатов: «Вот

ведь злыдни. Не будь их, давно бы уж покончили с этими хохлами». И мало кто вспомнит, кто конкретно первым нарушил мирный баланс; да и лень думать об этом. Не Россия ли заявила себя в Будапештском Меморандуме как о гаранте неприкосновенности границ с Украиной? Подписантами гарантий были ещё Штаты и Великобритания. Но россиян приучили к жизни «по понятиям», а не по Закону — в данном случае Международному Праву. Согласно этого Права следует, что коль ты являешься по своему волеизъявлению членом некоего сообщества, то будь добр поступай по его правилам. Нам же Право не указ, и в баскетбол мы хотим играть ногами. В Украине (суверенном государстве) стали строить свою жизнь не по-нашему; согласно Международного Права, это дело самих украинцев. Но мы же думаем по-блатному, «по понятиям», — и вот уже «крымнаш», Донбасс, а уж что сейчас мы там делаем уже третий год, не вмещает разум. Дела военные идут далеко не «по плану», — так бомбят в Украине не столько военные объекты, сколько гражданские, чтобы возбудить протест среди мирного населения: авось руководство Украины согласится на «мирные» переговоры, на отказ от своих территорий.

Что-то раздумья какие-то рваные... Да, «нотатки»... Я вовсе не собирался вести дневник, как это делал Туберозов. Зачем? Но некая сокровенная

мысль всё же была: пусть эти «заметь для себя» останутся в недрах компа, скопированные для надёжности на флэшку (иначе рискованно вбивать слова в эти хранилища); кто знает, не вызовет ли интерес у детей или внуков по истечении какого-то времени, каков был внутренний мир их отца и деда? Никаким особым деятелем я себя не считаю, но знаю по своему опыту, как уже на старости лет не хватает каких-то личных записей моего отца. Казалось бы, ну что тебе до не своего опыта? Можно ли что-то применить для себя? Для многих здесь неотразимый, казалось бы, скепсис. Но замечено: чем старше становится человек, тем более его тянет к воспоминаниям о родителях. И если от них сохранились какие-то записи — в виде писем или дневников, — то есть возможность как бы (здесь это «как бы» вполне уместно, в отличие от Мишиных) поговорить с ними, в чём-то сверить свои часы.

В своё время, когда так ненадолго промелькнуло в России нечто вроде демократизации, мне была дана возможность читать «Дело» моего деда, осуждённого НКВД на десять лет, так и не возвратившегося домой. Внимательно вчитываясь, я понимал поведение подследственных в ходе допросов: кто-то уже не выдерживал и начинал — вольно или невольно, Бог судья — оговаривать своих подельников. Но протоколы

допросов были архивными свидетелями того, что дед никого не оговорил и оказался достойным исповедником Веры во Христа, за что и получил 58-ю. Осталась, как память о застенках «конторы», его Кассационная жалоба, — наивная надежда, что учтут его батрацкое прошлое, рабочие годы в железнодорожных мастерских и в конце концов то, что остались шестеро детей да неграмотная жена. Наш «самый гуманный суд в мире», вестимо, всё это оставил втуне. Сохранилось несколько писем деда, адресованных единственной дочери (остальные дети — сыновья), в которых из ГУЛАГа шли некоторые советы, как лучше вести себя в этом мире, изуродованном сталинизмом. Характер писем был бодрым, но чувствовался некий надлом, — условия жизни где-то на «зоне» в Уссурийском крае санаторными не были. Уже в 48-м году пришло письмо, где слышалась радость предстоящей встречи. Что там и в каком месте произошло, неизвестно до сих пор...

Да, мысли перескакивают одна через другую, — и хорошо уж то, что я, Лара, как меня по-домашнему называла пребывающая уже в лучшем мире Лера (захотела жена такого вот созвучия), хорошо уж то, что я сохранил способность относиться к своим возрастным странностям со спокойной иронией. Вот ведь что-то вспомнилось про взгляд «в глубину». В

связи с чем? Дай Бог памяти... Так ведь про войну же, от которой уже не спрятаться, не скрыться.

Продолжается это сатанистское безумие, а у нас так и нет того, что называется «опамятствованием». Нет, конечно не все «рашисты», — так пришили этот грязно-коричневый ярлык сермяжной дратвой всем, проживающим по российскую сторону бытия, — но напрасно искать оправдания. Вон истошно кричит обезумевшая мать в Днепре, чьи дети погибли от людоедского ракетного удара со стороны «русского мира», — подойди к ней, проклинаящей всех русских, и объясни, что ты здесь не при чём. Она тебя ещё больше проклянет, — и кто докажет, что она была неправа?

В библейском глубинном понимании (а-а-а, вот она потерянная мысль про «вглубь») — это духовная война Сатаны с Богом. Ведь ещё в самом начале Библии сказано, что Всевышний сотворил человека по образу Своему и подобию. Все комментаторы в иудаизме и христианские богословы сходны в том, что здесь подразумевается естественное Право человека на свободу самоопределения, свободу выбора. Сатана же делает всё, чтобы подавить в человеке эту свободу, которая попорана в нашей стране настолько, что о ней стало уже неприлично и говорить. Ну, про нашу — разговор отдельный. А вот в Украине от слов перешли к

делу, и в этом их естественное право. Очевидно, сказывается дух казацкой вольности, унаследованный от Запорожской Сечи. Но Сатане любая свободолюбивость не по нраву, и наши сатанисты могут использовать хоть какое словоблудие для оправдания своих замыслов, но глубинная суть всё равно коренится в богоборчестве.

Однако, уже поздно... Не помешать бы соседям...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Однако, наличие смартфонов даёт и неожиданное удобство. Сидит себе человек в палате, смотрит что-то и слушает; со звуком проблем нет — вставляя наушники без помехи кому-либо. Раньше ведь как было? — Приходил человек со своим более-менее компактным телевизором, который умещался в сумке, включал его, «угощая» соседей по палате телевизионными помоями. Ему-то дюже нравилось, как профессионально срежессированные будто бы дебаты напоминали больше свару давно некормленных цепных собак. Он и «телек»-то принёс потому, что никак не может без него; иначе он будет одинок и несчастен. «Книга? Да чо?..» А тут — пожалуйста, хлёбова на всю Россию хватает. «Меню» только по названию разнообразно, а по сути — всё то же оглупление населения. Но сейчас есть возможность по крайней мере никому не навязывать свои предпочтения. Вон Миша: сидит «тихо сам с собою» и что он там смотрит и слушает, неважно.

И только-только об этом подумал, а он:

— Ведь нынче ж Рождество Ваше, Лаврентий Иванович. А музыки как бы не слышно.

Непонятно, что он хочет этим сказать.

— Так я слушаю проповедь одного из немецких пасторов. Это совсем не музыка.

— Вот уж и Германия, блин, к нам пожаловала. Наших что ли мало?

— Она к нам не пожаловала, это я её включил. А пастор этот хоть и немец, но из наших, из Казахстана. Его дедов туда сослали, если не ошибаюсь, во время Второй мировой войны. По-русски говорит, как иным нашим поучиться бы говорить. И почему бы не послушать христианскую проповедь? Кстати, на ютубе можно видеть всё богослужение, что весьма удобно.

— Зачем это Вам? Ведь у нас типа и своих хватает.

Вот ещё распространённый словесный вывих. Чего — «типа»? И ведь сами себе этот вопрос не задают.

— Хватает, не спорю. Но ведь интересно же послушать и других. Знание лишним не бывает, — глядишь, да и позаимствуешь что-нибудь полезное.

— Да уж куда ещё Вам-то, с Вашими-то знаниями. Поневоле как бы слышал Ваши с Георгием Васильевичем рассуждения.

— Я никогда не стеснялся учиться. Скажу больше, Миш: в разговоре с малознакомыми людьми я стараюсь

лучше задавать вопросы, чем говорить самому. Это один из проверенных способов учиться и лучше понять собеседника. Вспомнил вдруг один курьёзный случай. Хочешь, расскажу?

— Ну да...

— В девяностых годах у нас в городе на улицах стали появляться странные пары: парни вдвоём. Одеты всегда подчёркнуто строго — аккуратные костюмы (обычно чёрного цвета), галстуки, туфли. И бейджики на лацканах: старейшина, далее что-то там более маленькими буквами. Но прочитать можно, если они стоят на перекрёстке в ожидании «зелёного». Откликались при обращении к ним весьма охотно; собственно, как оказалось, они в этом были заинтересованы.

— Еговисты, что ль?

— Если правильнее — «иеговисты», но о них сейчас не будем. Эти же были, попросту сказать, в миссионерской командировке, представляя собой «Церковь Иисуса Христа святых последних дней» ...

— Мудрёно что-то...

— Да. И длинновато. Вот на каком-то перекрёстке я дал этим рыбакам себя «поймать», к нескрываемой их радости. О такой «церкви» слышал, но близко не соприкасался; да их и не было у нас. А тут — радушное

приглашение; что ни говори, а вероятен ещё один прозелит...

— Чево, чево?..

— Ну, новообращённый в какое-нибудь вероучение. Наличие Иисуса Христа в названии этой организации делало серьёзную заявку. Что ж, я из всегдашнего желания учиться в очередное воскресенье пошёл по адресу; они снимали в аренду зал в одном из Дворцов культуры. Дела тогда в финансовом отношении были плохи, вот администрация и сдавала в аренду. Тогда так делали многие...

— Так какая же это церковь, если в клубе?

— Миш, ты удивишься, но «церковь», в её изначальном и основном понимании — это «собрание». В самом себе это слово не содержит чего-то сакрального.

— Ещё мудрёное слово, блин...

— Если проще: священное. Рассказываю дальше: пришёл скромно, наблюдаю. Неподготовленному человеку многое было внове; что-то вроде «клуба по интересам». Никакой проповеди я там не услышал, вопреки ожиданию. Там отрабатывалась какая-то своя программа, рассчитанная в основном на молодёжь. Пересказывать трудно, нужно видеть. Но уже в первый раз подметил, на какую приманку ловилась рыбка: там

в занимательной форме, в форме игры, приобщали к английскому языку... бесплатно. Очевидно, всё было хорошо продумано: обучение — задаром, потом — ближе к основному.

— Вы, Лаврентий Иванович, тоже на халяву клюнули?

— Со мной получилось по-другому. У них там можно было взять, тоже бесплатно, их вероучительную «Книгу Мормона». Собственно, их коротко у нас и называют «мормонами». Без внимания я там не остался. Те ребята, с которыми была случайная встреча, любезно подошли ко мне, задавали какие-то вопросы. Но когда я их спрашивал о чём-то серьёзном, они как по заготовленному отвечали, что компетентно ответить сможет кто-то у них то ли главный, то ли ещё как-то именуемый. Подарили мне ту книгу, а я в свою очередь попросил назначить мне день, когда со мной может поговорить их т.н. компетентный человек. Назначили. Я зря время не терял, дома аккуратно читал их «Мормона» с блокнотом и ручкой, делая для себя заметки. В назначенное время встретился с более компетентным «старейшиной». Снова была любезность, но она как-то постепенно затухала, потому что я задавал неудобные вопросы...

— А в чём были неудобства?

Это спросил уже Георгий Васильевич. Он долго отсыпался после вчерашнего стресса, к нему и ночью пару раз приходила дежурная медсестра с уколами. Пока он приводил себя в порядок, его не тревожили и ни о чём не спрашивали. Да и о чём спрашивать? Понятно, тяжело было человеку...

— Отпустило после вчерашнего? Тряхнуло Вас, однако. Медсестра часа два назад заглядывала да не стала тревожить. Сказала, зайдёт попозже. А неудобства были в том, что я же им не говорил, что я человек верующий и Новый Завет знаю хорошо. Чтобы читать «Мормона», нужно, если по-честному, сначала читать Евангелие, как первоисточник христианства. Эти же ребята работали с расчётом, что никто ничего не читал, — так они и набирали себе новообращённых. Но я-то был подготовлен, хотя задавал им вопросы с видом наивного человека, который хочет разобраться: почему здесь не так, а вот здесь как-то странно. Ведь если Евангелие — документ гораздо более ранний по сравнению с «Книгой Мормона», возникшей аж только в 19-м веке, — почувствовали разницу во времени? — то последняя должна, по меньшей мере, не противоречить первому. А там несостыковок — пруд пруди. Словом, опять были «отмазки» вроде того, что вот приедет ещё более компетентный, и тогда... После второй встречи я понял, что не стоит более мучить этих парней.

— Так откуда у Вас у самого-то знание Библии? Я до сих пор слаб в этом, хотя и филолог.

— Я в своё время — ещё советское — учился на историческом факультете; точнее — на «истфиле», но на отделении историческом. Диплом писал, как ни странно, на кафедре «научного атеизма».

— Вот как? С чего бы это? Вы сознательно были атеистом?

— Ну, какая у студента могла быть «сознательность» в его-то возрасте? Вы хоть и моложе меня, но всё же знаете, должно быть, что те годы были временем государственного атеизма, — так что учиться, будучи прикрепленным к той кафедре, совсем уж и не предполагало какого-то осознанного убеждения. И в комсомол-то в школе принимали, считай, автоматом: подошёл возраст, кажется — в восьмом классе, и всё. По т.н. «научному атеизму» все студенты должны были иметь «зачёт» в своих зачётных книжках, и тут уж выбора не было. Мише повезло, ему с этим маразмом не приходилось жить.

— Да уж, Лаврентий Иваныч, диковины Вы какие-то выдаёте. Слушаю, и такое ощущение, блин, что речь идёт о каком-то другом мире.

— Да... Сейчас это всё в дымке воспоминаний, а тогда... В нескольких кварталах от нашего факультета

была консерватория, и там учился мой друг. Талантливым был скрипачом; будучи ещё студентом, он уже был лауреатом Конкурсов. Так ведь не дали ему диплом; «зарубили» на пятом курсе, потому что у него был долг по «научному атеизму» — в силу несогласия с оным.

— Да ну?

— Вот тебе и «да ну». Я ж ведь не сочиняю.

— Хорошо. Получили «зачёт» и пошли каждый своей тернистой студенческой дорогой. А Вы остались на этой кафедре...

— Но там всё-таки была какая-то специальная литература; можно было расширять свой кругозор. Кроме того, Георгий Васильевич, у жизни ведь свои сюрпризы. Знал и приятельствовал с одним парнем немного постарше меня, с которым мы сблизились уж не помню теперь, по каким вопросам. Он как-то поведал мне уже после окончания университета, что к вере в Бога его привёл... «Реквием» Моцарта. К слову сказать, он тоже был отчислен за свои религиозные убеждения; но был он напористым и долго отстаивал своё право на защиту диплома биолога. И ведь поди ж ты, добился-таки своего. Случай, скажу вам, весьма редкий.

А у нас на кафедре после новогодних каникул студенты должны были проходить т.н. «практику». Она заключалась в посещении богослужений, чтобы мы, так сказать, наглядно могли наблюдать «мракобесие», как и гласил атеизм. В виду того, что православие всё же было знакомо, наша группа ходила на собрания евангельских христиан.

Миша оторвался от смартфона:

— На собрания — это в церкви, как Вы говорили?

— Да. Поначалу всё было в диковинку: в частных домах (переоборудованных, правда, под специфические нужды), ни росписей тебе, ни привычных икон. Были, правда, по стенам в рамочных форматах тексты из Библии, по преимуществу из Нового Завета. Проповедь читает проповедник без какой-либо спецовки, — имею в виду особые облачения, как у православных. Хор поёт, представьте себе, на русском языке. Нас завкафедрой инструктировал: «Нужно не только глядеть, но и входить в контакт, — а для этого никаких вам ухмылок или чего-то вроде этого». Мы, значит, и вели себя аккуратно. После богослужений к нам подходили кто-нибудь из молодых прихожан, знакомились; мы ж были ровесниками. За воротами молитвенного дома (так он у них назывался) не расходились, потому что для обеих

сторон было по-хорошему интересно. Конечно, интерес был разный, но всё ж...

Что-то стало проявляться иное. Нам ведь говорили, что там — всё лишь тёмные люди, забитые, отсталые. В те годы и фильм даже вышел — «Тучи над Борском», вот про таких сектантов. Да, людей с высшим образованием там не было, это факт, но ты ведь не догадаешься, Миш, почему так.

— Потому что тёмные и отсталые...

— Да нет. Не давало же родное государство верующим людям получать высшее образование. Обычная школа — в обязательном порядке, но даже в училище или техникум немногие попадали. Знал одну милую девушку, учившуюся в медицинском училище, — так ведь отчислили же.

— Она что, афишировала свою Веру?

— Вовсе нет. Не те были времена, чтобы бравировать Верой. Была скромной, училась аккуратно и была бы прекрасной медсестрой, внимательной к больным, что для нас немаловажно. Но ведь у КГБ око недремлющее, возможности «горячего сердца и чистых рук» были безграничны.

— Почему это Вы про горячее сердце?

— Эти слова приписывают самому Феликсу Дзержинскому: у чекистов должны быть холодная голова, чистые руки и горячее сердце.

Встрял Георгий Васильевич:

— Да уж... Дядю моей жены заморили эти «чистые руки», вклеив ему «десятку». Сосед написал донос, подметив, что тот дядя селёдку чистил на газете, а там — портрет вождя всех прогрессивных народов. Впрочем, не продолжите ли свои воспоминания?

— Извините, я часто отвлекаюсь в своих повествованиях... Так вот эти встречи с христианской молодёжью во мне что-то изменили. Не спешите думать, что меня там что-то озарило, и я стал тоже верующим. Таковым я стал много позже, и это разговор отдельный. Но то, что тамошние ребята и девушки оказались просто нормальными людьми, послужило неким противоядием от того, чем мы были накачаны на кафедре. Звёзд с неба никто из них не снимал, все они работали по своим трудовым специальностям. Но мне нравилось их желание узнать многое из нашего академического мира, который им был недоступен. И мы, не такие уж и знатоки, всё же отвечали им на их вопросы, как могли. Были и споры, но мы помнили инструкцию и старались не очень-то уж настаивать на своей правоте. Тем более, что чувствовалась и их

правда, не совсем нам понятная. Но всё моё многословие сводится к тому, что я увлёкся религиоведением да с такой «специальностью» и получил свой диплом. Вот отсюда — с университета — и началось моё знакомство с Библией, — и наконец-то, Георгий Васильевич, я ответил на Ваш вопрос.

Из коридора был слышен зычный голос разносчицы еды — «На обед!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

А к концу рабочего дня в палату вошёл Антон Юрьевич — и напрямик к Мише:

— У нас есть подозрение на туберкулёз. Снимки настораживают. Наш фтизиатр в отпуске. Мы даём Вам направление в соответствующую больницу...

Ошарашенный Миша сидел, как вкопанный.

— В к-какую больницу?

— Туберкулёзную. Да Вы не пугайтесь.

Направление Вам даём в диагностическое отделение, где должны или подтвердить, или не подтвердить наше подозрение. Это не вот прямо к «тубикам», извините, не корректно сказал. У нас нет специальных средств для такого рода обследования. Но и рисковать здоровьем других больных мы, сами понимаете, не можем. С нас потом, в случае чего, спросят. Завотделением срочно куда-то вызвали, и направление может быть подписано только им, — так что завтра с утра его и получите.

После ухода врача — тягостная долгая пауза. Никто не знал, что сказать бедняге.

Наконец — Георгий Васильевич:

— Неаккуратно он сделал. Неужели не понимал, что такая новость — вовсе не подарок? Можно было бы

хоть в той же ординаторской поговорить
предварительно, подготовить.

Миша (выругавшись):

— Прямо как обухом по голове... Никак не
врублюсь...

... И быстро вышел из палаты.

Было понятно его смятенное состояние. Жаль парня. Может, ещё не подтвердится подозрение?.. Лаврентий Иванович смотрел в окно на быстро вечеряющую автомобильную дорогу метрах в двухстах от больницы. Собственно, это же не намёк на онкологию. Но ничего у нас не проходит просто так. Ведь прежде всего — это дополнительные дни госпитализации, а с заработком и без этого молодым людям в натяг. И кто знает, не уволит ли руководитель фирмы (или что там у них?) Мишу с таким подозрением на инфекционное заболевание? Один начальник воспримет новость сдержанно и с пониманием (всё ж таки — пока обследование), другой — «с глаз долой, из сердца вон». И если подозрение не подтвердится, — дай-то Господь, — всё равно предстоит мыкание в поисках работы. А с этим дела скверные, да у Миши семья: девочка школьница да мальчик детсадовского возраста...

За дорогой, немного поодаль, тянулась железнодорожная ветка, и по ней тянуче полз грузовой состав настолько длинный, что локомотив уже скрылся, а вагоны всё ещё выползали и выползали почти уже из темноты. Какое-то тягостное было состояние...

— А Миша действительно как-то подозрительно подкашливал. У меня совсем по-другому, сейчас почти нет кашля. Перед Новым годом больные стараются не попасть в больницы в виду долгих праздников, — здесь ими мало кто занимался бы. Да и тех, кто ещё остаются, врачи долечивают наскоро, понимая ситуацию. Может, и нас отправят домой досрочно. Проходя по коридору, заглядывал в палаты, — так есть уже полностью пустые.

— А я вот, Лаврентий Иванович, дышу что-то ещё с трудом, отдаёт болью в подреберье при глубоком вздохе. Антон Юрьевич говорит, что плеврит. Видимо, я сам сплеховал, перенёс воспаление лёгких на ногах. Мы ведь как? — заболевание знакомое, препараты по преимуществу — антибиотики, лечимся сами. Скоро сессия, — а нам только дай поработать. Шутка, конечно, хоть и невесёлая. Ну вот и дошутился. Справедливости ради хочу сказать, что идти лечиться по правилам, т.е. идти в поликлинику, так лучше застрелиться. Перечислять все тамшние «хождения

по мукам» — это только заводиться. Да Вы и сами, поди, это знаете не хуже меня.

— Да как не знать, Георгий Васильевич. Года три назад, нет — уже четыре, меня шарахнул микроинсульт. Хорошо, что это произошло дома. Жена вызвала «скорую». Не скоро, но всё ж приехала. И что? Давление измерили, сунули какую-то таблетку под язык, и до свидания. А мне так плохо, что я, поверите ли, уже просил Бога взять меня отсюда. Вызвали уже платную «скорую», и только теперь стало похоже на оказание квалифицированной помощи. Никуда не спешили, поставили капельницу. А у меня головокружение всё равно такое, что свет не мил. Жена было про госпитализацию спросила, а доктор рассудительно говорит: «Вы разве не знаете, что сейчас творится в больницах? Отовсюду везут ковидных. Некоторые отделения закрывают свой профиль и переоборудуются под эту пандемию. Нет гарантий, что Ваш муж не подхватит эту заразу, — и тогда это конец». «А что делать», — жена спрашивает. «Если хотите, я назначу лечение, и к вам будет приезжать фельдшер, ставить капельницы. Десять сеансов». Всё было резонно, и я хоть сквозь муторное состояние (от головокружения выворачивало наизнанку, рвота была, извините, до зелени), но дал своё согласие. Да и выбора не было. Доктор, дай Бог

ему здоровья, здесь же позвонил, договорился, и на следующее утро приехал молодой мужчина, весьма тактичный, всё делал аккуратно и не торопясь; иногда подменяла его жена. И так — десять дней. Встал на ноги. Наружных последствий, как видите, нет, но с головой всё же до сих пор непорядок.

— А в чём это выражается?

— Да я, знаете ли, даже сам себе с трудом могу это описать, чтобы было понятно. Постоянная тяжесть в голове; такое ощущение, будто она под каким-то давящим тяжёлым колпаком, из-под которого всё время хочется выбраться. Правда, нет боли, и то уже хорошо. И очень быстро наваливается усталость; не та здоровая усталость, которая приходит после какого-либо труда, — а дурная, когда просто уже ничего не хочется. Единственный способ — это дневной сон, который я для себя называю «лечебным». И всё же весь день хожу, как сомнамбула, всё воспринимается как-бы не наяву. Хотя рассуждаю, по-моему, вполне правильно. Сейчас произносят — «адекватно», но я не воспринимаю этого слова. Что, у нас русский язык обеднел?

— Ну, это — мой «хлеб». Я же филолог. Мы уже устали биться-бороться с этим засорением разговорной речи. Одно дело — доклад на какой-нибудь конференции или статья в научном журнале; там

поневоле употребляется иноязычие. Но в разговоре... Столько стало несуразного, что хоть святых выноси.

Прохаживаясь по палате, Георгий Васильевич что-то обдумывал с каким-то нерешительным видом. Потом подсел к Лаврентию Ивановичу на соседнюю кровать.

— Знаете, мы сейчас вдвоём, и никто нас не потревожит. Мне хочется рассказать о себе. Нет-нет, ни о какой тайне речь не пойдёт... Вот Вы рассказывали о своей студенческой — теперь уже далёкой — жизни, как своеобразным путём стали верующим. У меня было по-другому, хотя тоже в студенческие годы. Шли годы «перестройки», многие коммунистические скрепы, как мы сейчас говорим, уже ослабели. Я как будущий филолог заинтересовался древнерусским языком, но он не пришёлся мне по душе, потому что он, по сути, мёртвый. А вот церковнославянский, который и сформировался из предыдущего, мне был ближе. В компаниях я любил петь, и кто-то из музыкантов подметил, что у меня хороший голос. Надо сказать, что на стипендию жить было нелегко, да и время-то уже было «талонное» — почти все продукты выдавались по талонам. И я решил попробовать подработать в каком-нибудь храме. Было бы это несколькими годами раньше, я на это не решился бы, потому что студентов, таким образом подрабатывающих, отчисляли из

институтов. Так же, как Вы рассказывали. Как я вышел на регента одного из православных храмов в Ярославле, — я ведь оттуда родом, — история неинтересная; суть в том, что я стал ходить на спевки. Должен признаться, что я немного обманывал себя: хотя мне действительно был интересен сам церковнославянский язык, но меня ещё что-то побуждало к Вере. Я не знаю, как это объяснить. Ни родители, ни деды верующими людьми не были. Может, зов более далёких предков...

Дверь резко распахнулась, и вошёл Миша, весьма удручённый. Понятное дело... Сел на кровать — и сразу за свой смартфон. Георгий Васильевич, после нерешительного колебания, продолжил:

— Очевидно, мой голос был неплохим, хотя музграмоты никакой. Поначалу я старался петь «с голоса», подтягиваясь к поющим рядом; одновременно регент подключил меня к Никите, с кем я стоял вместе на клиросе, который обучал меня азам сольфеджио. Занятия эти были мне неприятны, но я понимал, что всякому делу надо прежде всего учиться. Когда же я стал понемногу способен петь не просто, как попугай, произнося бездумно слова, тогда стал пропускать их через своё сознание. Хотелось понять смысл того, что же я пою. Самостоятельно мне это не удавалось, и я стал спрашивать у самих певчих. Скажу откровенно, я

был неприятно удивлён тем, что они мне не могли ничего толком объяснить. То есть они сами не знали, но и не переживали из-за этого. Как я очень скоро выяснил для себя, там пели просто за деньги. Вера их не интересовала. Это не стало для меня какой-то трагедией; в конце концов я и сам туда пришёл подработать.

— Ну, а с Верой-то кто-нибудь помог Вам разобраться, Георгий Васильевич?

— Конечно, я хотел этого, — и меня познакомили с молодым священником, с о. Тихоном, возрастом под тридцать лет. Вообще забавно, скажу я Вам: он мне — отец... с разницей лет в восемь. Да ладно, не это главное. Но моё духовное просвещение с ним ограничилось лишь тем, что он подарил мне Новый Завет с пожеланием читать его. Прибавил, правда, чтобы я не слишком зарывался в чтение. Спасибо и на этом, если помнить, что в СССР трудно было приобрести эту книгу. Приближалась дата тысячелетия крещения на Руси — 1988 год, и религиозную литературу уже издавали, да и из-за рубежа помогали. Помнится, шведы издали большим тиражом Библию в трёх томах в подарок России; шикарное по тем временам издание. В общем, я стал читать и пытался понимать написанное. К моему удивлению, я обнаружил, что это не какая-то тайна за семью

печатами. Во-первых, стиль евангельского изложения был прост; т.е. это не какой-то религиозно-философский трактат. Во-вторых, фабула тоже незатейлива: вот рождение Иисуса, вот он выходит к людям и разговаривает с ними на их житейском языке, приправляя свои слова притчами, которые были понятны своей ёмкостью и убедительностью. Ну и — конечно же — голгофская трагедия, а перед этим — Гефсимания.

Уже позже, в самом конце прошлого века, мы с женой были в Израиле; конечно, посетили т.н. памятные места, связанные с Иисусом. Многие из них воспринимались нами весьма условно; мы понимали, что «Via dolorosa», к примеру, или Храм «гроба Господня» — это для того, чтобы поразить воображение паломников. Но вот Гефсиманский сад — это не условно. Коряжистые оливковые деревья настолько стары, что напоминают Мафусаила; они могут жить очень долго, и говорят, что некоторые из них могли в своей молодости быть свидетелями молитвы Иисуса. «И был пот Его, как капли крови»...

— Да, так и написано в Евангелии. Помнится, где-то у Лескова описывается случай, как один еврей страшно переживал из-за того, что его малолетнего сына насильно, с обманом отняли, чтобы определить в кантонисты. Бедный отец изнемогал в попытках спасти

своё чадо, весь избегался в поисках помощи и защиты, — и от него дурно пахло из-за кровавого пота.

— Так это же «Владычный суд» Николая Лескова. Однако, Лаврентий Иванович, я всё же продолжу про свои искания.

— А что Вы искали?

— Считаю нужным сразу сказать, что я был не из тех, кто из-за своих атеистических взглядов на мир в новозаветных текстах выискивал какие-то противоречия. Я был почитателем этой книги совершенно искренне, с позиции культурологии. Ведь было понятно, что в ней кроется нечто, трудно объяснимое рациональным умом; просто естественным ходом истории она не сформировала бы собой то, что мы сейчас называем европейской цивилизацией. Но... Кроме фабулы, которая была в общем-то понятна, был ряд недоразумений, который остаётся и по сей день. Из этого ряда и то, на что я дал намёк при упоминании о Рождестве.

— Помню об этом. У меня на этот счёт есть, что сказать. Но мне интересно выслушать Вас, Георгий Васильевич.

— Я ж человек книги, хотя и не в том смысле, когда говорят о евреях как о народе. Там прежде всего — Тора. Ветхий Завет я так и не осилил, так что пока

могу говорить о Новом Завете. Так вот мне как филологу хотелось прочитать и апокрифы. Вы ведь наверняка знаете, что это такое.

— Да понятно: некие древние манускрипты, неизвестного происхождения...

— Они дошли и до наших дней; для учёных это представляет большой интерес. Апокрифы хотя и не добавляют ничего в вопросах Веры, но дают возможность расширить понимание того времени. В т.н. «евангелиях» и «деяниях» апокрифического ряда слишком много нелепых чудодейств, которые в результате только отталкивают читающего от того, к чему авторы стремились приблизить. К примеру, мальчик Иисус, бросавший камни и превращавший их в птичек... Оказывают, так сказать, «медвежью услугу» Благой вести.

— А причём здесь апокрифы в Ваших исследованиях?

— Вы мне льстите, — какой же я исследователь? Относительно Евангелий я самый простой человек, искренне желающий понять и принять. Да-да, принять! Я же никогда не был богоборцем. Но вот эти апокрифические сказания подтолкнули меня к мысли об аналогии, что и в канонических текстах есть некие места сомнительной достоверности. Возьмите хотя бы

ночь на полях вифлеемских, явление ангелов, воспевающих «Слава в вышних Богу» и провозглашение пастухам о чудесном рождении младенца. Написано оно настолько наивным тоном, будто это небесное явление было заурядным событием, что и удивляться-то нечему. «Пошли, ребята, посмотрим из любопытства, что же в нашем Вифлееме произошло». Городишко был хоть и небольшой, но всё ж «чудесного младенца» надо было ещё как-то найти. Оказывается, искать и не пришлось: прямо к овечьим яслям и пришли.

Но я несколько перескочил события. Вот девице является архангел и возвещает ей, что она, девственница, родит ребёнка без участия мужа. И снова тот же фон: Мирьям не упала в обморок от такого явления, — представьте себя на её месте, — даже и не испугалась, а только лишь спросила, как произойдёт зачатие у неё, не познавшей брачного ложа. Само событие описывается так, будто архангел являлся девицам нередко (ну, что особенного-то?), — а суть сводилась лишь к одному: каким образом это произойдёт? Без мужа? Нормально и понятно (с кем не бывает?): «Се, раба Господня».

И наконец, третье — из того, о чём я упомянул ещё тогда. Звезда, снова таинственная, вела-вела восточных звездочётов в течение нескольких месяцев и

привела... к Ироду в Иерусалим. Почему бы не сразу напрямиком в Вифлеем? Навигатор, извините, забарахлил? Неужели только для того, чтобы погибли вифлеемские невинные мальчики, возрастом до двух лет? Да и Иосиф-то с семьёй в том городишке оказался лишь для переписи населения, и жить там так долго смысла не было. Так что «чудо» с путеводной звездой явно натянуто.

Лаврентий Иванович с какой-то грустью в голосе, не скрытой от собеседника, тихо проговорил:

— Ну да, и чтобы исполнилось т.н. пророчество о плаче Рахели о детях своих, — так написал евангелист. Это тоже из ряда «медвежьих услуг» Благовестию. Во-первых, эта ссылка евангелиста на ветхозаветную историческую трагедию неуместна и бестактна, ибо там Иеремия плачет — его и называют «плачущим пророком» — о скорбных последствиях разрушения городов и истребления жителей Израиля. Во-вторых, с чего бы вдруг Вифлеем, «Дом хлеба», стал отождествляться с другим городом — Рамой? Напомню по тексту: «Плач в Раге слышен...». Вифлеем расположен к югу от столицы, а Рага — к северу. Там, как гласит традиция, умерла Рахель, любимая жена Яакова; она-то, по восточной образности, и оплакивает жителей Раги — города, через который вводили в

безвозвратный для многих плен. Так что Вифлеем здесь не при чём...

Как-то резко, передёрнувшись, встрял в разговор Миша:

— Чудеса, чудеса... Какие, блин, чудеса. У сестры моей жены не было детей; была она такая, не сказать чтобы набожной, но ведь в таких ситуациях женщина, блин, готова на всё, даже на абсурдное. Да и мать её — моя же тёща — подначивала: вон в Москву привезли «пояс богородицы»; говорят, для зачатия дюже помогает. И что? Колька, мой свояк, поддался, такой, на уговоры, — да и соблазн, блин, был как бы велик, — и повёз жену, такой, приложиться к этому «поясу». Думали так, а оказалось, блин, по-другому: было начало ноября, холод и ветер со снегом, паломниц-дур было тьма-тьмущая, очередь длиннющая. Вернулись домой — жена с глубокой простудой, а зачатия так и не получилось, блин. Но деньги на пожертвование оставили там не хилые. Если уж говорить честно, то все эти гастроли т.н. «мощей» и прочих реликвий — это способ забраться в кошельки граждан, по их доброй воле, блин.

Георгий Васильевич с недоумением слушал неожиданный пассаж Миши, и как только он сделал паузу, спросил:

— К чему ты это всё? То, что ты расстроен неприятной новостью, это понятно, и мы с Савелием Ивановичем тебе по-доброму сочувствуем, желая лучших показателей диагностики. А богородица-то при чём?

— Да при том, блин, что, копаясь в интернете, — я ведь в поисках сути порой захожусь и докапываюсь до неё, — я ведь выяснил себе, что все эти титулы (или как там в православии это называется?): «Царица Небесная», «Приснодева» и куча других, — всё это ей стали приписывать, блин, через ряд веков после её жизни. До сих пор непонятно, почему этой девственностью озабочены богословы? Ну родила, так родила. Её что, к гинекологу водили, чтобы убедиться в сохранении девственной плевы? Не понимают эти ортодоксы, что это просто неприлично обсуждать прилюдно; даже мне, мужику, неприятно. Короче, что ещё более интересным оказалось, так это то, — как писал один исследователь на одном из сайтов, — что у Марии после Иисуса ещё были дети (он давал ссылки на Евангелие). Так ведь богословы, блин, делают натяжки: это, мол, двоюродные братья. Понятно, блин, им это нужно во чтобы то ни стало доказать приснодевственность Марии. Подгоняли, блин, доводы, чтобы утвердить веру в её сверхземной статус. Но это ещё не всё: апостолы, современники Иисуса, никаких

намёков не подавали на какую-либо божественность Марии. А ведь её величают как Царицу над всеми небесными силами, первую после Бога. Тот же автор указал на интересную деталь, а я хоть и не силен в этих вопросах, но внимание на это обратил: на самом первом христианском Соборе (кажется, в четвёртом веке; почувствовали разницу во времени?) был выработан...как его...

— Символ Веры? — это подсказал Лаврентий Иванович.

— Во-во, он самый... Так вот там ни словом не сказано, что Мария — Царица Небесная. А догматы, утверждавшие Марию в небесном покровительстве, блин, появились ещё позже. Вы скажете, что я — профан в этих вопросах; да я, такой, как бы и не претендую на что-то учёное, — но мне аргументы того автора кажутся более разумными, чем все эти православные сайты. Он называл ещё каких-то исследователей этого вопроса, но я не записывал.

Лаврентий Иванович спросил озабоченно:

— Так какой же ты для себя сделал вывод после всех твоих поисков?

— Так вывод- не вывод, блин, а ощущение ваще такое, что слишком много напридуманного. Вы вот с Георгием Васильевичем как-то по-учёному всё это

обсуждаете, и я, такой, скажу, что мне как бы даже нравятся ваши рассуждения. По крайней мере, мне, профану, ваши слова понятны, а что творится в этих, блин, богословских догматах, то это для наивных, глотающих всё, не жуя.

В палату заглянул незнакомый врач (очевидно, дежурный из другого отделения). Спросив, нет ли жалоб, посоветовал из-за позднего времени отдыхать.

Савелий Иванович, расправляя сбившуюся простынь и поправляя подушку, охотно отозвался:

— И правда, товарищи по несчастью... Хоть мы и не мешаем никому, но я сам, сказать по правде, подустал. Спокойной ночи.

Поправив над своей головой светильник, чтобы не быть помехой, Лаврентий Иванович достал свой ноутбук с намерением что-то внести в свои «нотатки». Но мысли путались, — всё ж сказывается нарушение кровообращения в сосудах головного мозга, слишком быстро приходит какая-то муторная усталость. Разговор был неожиданным, и соседи не подозревали, что затронули тему, болезненную для него. Нет, нужно попробовать уснуть...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

А утром, во время гигиенических процедур (умывальник здесь же в, палате) из коридора послышался не то вопль, не то вой — не открытый, а какой-то сдавленный. Георгий Васильевич испуганно выскочил, не добривши с лица суточную щетину. Что-то произошло в женской палате, через две от них, — туда уже спешили ещё не сдавшие ночную смену медсестра и санитарка; заглядывали, разумеется, и больные. Врачи ещё не пришли на работу. Там, в палате, то уткнувши лицо в подушку, то мотаясь с бока на бок и зажимая себе рот, выла женщина лет пятидесяти пяти. Ей чем-то натирали виски, что-то пытались дать выпить, но она в исступлении корчилась на кровати. Вышедшая оттуда больная поведала стоящим снаружи у дверей, что той по телефону сообщили о гибели её сына на войне.

— Она, пока мы тут несколько дней лежали, говорила про него... Двадцать девять лет ему... Фото с телефона показывала... Что? С её слов, единственный... Добровольно пошёл туда по контракту... Что? Да кто ж знает, как она к этому относилась... Переживала, конечно, за него; иконку на тумбочке пристроила. Несколько раз, ночью, видела, как она крестилась на неё. Но как-то ненароком

проговорила: заработает, мол, да и вернётся по окончании контракта. А теперь вот так...

Миша всё спал; он был чуток на любые шорохи и закладывал уши ватными шариками, чтобы не слышать.

Лаврентия Ивановича в это время не было; он ходил сдавать кровь на анализ (натошак) двумя этажами ниже. Вернувшись в палату около часа позже по причине очереди в лабораторную, ничего не знал, — а узнавши, так и замер в безмолвии, глядя на соседа. Чувствуя нахлынувшую слабость, придерживаясь за грядущки кроватей, сел на свою. Вот так: каждый день пропуская через себя безумие этой братоубийственной войны, сталкиваясь с конкретным ужасом той женщины, снова оказываешься в ступоре. Он молча глядел на Георгия Васильевича, стоявшего спиной к окну, опершись руками на подоконник. После мучительного молчания всё же спросил:

— И где она сейчас? Что-то ничего не слышно...

— Она вдруг быстро засобиралась домой.

Завотделением, понимая, что её не удержать, вызвала «скорую», чтобы отвезти женщину домой. У неё что-то очень недолеченное, но ей вынужденно дали выписку с уведомлением о действительном состоянии здоровья.

Это медсестра сказала, когда разносила таблетки на день. Случай ужасный.

— А вдруг всё — неправда? Ведь не военкомат же ей об этом сообщил в такую рань.

— Вряд ли тут розыгрыш. Это ж какое надо иметь звериное сердце, чтобы так, с позволения сказать, разыграть. А военкомат — ведомство бюрократическое, которое не торопится. Возможно, кто-то сообщил из тех, с кем тот парень воевал.

— Про звериное сердце, Георгий Васильевич, говорить не будем, чтобы не оскорблять самих зверей. Помните у Достоевского об этом в «Братьях Карамазовых»? — «Зверь никогда не будет так жесток, так художественно, так артистически жесток». Развязать войну против братского народа — явление сатанистской изощрённости. Вы давно были в Украине?

— Надо вспомнить... Да в 13-м году. В Крым ездили на море. А раньше были в Одессе. Там, кроме моря, ещё и культурная аура — ненароком услышанные своеобразные речевые обороты, лёгкий, ироничный юмор; неповторимо, как сама Одесса. А какое богатое литературное наследие... Про архитектуру просто молчу.

— И что, там к Вам относились плохо из-за Вашей русской речи?

— О чём Вы, Лаврентий Иванович?! Они сами там все друг с другом на нашей мове разговаривали. Не могу припомнить, чтобы нам было дискомфортно из-за этого.

— Вот. И чего нам не хватало? А теперь в Украину из России едут, чтобы зарабатывать... на убийстве. Семейный бюджет поправить, стирая города с лица земли. Я как-то смотрел ролик, где интервью давал Виталий Кличко, мэр Киева. Его спросили, — это было после обстрела вокзала в Краматорске, — что в его сознание врезалось более всего. Он рассказал, что подошёл к плачущему мальчику лет семи и стал его утешать, что мама и папа скоро придут. Через несколько минут после этого Виталию сказали, что родители мальчика погибли под обстрелом. Но ребёнок об этом пока не знал. Надо было видеть, как еле сдерживал слёзы этот чемпион мира по боксу при воспоминании об этом. Да и не выплачешь детское сиротство...

Вошёл Антон Юрьевич, разбудил Мишу:

— Вот направление с подписью заведомо. Желаю, чтобы подозрения на диагноз не подтвердились. До свидания.

Миша, — даже без обычных гигиенических процедур — быстро покидал свои немудрёные вещи в сумку и, сказав коротко «Пока», ушёл.

Удручённые таким резким расставанием, оставшиеся некоторое время пребывали в молчании. Наконец Георгий Васильевич возобновил прерванный разговор:

— Все слова об этой гибридной войне какие-то блеклые, мало что выражающие. Это осмыслить до сих пор трудно; что-то из области иррационального.

— Вот-вот. Сколько политологов, историков «со степенями», обществоведов высказалось уже о причине того, что донине блудливо называют «специальной военной операцией». Война... Судят-рядят до сих пор, провозглашают с видом оракулов сроки окончания этой бойни. Смею утверждать, что это — духовная война, явление иррациональное.

— Я это слово как-то по нечаянности произнёс. Вы же, чувствую, это для себя осмыслили. Нельзя ли, как у нас говорят в научных кругах, развернуть этот посыл?

— Собственно, я эту мысль сформулировал уже в конце марта, после злополучного «24 февраля», и даже опубликовал её в одном интернет-портале в рамках

статьи. Всю её наизусть не помню, но основные положения изложу.

В преамбуле я сделал, так сказать, дипломатический жест в сторону официоза, указав на то, что даже в государственном гимне РФ упоминается Бог (хотя это и противоречит Конституции, где заявлено, что Россия — светское государство). Мне это нужно было для того, чтобы дальнейшие мои рассуждения имели легитимность: раз Бог есть, то позволительно и говорить о Его провиденциальности.

Я напомнил сразу о первых главах Библии, где сказано о человеке, сотворённом по образу и подобию Божию, что по мнению как еврейских комментаторов, так и христианских теологов означает свободу выбора. То есть человеку изначально дано естественное Право, — дано Богом право делать выбор между Добром и Злом и принимать соответствующие решения.

Кровать аж заскрипела от резкого движения
Георгия Васильевича:

— Не могу удержаться... Сильная, скажу Вам, подача!

— Исходя из этого тезиса, я развернул рассуждения в том плане, что все войны в нашем беспокойном мире — это постоянная борьба Сатана с Богом...

— ...«Сатан» — это сатана, что ли?

— Я здесь говорю языком оригинала. У евреев он называется так.

— А постоянная борьба — это что-то вроде дуализма, да?

— Вовсе нет. Библия прямо показывает, что всё творение, видимое и невидимое, сотворёно одним Творцом. Чтобы человек развивал свою уникальность в статусе венца творения, ему была предоставлена возможность выбора, было допущено существование Зла, — до времени, не навсегда. Это весьма болезненное условие, — но как иначе человеку избирать доброе без возможности выбирать? Добро не будет таковым, если нет альтернативы. Человек же — единственное существо с естественным правом выбора.

Сатану всякое стремление человека к свободе в любых её аспектах — как кость в горле. Ему нужно бессловесное стадо, чтобы над ним господствовать, чтобы человечество не было обращено к Богу, источнику свободы и дающему духовную силу свободу отстаивать. Все тоталитарные режимы в сущности своей — сатанистские, в разных степенях проявления, ибо прежде всего они подавляют всяческую свободу, прогрессивное развитие общества. Нынешний наш

режим развязал эту войну не из-за природных богатств Украины, не из-за курортов Крыма, а из нетерпимости к свободе. И весь этот трёп про бандеровцев, про нацистов рассчитан на российских обывателей, которым право выбора, право на самоопределение — пустой звук. Нет у нас Выборов во властные структуры, — поморщились, поёжились, да и невелика беда. Обнулили президентский срок, что является конституционным переворотом, — и это проглотили даже без масла. Так что в качестве резюме я завершил свою статью утверждением, что война эта имеет сакральную сущность, духовную.

Так, время... Нам нужно идти на процедуры.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Старый Мазай разболтался в сарае...». Не слишком ли я откровенно рассказываю человеку, в общем-то, незнакомому? Ну и что в том, что он сам спрашивал? Ведь задают же провокационные вопросы, а потом... Как же въелось в нас это «какбычтоневышло». Но ведь молчание — знак согласия, а в данной ситуации с Украиной — это вполне можно приравнять к преступному согласию, хотя бы даже и молчаливому. Но ведь и молчание может быть разным. Вон у Пушкина: «народ безмолвствовал». И это безмолвствование тоже разное. При невозможности чем-либо противостоять тоталитарному злу остаётся внутреннее осуждения этому злу. И оно накапливает свою критическую массу. Но что будет, когда это всё прорвётся? Одному Богу ведомо...

Вечером смотреть в окно даже интереснее. Днём — серая масса, в бесснежную зиму — так совсем сиротливая. Что за зима без снега? А вечером хоть движущиеся огни машин под окнами, да вон на той трассе, что уже за железнодорожными путями; там они издалека даже какие-то манящие своими огнями. Наверное, через пару дней надо проситься домой. А что? Кашель прекратился, температура нормальная; ни к чему накачиваться лишними антибиотиками.

И как будто в переключку с молчаливыми рассуждениями подал голос Георгий Васильевич, всё время читавший какую-то книгу:

— Новый год на носу, а мне врач ничего не говорит о выписке. Ведь Вы ж знаете, что оставляют лечиться только тех, кого нельзя выписывать «по показаниям»; остальных — домой, даже если ещё и следовало бы поддержать на лечении. Но я боюсь хорохориться. Вдруг дома будет «плохо», а больницы дней на десять, можно сказать, нерабочие. Одни только дежурные врачи...

Лаврентий Иванович согласно кивнул головой:

— В таких неопределённых ситуациях лучше, по моему мнению, довериться компетенции врача. Если он будет считать, что нужно долечиваться, значит нужно. Но если всё же настоять на «отпуске», ради Нового года, то ведь можно будет сюда снова вернуться. Если я не слишком наивный...

Георгий Васильевич отрицательно покачал головой:

— Ну, не наивный, а...как бы сказать точнее... не совсем правильно понимающий внутренний регламент. Хоть ты вчера выписался, а сегодня снова оформляешься сюда, — то в «приёмном отделении» всё начинается с нуля; то же томительное оформление,

ожидание результата снимков и прочее. А если тебе ещё и очень дурно по самочувствию? И не факт, что тебя в эту же больницу привезут; которая «дежурная», туда и привезут. Уверяю Вас, там не поторопятся с больничными формальностями. Впрочем, это не стоит долгих рассуждений. Я же хочу сказать Вам, Лаврентий Иванович, что утренняя лекция меня будоражит до сих пор, и хотелось бы продолжения.

— Да какая же это лекция? Это ведь известно в любой нормальной христианской церкви, — я имею в виду «образ и подобие Божье». Правда, я спроецировал это на политическую проблему; возможно, здесь основной пафос.

— Нет, я не про политическую позицию...

Похоже, что всё-таки то, утреннее, не было провокацией. Ищешь иной раз чёрную кошку в тёмной комнате, а её там нет вообще.

— Мне всё-таки хочется, пользуясь неожиданной возможностью, вернуться к моим поискам. Ведь согласитесь, что в Новом Завете много такого, что вызывает молчаливое отторжение. Говорю про себя. Я не какой-нибудь воинствующий безбожник, который только тем и занимается, что выдёргивает выгодные для его позиции сомнительные места из текстов. Был в

прошлом веке такой тип, Емельян Ярославский; мерзкие писал пасквили о Библии.

— Да, был такой — основатель «Союза воинствующих безбожников».

— Ну вот, а я не знал, Лаврентий Иванович, эту подробность. Мне же хочется честно перед самим собой понять многое, чтобы принять.

— Давайте попробуем вместе. Можете вспомнить ещё что-то, кроме уже упомянутого Вами ещё при Мише?

— Всегда в таких случаях невольно теряешься, не зная с чего начать... Ну вот это чудесное окормление Иисусом множества людей, повторённое дважды; там даже скрупулёзно уточняется, что ячменных лепёшек было — всего ничего и рыбок не больше, а людей же было несколько тысяч. Следует при этом помнить, что люди те были по преимуществу крестьянами, говоря по-нашему. Это означает, что, удаляясь в пустынные места вслед за Иисусом, уж какую-нибудь простую провизию каждый из них захватил бы с собой. Это в крови у сельских жителей — быть практичными и предусмотрительными. А тут пять тысяч человек — и почти что ничего с собой для перекуса, извините. Картина получается, мягко говоря, нереальная. Когда во второй раз случился подобный казус, то ученики,

обращаясь к Иисусу, ведут себя так, словно и не было предыдущего чудесного окормления. И поневоле возникает вопрос: или такого происшествия не было вообще, или неправдоподобно представлены ученики — все двенадцать, вопрошая Учителя, как бы им накормить толпу в несколько тысяч, хотя совсем недавно они видели «как».

Или вот ещё, с воскрешением Лазаря «смердящего», как он упоминается в православных храмах. Я вспоминаю в связи с этим случай, когда апостол Пётр поднял на ноги обезноженного человека, сорок лет не могшего ходить. Какой был эффект! Весь Иерусалим был взбудоражен! Дело дошло до Синедриона, Высшего еврейского суда. Вы же знаете это красочное и правдивое в своей простоте описание. А здесь — воскрешение трёхдневного покойника, который уже смердел, по естественным причинам разложения. И в общем-то ничего... Ну поизумлялись присутствовавшие; ну где-то было потом как бы ненароком проброшенное упоминание о воскресшем Лазаре — буквально в двух словах. И всё... Можно подумать, что в Израиле это был хотя и яркий случай, но не такой уж и редкий. Случись такое в самом деле, фурор был бы — мало бы не показалось. Мы ходили в Йерушалаиме по улочкам Старого города, — народ при таком феноменальном явлении, как созерцание ещё

вчера смердящего покойника, просто давил бы друг друга в тех узких лабиринтах, чтобы поглазеть на него. Толпа — она везде толпа. Однако, как доложили бы в наши дни полицейские, обстановка нормальная. Синедрион не собирается для выяснения обстоятельств, не вызывает ни самого Лазаря, ни его сестёр. А ведь повод, кажется, более чем серьёзный: народ-то кричит «Осанна» Иисусу. Кстати, что это слово означает?

— Оно означает «Спаси нас»; кстати, Георгий Васильевич, на тот политический напряжённый момент, когда Израиль был под оккупацией римлян, это слово, повторяемое многочисленной толпой, звучало весьма провокативно.

— Интересно Ваше уточнение. И вот ещё: странно, что другие евангелисты об этом феноменальном случае (если он был на самом деле) не говорят ни слова. Так что анализ таких, с позволения сказать, несостыковок и тормозит принятие подобных сказаний.

— Интересно слушать о Ваших сомнениях, Георгий Васильевич. И я это понимаю. Сам иной раз представлял себя как бы со стороны. Вот, думаю, хорошо мне, выросшему в христианской семье и сформировавшему свои взгляды в церковной среде. А каково тем, кто «из мира»? — как у нас принято

выражаться. Число верующих пополняется по разным каналам. В начале — это дети верующих родителей. Затем те, кого приводит в Церковь какое-нибудь тяжёлое душевное обстоятельство, — а Церковь ведь по определению есть лечебница для таких. Эти, как правило, не стремятся критически всё анализировать; им главное — обрести некое внутреннее равновесие для дальнейшей жизни. Я сознательно упрощаю схему, ибо причин для прихода в ту или иную общину множество. И наконец могу сказать о тех, кто, как и Вы, хотят в начале всё понять, а потом уж принять. Подобные Вам составляют явное меньшинство, но они-то, по моему мнению, наиболее ценны.

— Вот как? Не ожидал такого комплимента в свой адрес.

— А я и не подыгрываю Вам, поверьте.

— Тогда объясните нашу ценность.

— Постараюсь. Апостол Иаков как-то в своём послании осудил сомнение, и по поводу этого было написано и сказано множество высокоумных слов. Говорю это с иронией и горечью. Никто, — я по крайней мере не читал и не слышал иного, — не уточнил, что путь духовного познания можно условно разделить на два этапа. Начну со второго. Если человек уже верующий, то, обращаясь к Богу в своих молитвах, ему

негоже сомневаться в силе и премудрости Божьей. Иначе всё будет бессмысленно. Другой апостол, Павел, усиливает акцент на этом, говоря, что «вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Собственно, это общехристианская практика. Так что на этом этапе сомневающийся действительно подобен «морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой».

Но вот с первым этапом сложнее; да он, собственно, и по характеру совсем другой. Как может мыслящий человек не проходить через сомнение о самом бытии Бога? Вот я упоминал об «образе и подобии Бога». Так сюда входит и мыслительная деятельность, способность человека к творчеству, на что не способно остальное творение. На этом этапе сомнение — великая привилегия, ибо даёт человеку выстрадывать своё убеждение, продвигаться вперёд...

— Как Вы сказали? Выстрадывать? Очень ёмко. Так сейчас не называют духовные поиски. И ещё: не об этом ли говорил Фёдор Достоевский, помните? — «моя осанна через горнило сомнений прошла».

— Все великие свершения — от научных до сугубо духовных — проходили через сомнения. Ведь это же поиск, а на этом пути ничего в готовом виде нет. К слову сказать, Георгий Васильевич, я хотя и сказал, что сам из христианской среды, но уверяю Вас: очень

многое мне приходилось выстрадывать. Добавлю, что этот поисковый процесс во мне продолжается, а значит...

— ...Значит, и для Вас, Лаврентий Иванович, многое остаётся неясным, да?

— Если бы проблема была лишь во мне... Меня больше беспокоит то, что многие читатели Нового Завета, — имею в виду нынешнее время особенно, — спотыкаются об эти нестыковки в тексте и будучи не в силах всё это принять, оставляют чтение совсем. Если они назовут всё это «архаизмами», то это ещё полбеда. Хуже, если они никогда не вернуться к Богу через Слово, зовущее их к Отчему порогу. Мне очень хочется написать текст Нового Завета несколько иначе, ничего не сочиняя от себя, но освобождая его от поздних слоёв, как это говорится у реставраторов. И образ Йешуа, — мне так больше нравится произносить, — был бы представлен более доверительно, и этот образ был бы ещё прекраснее.

А что касается этих неясностей лично для меня, так это ведь как в науке: чем больше человек постигает, тем больше перед ним раздвигаются горизонты, — и значит, возникают новые вопросы. Вам это понятно и без меня, Вы же учёный.

— А Вы не боитесь стать таким христианским агностиком? Я обратил внимание на то, что мои критические соображения по тексту Нового Завета Вы как-то спокойно воспринимаете. Ведь это же священный для христиан текст, а Вы позволяете мне бесцеремонно копаться в нём. Так ведь накопаешь, и ничего не останется.

Лаврентий Иванович улыбнулся. Пройдясь пару раз между кроватями, остановился возле стола.

— Останется, дорогой, останется. Раз уж судьба свела нас в обоюдном интересе, то я и дальше постараюсь помочь Вам, хотя и не преувеличиваю свои возможности.

— А давайте продолжим наш разговор на завтра. Чувствую, что мне предстоит услышать много чего интересного и полезного, — но из-за позднего часа боюсь не усвоить. Утро же, как известно, вечера мудренее.

— Да и мне, признаться, что-то уже тяжело. Хоть микроинсульт уже в прошлом, а знать о себе даёт. Всё. Отдыхаем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Но человек, как известно, может лишь предполагать, а располагает Бог. Часов в пять зимнего утра, когда за окном была ещё кромешная темнота, Георгию Васильевичу что-то стало нехорошо. Снова медсестра суетится возле него, зовёт дежурного врача, ставится капельница с дополнительными внутримышечными инъекциями. Часам к семи всё затихает, и сосед спит.

Стараясь не шуметь, Лаврентий Иванович делал обычные утренние гигиенические процедуры. Сходил за завтраком, захватив порцию и для соседа. Овсяная каша хоть и была тёплой, но её можно чем-нибудь прикрыть — его полотенцем, например, чтобы совсем не остыла, — проснётся, поест, запивая горячим чаем. У обоих предусмотрительно были с собой кипятильники. Сейчас это удобно, а раньше, помнится, больные делали самоделки из двух безопасных лезвий для бритья; между ними прокладывались спички без серных, понятно, головок, и вся эта конструкция обматывалась обычными швейными нитками. К лезвиям прикреплялись разные полюса провода со штепселем на конце. Пользоваться такими «приборами» в больнице запрещалось, что в общем-то правильно из соображений по технике безопасности, — но иной «техники» не было, и медперсонал, понимая

ситуацию, на нарушение порядка смотрел уже сквозь пальцы; больные же, в признательность за это, всегда прятали этот компромат, если предвиделся шмон.

А пока можно посидеть с ноутбуком и что-нибудь добавить в свои «нотатки».

Ведь бывает же благоприятное стечение обстоятельств: я торопился «вбить» в этот агрегат свои наработки, и здесь, в больнице, тема пошла с посторонней подачи; до этого дело шло как-то со скрежетом. Всё началось с незначительной реплики Миши. И где он сейчас, бедолага? Вряд ли прямо-таки сразу направился в туберкулёзную больницу; наступающий Новый год — он для всех наступающий с его долгими выходными. Настроение, конечно, у него надолго испорчено. Дай Бог, чтобы всё обошлось благополучно.

Да, про «запрещалось»... С чего это вдруг вспомнилось? В СССР была запрещена идеология нацизма, была запрещена пропаганда превозношения одной национальности над другой, а ведь поди ж ты: в начале — благовидное название «Память»; потом члены этой экстремистской организации выставили себя в более откровенной форме «Русского национального единства» (РНЕ) — да так откровенно, что не скрываясь дефилировали в городах в стилизованной под германских нацистов форме:

галифе, заправленные в сапоги, портупей и повязка на левом рукаве со свастикой. Конечно, они уверяли доверчивых сограждан, что это вовсе и не свастика, а древний славянский знак, но чётко-тренированный салют «Слава России» со вскинутой вперёд правой рукой снова напоминало то, с чем воевали отцы. Да, это было уже после «Советов», но Конституция же не отменяла статью о запрете шовинизма и различного рода фобий. Характерным в их идеологии было позиционирование себя как истых приверженцев православия; у них это было даже в Уставе оговорено. Но что было для меня наиболее возмутительно, так это то, что официальное православие никак публично не «открестилось» от чернорубашечников. Несомненно, были «батюшки», как-то глухо выражавшие своё возражение. Но сама РПЦ МП — никак. Простая логика: если какой-нибудь преступник будет говорить, что он из одной с вами компании, то вы постараетесь дать понять, что это неправда, если вам дорога собственная репутация. А тут полное молчание, и это наводило на тревожные мысли. Публичная же деятельность протоиерея Дмитрия Смирнова, возглавлявшего патриарший комитет по взаимодействию с силовыми структурами, подтверждало значение такого молчания. Он сам, прямым текстом, уверял, что только он кликни, — и «братки» в немалом количестве наведут порядок.

Да разве он один был такой — черносотенец? Правда, успел до войны помереть...

Если бы эти неонацисты представляли собой какой-нибудь возрождённый языческий культ нынешнего разлива, то это одно. Но другое — они набрасывали черносотенную тень на христианство, ибо православие всё же является частью оногo — пусть даже и меньшей частью христианства в мировом масштабе (после католицизма и протестантизма). В городе никто публично не возразил этим тренированным в «спортивно-патриотических клубах» молодчикам, и мне пришлось написать обширную статью с целью помочь горожанам разобраться в этом опасном явлении. Надо помнить, что люди-то были ещё советские и в вопросах Веры и религий почти несведущи. Уж если Александр Мень, светлой моей памяти, назвал советскую интеллигенцию диким племенем в вопросах понимания христианства, то что тогда спрашивать с остальных?

И было два судебных процесса, где мне пришлось быть в качестве ответчика, и были отказы в исках тем молодчикам, и они обещали — прямо в зале суда! — всех, с ними несогласных, перестрелять. Был подан уже встречный иск, ибо существовала правоприменительная уголовная статья об угрозе с опасностью для жизни. В конечном итоге был ответ, что

высказанная угроза не подпадает под уголовное преследование. Мы обратились к знакомым из ФСБ, но эти с позволения сказать офицеры стали уверять, что те ребята просто дурят. Стало понятно, с чьего попустительства так распространился в стране неонацизм.

Но хотелось размотать ещё один клубок, связанный с зоологической юдофобией, которую те чернорубашечники совсем не скрывали. Они же позиционировали себя рьяными радетелями за Христа, которого еврей-богоубийцы распяли. Текст Евангелия мне был хорошо знаком, но следовало его прочесть заново. Нужно было заставить себя читать так, как если бы читал впервые. Задача эта была не из лёгких, ибо давал о себе знать синдром «замыленного глаза». Читать надо было так, как написано, а не так, как было принято понимать. Результаты были неожиданные. Синодальный перевод Библии считается если не совершенным, но всё же наиболее удачным, — и тем не менее он содержал в себе такое, что было даже недоумение, как на это не обращают внимание ни священнослужители, ни просто верующие. Нет, я не прибегал ни к каким лингвистическим ухищрениям, а просто читал текст, как он написан. И выходило, что самая ранняя Церковь в лице своих апостолов и евангелистов Христа Богом и не считала. Несомненно,

считала Его обетованным Мессией, умершим за грехи наши и воскресшим для нашего оправдания, — но не Богом. Это недвусмысленно явствовало в таком количестве «мест» из Нового Завета, что уже трудно было сделать вид, что их нет. Вывод же был таков: Если Иисус Христос — не Бог, то значит нет и «богоубийства», и как следствие — нет и богоубийц.

К тому же текст явно показывал, что толпа зевак, которая всегда найдётся под горячую руку, орущая «кровь Его на нас и на детях наших», — эта толпа никак не могла выражать волю всего Израиля. То была гнусная интрига храмовой «верхушки», которую и верующей-то можно назвать с большой натяжкой. Мелкие политики, преследующие свои интересы ради сохранения авторитета и власти, подставившие к тому же прокуратора Понтия Пилата, коварно заявив ему: отпустив на свободу этого «царя», ты уже не друг Кесарю. А это заведомо означало... и Пилат это понял.

Через несколько лет я был заявлен на прочтение доклада в Санкт-Петербурге на Конференции по иудео-христианскому диалогу. Была основательная подготовка, чтобы поведать о своих текстологических находках. Но прочитать удалось лишь треть, потому что спикером был православный священник, постоянно прерывавший чтение. Это живо напоминало коммунистические замашки. Попик тот, спустя немного

время, оказался в бегах от правосудия по обвинению его в педофилии. Чем закончилась та история, неизвестно...

Работая на клавиатуре, боковым зрением вижу, что Георгий Васильевич зашевелился, делая рукой знак подойти. Он просил воды и, выпив целую кружку, снова заснул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Очевидно, ему ввели заодно и что-то успокоительное, так как проспал он ещё часа два. Как следствие, ходил в расслабленном состоянии — благо, что дел-то никаких, разве что в процедурную. После обеда пришёл Антон Юрьевич и сразу подсел на кровать напротив Георгия Васильевича. Чем-то неуловимым предполагалось, что это неспроста; обычно он всё время стоял. Больной смотрел вопрошающе.

— Не хотелось Вас огорчать, дорогой, но придётся встречать Новый год здесь. Ничего устрашающего я Вам не говорю, но нас беспокоит повторяющееся повышение температуры, да и анализы пока не в норме. Кашля вроде бы стало меньше, но ведь боли при глубоком вздохе — с Ваших же слов — ощутимы. Знаю, что это неприятная новость, но поймите и нас. Если бы не эти температурные скачки, то разговор был бы другой. Будет скучно — да, но Вы здесь хотя бы под присмотром. Вас не оставят без внимания.

Повернувшись к Лаврентию Ивановичу, доктор сказал:

— А Ваши анализы с хорошими показателями.

— Так может быть, доктор, выпишите меня?

— Но полный курс лечения Вы не прошли.

— Чувствую себя вполне сносно. Можно ведь этот вопрос решить под мою расписку?

— Вокруг ёлочки хоровод хотите водить?

— Да не в моём уже возрасте водить хороводы. Было время... Просто у меня натура такая: когда чувствую себя более-менее ладно, то сидеть взаперти тягомотно.

— Как говорится, Вам виднее. Завтра всё же ещё раз под капельницу, — для закрепления, так сказать. Расписку напишите. Мы ведь подотчётны. Так, на сегодня у нас с вами обоими всё.

Ушёл. Георгий Васильевич был явно расстроен.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

— Да, неприятно... Одним только и утетишься, как сказал мудрый Соломон: «И это пройдёт».

— Пройдёт, конечно. За жену ещё расстроен. Мы живём вдвоём. Дети с внуками живут в других городах. Праздник, — а мы оба поврозь. Такого Нового года у нас ещё не было. Извините, я выйду, позвоню ей.

Наверное, не хотел он, чтобы человек посторонний слышал супружеский разговор — наверняка в неприятной тональности. Что ж, это ведь всё-таки не известие о невосполнимой утрате. Не дети

ведь, должны понять ситуацию. А вот мне возвращаться не к кому (здесь, в личных памятках, я как бы беседую с самим собой). У сына своя жизнь, свои семейные заботы. И «это пройдёт» у меня совсем иного свойства. Хорошо хоть, что мне не бывает скучно. Одиноко — да, но мои интеллектуальные занятия мне не дают скучать. Пишу книги, хотя все они — не «коммерческого проекта». Вот даже и сейчас: добавляю к своим воспоминаниям в свой комп, и мысль работает. А это — продолжение жизни. Даже мои пролистывания в Фейсбуке вовсе не праздное времяпрепровождение. Сейчас отовсюду слышны какие-то унылые интонации, желчь раздражения люди не могут уже — или не хотят — удержать. И всегда стараешься в ненавязчивой форме, соблюдая тактичность, вставить слово добра и надежды. Кто-то скажет: наивно. Но ведь ещё Тютчев метко заметил, что «нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся». Разве Христос был наивным, когда обращался к людям? Разве Он не понимал, что лишь малая часть посева даёт свои добрые всходы, — остальные же семена пропадают из-за повседневной суеты, окаменелости сердец. Но Он продолжал сеять... Так и я стараюсь внести хотя бы немного доброго, благожелательного. Добренький я, что ли? Вотсе нет. Когда, например, читаю в интернете изъяснения в форме мата, то напоминаю вполне жёстко, как ещё

ребё Шaulь, он же апостол Павел, называл это «гнилым словом». И пусть неведомый автор не думает после этого, что он не гнилой.

Кто они, эти интернетные «друзья»? Вот ещё, кстати, пошлость: лучше было бы, если честнее — «попутчик». Встретились на необъятных просторах, поделились своими соображениями по какой-то теме. Согласны — продолжаем обмен мнениями, нет — галантно раскланиваемся и расстаёмся. Ведь друг — это совсем иное, и не стоит разменивать само понятие «друзья» на сиюминутные встречи. Так ведь и любовью стали называть случайные случки. Вот, слова-то оказались похожими. А кто знает, может они и от одного корня? Не спросить ли моего филолога? Нет, не к месту, да и не к ситуации.

Георгий Васильевич вернулся какой-то даже приободрённый.

— Жена не ожидала такой новости. Но знаете, она даже быстрее меня восприняла это правильно и стала уверять, что доктор прав. Хотя это не утешает, но всё же справедливо. Ничего, буду читать, спать и снова читать. Кстати, попрошу её принести мне мой ноутбук. Вот посмотрел на Ваши занятия, — так почему бы и мне не продолжить мою работу таким образом?

— И лечиться не забудьте.

— Забыть не дадут. Вот что, Лаврентий Иванович, давайте продолжим наши беседы. Помимо всего прочего, мне нравится ещё и то, что лексически мы изъясняемся почти одинаково, и это облегчает мне понимание Ваших смыслов. Сказывается общность нашей культуры, хотя жизненные пути наши очень даже разные. Будь мы поближе знакомы, я бы попросил Вас рассказать о себе. Всё больше убеждаюсь, что наше знакомство не случайно. Но судя по раскладу ситуации, — мы же завтра расстаёмся, — мне лучше послушать о надмирном.

— Согласен. Мы, Георгий Васильевич, говорили пока о земном. Ведь Новый Завет вовсе не спустился к нам на землю, как некие Синайские скрижали. Его писали вполне земные люди, со своими особенностями понимания того, что излагали в своих «писаниях». Полагаю, Вы как филолог обратили на это внимание.

— Обратил, конечно. Мало того, что Иоанн стоит особняком от «синоптиков», так ведь и последние-то вовсе не близнецы-братья. А уж Павел...

— Павел — это особенное. Есть мнение в научных кругах, что христианство — это «паулизм». Справедливости ради отмечу, что это — всего лишь одно из мнений. Большинство же учёных рассматривают текст Нового Завета как единое целое, хотя, — и мы косвенно обмолвились об этом, — блок

собственно «Евангелия» во многом отличается по характеру и смыслу от «Посланий». Отличается, но не противоречит; и это важно подчеркнуть. Однако, мы забежали вперёд, и надо бы вернуться к евангелистам.

— Да, я об этом и хотел Вас просить. Насколько я помню, Лаврентий Иванович, Вы с лёгкой улыбкой пообещали мне, благосклонно принимая мои критические пассажи, не всё намерены уступать, — так что за Вами остаются ещё надёжные позиции.

— Уступки те, конечно, условные. Я же не смутьян какой-нибудь, которому нужно только разрушить «до основания, а затем...». Более того, считаю, что нынешнего текста вполне достаточно для зарождения Веры в спасительную благодать, явленную во Христе Иисусе. Но есть ведь читающие, подобные Вам, которые спотыкаются об всевозможные «неувязки» в читаемом, — и пренебрегать таковыми людьми нехорошо. Во всяком случае, пастырь, у которого есть пастырское сердце, постарается им помочь.

— Подозреваю, что Вы...

— Ни к чему это. Я хочу разговаривать с Вами без санов и статусов. К тому же боюсь, что мы слишком долго накрываем на стол, и аппетит может пропасть.

Сокращая многое, — обо всём ведь не расскажешь, — я хочу обратить Ваше внимание, что

Вера христианская зиждется не на умилении от ангельского хора на полях Вифлеемских, не от «чудесной» (беру это в кавычки) звезды, не от невероятного окормления пятитысячной толпы несколькими ячменными лепёшками с несколькими же рыбками — да так, что даже немало и осталось. Могут перечислять многое, но ни в одном «Символе Веры» не сказано: верую в хождение Иисуса по воде; верую в нахождение монеты во чреве рыбы для уплаты пошлины; верую в превращение воды в вино на свадьбе.

— Так во что же всё-таки «верую»?

— Вот мы и подошли наконец к основному. Оно заключается в принятии благой вести о смерти Иешуа как смерти за род человеческий и его Воскресении. В этом — квинтэссенция, если позволите так сказать, Евангелия.

— «В коммунизм из книжки верят средне. Мало ли что в книжке можно намолоть...». Извините, процитировал Маяковского как-то не к месту.

— Да ничего. Вы ж не в церкви. Суммарный анализ сказаний евангелистов говорит в пользу достоверности смерти и воскресения Христова. Вы читали как бы общим обзором, а теперь советую внимательно сопоставлять написанное всеми четырьмя

евангелистами, сопоставлять не торопясь, — и Вы увидите, что мозаика («пазлы» не люблю произносить) складывается в одну картину. И тогда мне пришлось бы закончить ту фразу революционного поэта: «... А такое оживит внезапно «бредни» и покажет коммунизма естество и плоть» .

Христианство родилось из Воскресения. Если выразить мысль сильнее, это был взрыв. Вообразите себе картину: прекрасный Учитель, сильный в слове и деле, восторженно сопровождаемый своими почитателями и встреченный с таким же восторгом при входе в Иерусалим; ожидаемый Мессия, который наконец-то, как мечталось, освободит их от иноземной ненавистной власти («Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!»), ярко-вызывающее изгнание торговцев из Храма, — и вдруг этот человек так бесславно и позорно закончил жизнь на кресте. Оборвалось всё одним разом... В зачёт не пошли ни проникновенные его беседы, ни глубокие — и в то же время доступные — притчи, даже ни многочисленные исцеления от различных безнадежных заболеваний. Всё пошло прахом, причём в буквальном смысле, — ибо прах его лежит в гробнице, охраняемой римской стражей, известной своей жёсткой дисциплинированностью.

Я уже обмолвился, что Вы и сами сможете проанализировать текст. Когда что-то сочиняется — для забавы ли, для одурачивания ли читателей — то чаще всего применяются различные словесные ухищрения для подведения, так сказать, доказательной базы. В Евангелии же ничего такого нет. Смерть Иешуа описывается просто, без желания что-то нарочито подчеркнуть, — так что человеку, желающему собрать мозаику воедино, приходится собирать по фрагментам. Я этого за Вас, Георгий Васильевич, делать не буду, чтобы не прослыть агитатором. Но в общем — ситуация была безнадежной: Иешуа распяли, люди посудачили да и разошлись, верные ученики, собиравшиеся отдать жизни свои за Учителя, в страхе попрятались по своим углам, опасаясь преследования со стороны духовной власти.

И вдруг!.. Этому до сих пор не дают рационального объяснения. Не помогают даже самые придирчивые текстологические экспертизы. До «ЭТОГО» всё шло по-земному, как обычно: зависть верхушки духовенства, планы убить, предательство, арест, судилище (но не суд), приговор Пилата, казнь на кресте между двумя разбойниками, охраняемая могила. Всё так, а теперь — совсем никак.

Только явление Воскресшего воскресило учеников, а потом, — я говорил про взрыв, помните? —

волны, как цунами, прошли по Израилю и далее по миру Римской империи. Вот это и есть то, на чём стояла Церковь как мистическое мировое сообщество людей, евреев по преимуществу, верующих в это Благовестие.

Георгий Васильевич как-то нервно заёрзал, сидя на своей кровати.

— Вот всё было хорошо в Ваших пояснениях, и я очень признателен Вам за них. Но последнее... Как бы тактичнее сказать... В общем... это выглядит, как призыв верить бездоказательно. До «воскресения» (беру слово в кавычки) все пояснения шли гладко, и, как говорится, Вашими бы устами да мёд пить. А теперь я снова в ступоре. Боюсь, что Вам меня из него не вывести.

Закрывая свой ноутбук, Лаврентий Иванович устало ответил:

— Я ведь не обещал Вам всё разложить по полочкам. В этом тоже живёт принцип свободы поиска, ибо Всевышний хочет самоопределения. У Николая Арсеньева, богослова и философа, есть ёмкие слова (привожу по памяти): мир спасается в своей тварности, в своём индивидуальном Богом созданном лице. И какого «доказательства» Вы хотите? Во-первых, в любом доказательстве извне скрытно содержится

насилие: доказано, — и тебе поневоле приходится это принимать. Во-вторых, доказать воскресение Йешуа — это произвести проверочный эксперимент, что в принципе невозможно. Могут лишь повторить уже сказанное Вам: с опытом филолога исследуйте текст и делайте выводы сами. Двадцать веков продолжаются споры, и им не будет конца. А Церковь всё живёт, и корни её именно в Воскресении. Но на сегодня мы всё-таки закончим. Бог даст, попробуем обсудить завтра, что сумеем и успеем, — я всё же намерен покинуть это «богоугодное заведение».

— Да и я, по правде сказать, чувствую себя загруженным под завязку, как говорили раньше.

— Хорошее это слово, из былого: так и мы закупали картошку на зиму, и чтобы мешки были заполнены «под завязку». Приятно, профессор, вспоминать такие вроде как и малозначащие слова.

— А можно задать вопрос не по теме?

— Если только о чём-нибудь несложном. Чувствую уже усталость, — всё же контролировать себя в пояснениях — по моему состоянию — нелегко.

— Вопрос из безобидного интереса: вчера внизу видел Вас с человеком, который мне показался знакомым. Я разговаривал с женой и особо не всматривался.

— Это мой хороший приятель. Не друг, правда, но его внимание посещением больного весьма трогательно. Он — бывший директор Оперного театра, а я там работал. Потом, после того, как он перестал быть начальником, мы с ним даже стали ближе друг ко другу. Вот, услышал обо мне и пришёл навестить сирого. Приятно, что ни говори...

— Значит, я не ошибся. Было у нас какое-то совместное мероприятие, — кажется, в Дни славянской письменности, — и проходило оно в «Опере», там мы и познакомились, но без продолжения. А Вы-то как туда попали? Завлито, что ли? Иного применения для Вас трудно представить.

— Всё гораздо прозаичнее: я там лет двадцать проработал настройщиком роялей и фортепиано.

Георгий Васильевич молча смотрел на своего визави. Выражение лица напомнило картину «Не ждали». Вовремя поняв, что передерживать паузу неприлично, как будто поперхнувшись, выдавил из себя:

— Ещё одна Ваша ипостась. Откуда это у Вас?

— Ну как приобретаются профессии? В рабочем порядке... По диплому работать не хотелось (это отдельный вопрос). Брат работал настройщиком, вот его примеру я и последовал, — и последование это

продолжилось на долгие годы. До театра я уже имел большой профессиональный стаж. Чтобы разрядить Ваше недоумение, сразу скажу, что все мои духовно-интеллектуальные исследования шли параллельно с гражданским трудом. Семью кормил вот этими руками, и считаю это за достоинство. Кстати, из новозаветной практики: апостол Павел — одновременно с многотрудной миссионерской работой — обеспечивал своё проживание изготовлением палаток (или шатров), чему он научился ещё от отца. Да и вообще еврейские мудрецы советовали сочетать практику духовного наставничества с каким-нибудь ремеслом.

— Но мне казалось, Лаврентий Иванович, что Вы как будто недослышите. Вы периодически переспрашиваете, и я вдобавок к этому замечал, что Вы особенно пристально смотрите на артикуляцию моих губ, — так поневоле делают те, кто недослышит. Не гневайтесь на меня; это так неожиданно...

— Да ничего. Неожиданно и для меня то, что я Вам — впервые постороннему человеку — скажу, что я с младенчества страдаю тугоухостью. Меня простудили, когда мне не было и годика. По этой причине я в своё время получил «белый билет» в военкомате. Стыда в этом нет для меня, но я всю свою жизнь скрывал этот недостаток; мои домашние, конечно же, об этом знали.

— Но настройщик! Просто жить с этой проблемой — совсем не просто, а работать в такой тонкой профессии? Не могу постичь.

— Без всякого пафоса скажу Вам, Георгий Васильевич, что я, уже проживший свой век и столько лет проработавший, сам не могу постичь этого. Я ведь каждое утро вкладываю в свои уши протезы — и так всю жизнь.

— Я их у Вас не замечал, извините.

— Их и не заметишь. Много лет тому назад судьба свела меня с ЛОР-врачом, до сих пор помню её с благодарностью; звали её Ниной Ивановной. Что значит — врачи тех ещё времён: она научила меня делать из стерильной ваты маленькую плёнку, размером чуть больше ушного прохода, пропитывать её чистым вазелиновым маслом и тонкой палочкой вставлять в ухо, вместо мембраны.

— Так у Вас и мембран нет? Это же невероятно...

— Очевидно, младенческая простуда разрушила их, но не полностью. Всё же я не был глухим. И вот благодаря этим манипуляциям, — а к этому надо ещё обрести непростой навык, — я «включал» звук. И так — каждый день. Причём, прошу заметить, эти самодельные протезы ничем не прикрепляются, кроме вязкости вазелина, — так что в любой момент что-то

там может сдвинуться, хотя бы на полмиллиметра, и я... Ну, понятно.

— Да разве это понять не испытавшему такое? Но слышать в обычной жизни — это одно, а быть настройщиком роялей!.. Это ж какой надо иметь музыкальный слух. Я нисколько не сомневаюсь в правдивости Ваших слов... Да, Бетховен был, это из мира музыки. Другого случая не припомню. Это же для Книги рекордов Гиннеса.

— Какой там «Гиннес», Георгий Васильевич... Откровенно говоря, я — уже под старость лет — тоже хотел обратить внимание на своё уникальное состояние. Не славы для, а чтобы зафиксирован был этот случай. Начал в интернете искать; даже дошёл до главного специалиста Ассоциации мастеров по ремонту и реставрации роялей, но заинтересованности не встретил. Один Бог знает, чего мне стоило каждый день преодолевать свой недуг — да ещё в качестве настройщика. Плюс ко всему, постоянное повышенное психологическое напряжение: вдруг где-то не так чисто настроено?

До сих пор помню давний курьёзный случай (я проработал уже лет пять). В зал музыкальной школы, где я настраивал рояль, вошёл директор, сам скрипач, — а у него слух особенный. Сколько-то посидел в последнем ряду, потом говорит: «Ларик, какой-то

интервал в первой октаве у тебя врёт». Я ему предложил самому послушать. Он стесняться не стал и сел за рояль: перебирал-перебирал все интервалы да так ни с чем и ушёл. Но я-то был в напряжении, — как и всегда, ибо по натуре эмоционален. Можно было бы ещё сомневаться по разным аспектам моего случая, — но, во-первых, это не «случай», а каждодневность, а во-вторых, экзамены, конкурсы пианистов вплоть до региональных, и без срывов по моей вине, — это за что-то говорит. Никто не предполагал, что их рояли обслуживает полуглухой настройщик. Но, по факту, это опять спасибо той Нине Ивановне, — дай Бог ей заслуженный отдых в Его обителях. Закончим, однако, наш разговор.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Утро началось с обхода врачей. Вместе с Антоном Юрьевичем пришла заведующая отделением, женщина сухая в разговоре (видно было по её распоряжениям, которые она раздавала в коридоре медсёстрам), не располагающая к доверительному обращению. Палатный доктор, подойдя сразу к Георгию Васильевичу, сделал нечто вроде короткого доклада (собственно, так делают всегда) о состоянии пациента, о ходе лечения. Заведующая сразу — к больному, без имени-отчества:

— Снимите футболку. Я послушаю Вас.

Простукивание. Прослушивание.

— Вдохните поглубже и резче.

— Резче — это как?

— Быстрым вдохом.

— ...Ой!

— Можете одеться. Могу Вас успокоить: мы ставим в диагнозе односторонний плеврит. Вы говорили, что перенесли «на ногах» пневмонию, — вот и осложнение. Но плеврит у Вас неинфекционный, негнойный, — и это уже хорошо. Гидроторакс. Однако нам важно не проглядеть возможность пневмоторакса, — поэтому нужно пролечиться до выздоровления. Ещё

одно пренебрежение — и дело может пойти гораздо хуже. Я не пугаю, а ставлю в известность. Одышка есть? Температура скачет? Боль при вдохе — сами ойкнули. Так что я ничего не наговариваю. Скажите, чтобы из дома принесли эластичный бинт для бинтования грудной клетки. Будет легче при вдохах.

Повернулась к Лаврентию Ивановичу. Так же безымянно:

Хотите сбежать? Мне доктор сказал, что курс не пройден до конца. Но Ваше состояние — удовлетворительное. Если настаиваете, то напишите заявление, — и мы под Вашу расписку отпускаем. Но всё-таки сегодняшнюю капельницу получите. Так, всех с наступающим Новым годом. Желаю всем выздоровления.

Оба пациента в разнбой:

— И Вас с наступающим.

— Здоровья и Вам.

Оба врача вышли.

— Собственно, ничего нового она не сказала. Завизировала, так сказать, то, что мне и Антон говорил. Во всяком случае, могло быть и хуже. Так что лечиться и ещё раз — лечиться.

— Если бы Вы сказали это троекратно, то было бы прямо по Ленину. Пойдём-ка, Георгий Васильевич, посмотрим: может, уже можно в процедурную. А получивши что положено, поговорим на прощание.

Лаврентий Иванович как-то замешкался с последней процедурой, пропуская свою очередь; ему хотелось попасть к медсестре Вере, которая удачно вставляет иглу в вену. Он заприметил её сразу: неторопливая в движениях, но сноровистая, гематом после её обслуживания не было. Поблагодарил на прощание, положив в карман халатика плитку молочного шоколада. Придя в палату, увидел, что Георгий Васильевич хлопочет возле стола: накрыл его бумажными салфетками, выложил из своих запасов (жена передачи носит) баночку с печенью трески, рассыпной чай с бергамотом. Движением руки пригласил:

— На прощанье давайте поговорим за чаем.

— Так ведь и у меня есть кое-что. Вот сырокопчёная колбаска, не успел начать. Сын снабжает. Хлеба не хватит; но у меня батон, ещё в упаковке. Перекусим, как говорится, чем Бог послал.

Минут десять в молчании, пока воздавали должное завтраку.

— Спасибо. Печень трески, признаться, давно не едал. Вкусно. И чай ароматен. Что ж, товарищ по несчастью, — со счастьем сюда не попадают, верно? — на чём мы остановились?

— На моём, Лаврентий Иванович, неприятии Воскресенья. Всё бы ладно, а вот это...

— Об это спотыкалось множество людей до Вас. Ещё апостол Павел писал, что слово о кресте Христовом — считай, и о его воскресении — для многих выглядит юродством (в современном переводе — глупостью, граничащей с безумием). Но он и не пытался как-то спасти эту ситуацию, хотя мог бы пустить в бой всю свою учёность, — так о нём сказал один из тогдашних правителей. Павел просто говорил об этом как о свершившемся факте; ведь он пережил мистическую встречу с воскресшим Христом. Ссылался он ещё и на других людей, очевидцев, из которых многие ещё были живы. Но доказательством не занимался.

— А почему? Апеллировал к слепой вере, да?

— Да как это докажешь? Я вчера вечером об этом говорил. Тут дело в другом. В мире метафизическом не всё можно объяснить. И если мы хотя бы априори принимаем за аксиому бытие Бога, то должны

признать, что не всё из Его дел, если так
позволительно сказать, можно измерить рационально.

— Слышится голос преподавателя. Угадал?

— Преподавал. Но уже давно, в Питере. Был
такой эпизод в моей разноплановой жизни.
Отвлекаться, однако, не будем.

Так вот: Воскресение Христа — из того же ряда,
что не поддаётся объяснению и повторению. Когда
снова вернётесь к прочтению Нового Завета, Вы
обратите внимание на то, что, начиная с «Деяний
апостольских» и далее в «посланиях» (это, собственно,
письма, адресованные апостолами разным
христианским общинам), тема о Воскресении Иешуа
просто зашкаливает. В письмах обсуждались многие
проблемы, но вольно — а чаще всего невольно —
апостолы возвращались к факту смерти Христа и —
главное — к Его воскресению. Иногда даже кажется,
что присутствует явный перебор (извиняюсь за
неуместное здесь слово), когда они во всех падежах
склоняли эти два факта. Я мог бы хоть сейчас, открыв
сайт с текстом Нового завета, проиллюстрировать
сказанное. Но мы бы отвлеклись, да и не семинар же
ведём. Убедиться легко, — ведь текст у Вас дома есть.

— Попрошу жену принести мне, — по горячим
следам, как говорится, ещё раз прочитаю. Времени-то

здесь у меня будет — хоть отбавляй. Пояснения Ваши, Лаврентий Иванович, выглядят убедительно, но — без обиды, пожалуйста — всё это нужно пропустить через себя, осмыслить с разных сторон. Всё-таки чувствуется какая-то недосказанность... Чем, собственно, так важно это Воскресение? Ну, воодушевились ученики, воспряли духом после вчерашнего крушения всех надежд. А миру-то что от этого? И нам, нынешним, — что?

— Вы умеете ставить правильные вопросы, Георгий Васильевич. А вскипятим-ка ещё по чашке да положим туда этого ароматного чая.

...Правильные вопросы требуют и ответа более углублённого, — а для этого следует в весьма сжатой форме показать тот вектор, который прослеживается во всей Библии. Ведь христианство хоть и имеет в своей основе Новый Завет, но и предыдущий Завет Церковью признан в полной мере, без изъятия, хотя и назван некорректно «Ветхим». Некоторые христианские специалисты предлагают компромиссный вариант: «Первый», или «Предыдущий».

— А почему — некорректно?

— По отношению к иудаизму. Ведь ещё апостол Павел предупреждал уверовавших во Христа язычников, чтобы они не возомнили о себе и не

пренебрегали Израилем хотя бы по той очевидной причине, что всё выросло из иудаизма. Как метко говорит современный нам израильский ортодокс-библейст Пинхас Полонский, христианство — это дочернее предприятие иудаизма.

— Вот даже как? Неожиданно такое слышать.

— Апостол прямо указывает христианам из неевреев: не вы корень держите, а корень — вас. И подчёркивает: не гордитесь. Ведь все библейские праотцы, Писание, обетования, в нём зафиксированные, — всё направлено к ожиданию Мессии, т.е. Христа, который Своим воскресением явил осуществление вековых чаяний.

— Каких чаяний? Каких обетований? Не запутывается ли всё это в некий клубок, который не всякому удастся размотать?

— И снова — уместные вопросы, профессор.

Библия в самом начале говорит о драматическом происшествии, о разрыве единства человека с Богом. Замечу сразу, что язык Библии — это очень часто язык образов, и не нужно всё понимать буквально. Сказано — Ева с Адамом съели запретный плод и были за это выдворены из Рая. Мы вникаем в эти образы и стараемся постигать смыслы языка образов. Там сказано о предупреждении: в день, в который будет

отведан запретный плод, наступит смерть для вкусивших. Но вкусили и... не пали замертво. Вот Вам наглядный пример того, что не всё нужно понимать «по букве».

— И как это понимать?

— Человек пошёл самостоятельным путём, сделав свой выбор, и одновременно утратив полную гармонию со своим Творцом. Добавлю: и своё могущество. Грех с его множеством ипостасями вошёл в мир через человека, внося разлад с природой, в мир людских взаимоотношений. Следствия соответствуют причине. Но не могу удержаться, чтобы не сказать сразу обнадёживающее из Нового Завет: природа, всё творение ожидает преобразования человека, благодаря чему само это творение тоже преобразится. Собственно, нечто подобное есть и у пророка Исайи.

— И всё же что ж получается? Творца постигла неудача с таким непослушным творением? И какова тогда цена такому Творцу?

— Я уже не всегда могу держать в руках «нить Ариадны», — а Вы, Георгий Васильевич, помогаете мне не заблудиться в лабиринте, правильно ставя вопросы.

Мы уже неоднократно говорили, что Бог создал человека по образу Своему и подобию Своему, — а это значит, что человек изначально был наделён

природным правом самостоятельно делать выбор. Судите сами: что хорошего было бы в том, если бы этого права не было. Ну, был бы человек ангелоподобным, без творчества, и...без возможностей пробовать и ошибаться. Но Творец изначально знал в своём замысле сотворения человека, каким драматическим путём пойдёт всё дальше. Он хотел развития человека в его самостоятельности. В сказании о творении есть странные слова: «Сотворим человека...», и об это спотыкались многие. Что скрывается за множественностью? Бог же один, и нет других богов, — в этом краеугольный постулат иудаизма. Я прочитал у Пинхаса Полонского, только что упомянутого мной, что здесь кроется намёк на совместное творчество Бога и... человека, благодаря чему последний, падая и поднимаясь, ошибаясь и расплачиваясь за свои ошибки, развивал цивилизацию, — в чём, как ни странно, заключается приближение к Творцу. Могу предположить, как негативно Вы отзовётесь об этом развитии с его истребляющими войнами, вроде нынешней, — но согласитесь, что и быть просто марионеткой, запрограммированной только на безоговорочное, бездумное исполнение Высшей воле, было бы хуже.

— Но неужели эта Высшая воля не в праве вмешиваться хотя бы в самые ужасные критические

моменты в человеческой истории. Да вот взять бы нынешнюю войну с Украиной... Это ж непостижимое безумие — напасть на своего брата без причин.

— Прозвучит как-то затёрто, но всё же скажу: «ещё не вечер». Да, мы хотим как можно скорее прекращения этой бойни, но у Бога Свои сроки для вмешательства, — а мы многое не знаем. Знал одного парня, получившего ранение ещё в Чечне: так врачи не сразу решились ампутировать ему ногу, всё надеялись остановить гангрену разными антибиотиками. Каково было мучительное ожидание его родителям в их неведении?.. Но если ответить на Ваш вопрос, более обобщённо, то, следуя логике Ваших слов, Господу нужно непременно сразу останавливать руку вора, на месте карать убийцу, наказывать насильников, как это сделал «Ворошиловский стрелок» Михаил Ульянов. А что? Чем частное зло меньше зла более масштабного? Но берегитесь, дорогой, тогда и нам с Вами не поздоровится, ибо и мы не безгрешны.

— Лаврентий Иванович, дорогой. Дайте отдышаться. Я слышу так много непривычного для себя, что нужна хотя бы небольшая пауза. А хотелось бы ещё и про Марию — мать Иисуса — спросить. Миша вон как-то с запалом высказался.

— А я, пользуясь перерывом, пойду свои «бренные пожитки собирать». Хотя что и собирать-то... Но порядок после себя навести нужно.

Пожитки были весьма скромные, и через несколько минут Лаврентий Иванович вышел отнести собранный по сусекам мусор. Звонил его телефон, и вернувшись соседу Георгий Васильевич сказал об этом. Тот стал перезванивать:

— Гриш, ты звонил?.. Что?.. Подъезжаешь уже?.. Минут через тридцать рассчитываю быть на свободе. Да, выписываюсь... Не ожидал, — ты ж ведь по работе занят. Собираюсь...

Развёл руками, как будто в чём-то виноват:

— Так неожиданно. Думал, доберусь до дома сам, а сын вот подъезжает».

— Это же лучше, чем когда некому помочь. Вы эпикриз-то хоть получили? Да и заявление должны написать.

— Тогда я поспешу в ординаторскую... Только вот наскоро напишу свой электронный адрес. Если будет с Вашей стороны желание, мы продолжим наш разговор. По телефону это обсуждать как-то не с руки, да и мне с текстом гораздо удобнее — каждое слово можно обдумывать.

Написав формальное заявление буквально в две строки, получил из рук Антона Юрьевича справку о выписке. Дружески попрощавшись в палате с пожеланием здесь больше не встречаться, Лаврентий Иванович осторожно, — голова от неожиданности немного кружилась, — спускался на первый этаж, где сын уже поддерживал его, ведя к машине.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пока выруливали со двора больницы, пока выезжали на трассу, оба — отец с сыном — молчали. Потом Грише звонили с работы, что-то там надо было согласовать, и минут пять шли уточнения. Наконец сын, повернувшись слегка в сторону отца и не сводя глаз с дороги, спросил как-то тепло:

— Ну что, пап, подлечился?

— Да ничего, чувствую себя вполне сносно.

Вообще странно, откуда взялся этот бронхит, да ещё в острой форме. Никогда же не было проблем с лёгкими. Ну, слава Богу, прошло...

— Мы тут с Ксенией хотим тебе предложить переехать к нам. Во-первых, не будет тебе тоскливо, как говорится, на людях; во-вторых, случится опять какая срочная проблема, вроде этой, с приступом или с чем похуже, — мы ж ведь при всём нашем желании не сможем тебе помочь сразу. Ведь бывает, что человек не в силах даже позвонить. Я готов везти тебя сразу к нам; вещи первой необходимости заберём вечером, потом и всё остальное понемногу.

— Не горазд я, сынок, сразу осмыслить. Ты уж дай мне у себя отлежаться. Это ведь не стул передвинуть... Не будем пороть горячку. Тоскливо, говоришь? Мне будет тоскливо без своей библиотеки, а

у вас для неё места не найдётся. Скучаю по маме? Да... Всё ж прожито с ней немало лет, и жизнь с ней прожита хорошо. Теперь — мой черёд, и там мы встретимся. Спасибо вам за заботу, но пока поживу у себя; пройдут праздничные дни, и там видно будет.

— Тебя в больнице никто не обижал? Мало ли какие соседи по палате бывают.

— Ну что ты, Гриш... Было нас трое, осталось двое, и с этим мы так полезно проводили время. Представляешь — доктор филологии, приятный в общении. Нет, мне с ним разговаривать было в удовольствие. Боюсь, правда, что меня там было слишком много, — но если человек спрашивает, как же не отвечать?

Григорий довольно улыбался:

— Ну да, ведь тебе же надо выгрузить свой багаж, накопилось-то много. А в последнее время ты не ходок по разным мероприятиям, как в прошлом. Вот и загружал незнакомого человека. И про политику, наверное...

— Представь себе, о ней-то мы меньше всего говорили. Он больше всего интересовался религиозными вопросами, — а подачу сделал Миша, который первым выписался; я тебе в двух словах как-то говорил о нём.

— Это с подозрением на туберкулёз, да? Жаль парня. А филолог твой, он что — из спортивного интереса разговаривал о религии? В больнице это понятно: как не поговорить о Вечности?..

— Зря ты ёрничаешь. Я ж всё-таки хоть сколько-то разбираюсь в людях. Серьёзный он человек. Вот только последний наш, нынешний разговор как-то скомкался. Он было заговорил о Марии, матери Йешуа, да пришлось быстро собираться. Ты позвонил...

— Знаю это твоё предпочтение — произносить имя Иисуса Христа на иврите. А что про Марию?... Сотрудница есть у нас на работе — не юная леди, но ещё и ничего себе. Так у неё на рабочем столе этих «божьих матерей» аж несколько. И «Казанская», и «Новодворская»,.. сейчас ещё вспомню. Мы с ней в хороших отношениях; я иногда подхожу к её столу, а она видит, что мне интересен её иконостас, и рассказывает. Вот вспомнил: «Успокоительница»... Говорит, что икон с богородицей в мире насчитывается аж около восьмисот. Нехило, да?

— И я немного помню: есть «Трёх радостей», «Неупиваемая Чаша» и даже — не поверишь — «Прибавление ума». Не знаю, как ответить на твоё «нехило», но всё это не много-не мало, а всего лишь выдумки, воображение суеверных фантазий.

— Но ведь молятся же им...

— Так ведь и пню дикари молятся и уверяют, что помогает. К этому, — я имею в виду молитвенное почитание икон, — нужно относиться тактично. И всё же это — откат назад, в язычество, о чём ещё апостол Павел конкретно писал.

— Да я к этой Даше, сотруднице, не подхожу с насмешками. Но жаль: считает себя христианкой, а исповедует своими иконами какую-то дремучую смесь. Я чисто из интереса открыл в интернете про иконы, — так хоть святых выноси.

— Ты хоть знаешь, Гриш, что ты сказал?

— А что особенного я сказал?

— Так это ж народное присловие; когда в хате случается пожар или иная какая беда, то и выносили в первую очередь «святых», т.е. иконы.

— Вот скаламбурил-то я, пап...

— Но продолжим, однако. Это в расчёте на тех, кто ленив духом и Новый Завет не читает. Ведь сказано же, что Йешуа — единственный Ходатай и Предстоятель за нас перед Богом, — но мы, получается, сочли это неверным и добавили целый сонм всяких других посредников сомнительного свойства.

— Я, пап, под впечатлением Дашиного иконостаса самостоятельно, просто для себя, провёл анализ этого вопроса. И оказалось, что есть всего лишь две-три ссылки на Евангелие от Луки, которые считаются поводом для того, чтобы Марию считать Царицей Небесной. Вот обращение к ней в Благовещение: «Радуйся, благодатная! Господь с тобой; благословенна ты между жёнами». Заглянул в уточнённый перевод Российского Библейского Общества; там слова «благодатная» нет, а есть «благословенная». Сама Мария говорит: «Отныне будут ублажать меня все роды»; в том же переводе РБО читаю: «отныне будут называть меня счастливою». Что значит ублажать? На нормальном языке это означает, что все последующие поколения будут считать Марию счастливой. И это справедливо, ибо только она одна из женщин сподобилась родить столь великое дитя.

И в результате мы не имеем ничего более из того, что бы утверждало «четвёртую ипостась» Божию. Очевидно, было сильное желание видеть то, что очень хотелось видеть. Прямых указаний или намёков на то, чтобы Марию считать заступницей усердной, в Новом Завете нет. По поводу почитания Марии и молитвенного поклонения ей апостолы не сказали ни слова... Сколько внимания направлено к ней доныне, и

сравним это с абсолютным молчанием об этом документов ранней Церкви.

Проходит время, и наступает четвёртый век; Первый Вселенский Собор в Никее, год 325-й. Может быть, обнаружатся новые данные по этому вопросу, которые не известны были первым христианам? Формулируется с большим трудом Апостольский Символ Веры, где в каждом пункте чётко обозначена христианская позиция. Всё лаконично и чётко: вера в Единственного Бога, вера в Иисуса Христа, рождённого от Марии и пострадавшего при Понтии Пилате и т.д. Но не странно ли, что о Марии, которой, как уверяют, должно поклоняться и которую должно молитвенно почитать, не сказано более ни слова? Каждый член Символа начинается словом «Верую», но нет ни слова, чтобы мы веровали в «царицу небесную» Марию. Если апостолы Павел, Пётр, Иоанн и даже любитель законничества Иаков упустили такой важный фактор и ни слова об этом не сказали, то Собор, спустя три века, всё же не мог этого себе позволить. Однако и он об этом молчит! И лишь спустя ещё века почитание и возведение Марии на уровень «царицы небесной» находит себе отражение, что явно указывает на позднейшую новацию. Всё остальное — дело традиции и вкусов.

— Не знал, Гриш, что ты занимаешься такими изысканиями.

— Так ведь яблоко от яблони,.. знаешь? Да и изыскания эти как бы по ходу дела, не профессиональные. Ну вот и приехали. Ты выходи потихоньку, а я поищу место для парковки. Тебе не помочь?

— Спасибо, я сам,.. не торопясь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Время содержит в себе что-то мистическое, — и чем дольше живёшь, тем чаще и пристальнее вглядываешься в эту тайну. Даже в Библии есть как-бы мимоходом сказанное: «...времени больше не будет»; сказано не об опоздании куда-то в затянувшихся сборах, а об изменении структуры человеческого бытия. «Апокалипсис», откуда те слова, — это такая странная книга, понять которую не смог никто, — а уж сколько толкований её текста было написано за всю историю Церкви. Создаётся впечатление, что все корифеи христианской мысли не избежали соблазна оставить после себя своё видение таинственных строк. И что? Тайна так и остаётся тайной.

Вот ещё один год подходит к своему концу... Банально... Сколько я их отмерил, и в последние (или остатные?) годы всё представляется запомнившаяся картина, когда, выйдя в тамбур последнего вагона, наблюдал, как две линии железнодорожного полотна уходили вдаль, сходясь потом в одну точку. И подумалось: такова и наша жизнь. Знать бы, что это была последняя поездка к морю вместе с Лерой...

Нынче я (это уже в моих «нотатках») обратил внимание на то, что в интернете, в преддверии Нового года, было в основном пожелание друг другу здоровья. Не было, как всегда, про счастье, радость,

благополучие, — и было понятно, что война с Украиной корректировала многое в головах людей. До благих ли пожеланий всего и вся, когда подспудно давало о себе сознание, что надвигается что-то тёмно-тягучее, липкое, мерзкое, что посеянное великое зло взойдёт, и неизбежна будет горькая, как полынь, жатва. Для населения ещё делали бравурные телепередачи с полей войны, называя украинских защитников своих семей «боевиками»; ещё фальсифицировали данные о потерях в российских войсках, монтажировали видеосъёмки, — но не все же были кромешно глупы, чтобы всему этому верить. Почти год шли бои за взятие только лишь Бахмута да почти столько же Авдеевки — это говорит уже само за себя. И сколько ещё продолжится эта безумная бойня...

И снова — о времени. Кто-то видит в нём некий бальзам — «время лечит». А один поэт — так он сказал, что «время, как палач, в свой час неумолимый...»; Бальмонт вон договорился в своём декадентстве: «Нам не дано познать всю прелесть смерти...». Каждый проецирует своё понимание жизни. За какой-то месяц ушли из жизни четверо близких людей, и все — моложе меня. Двое долго и тяжело болели от онкологии, а двоим выпала доля уйти почти сразу, скоростижно. Трое были сознательно верующими; они — каждый в своё время — пережили

личное обращение к Богу и старались жить согласно Библии. Четвёртый же... Отпели его, не причастного к Вере в Бога, в часовне при кладбище, и скорбно было видеть это зрелище. Господь даёт жизнь как время, чтобы человек оным воспользовался для выстраивания своего земного бытия перед Ним, — ибо сказал же Екклесиаст, что прах возвратится в землю, а дух — к своему Создателю. Но ведь это про тех, кто «выстраивал». Православная же практика «выдаёт путёвку» всем, без разбора (самоубийцы, правда, там учитываются особо: может кто-то сделал это будучи в состоянии аффекта или числился на учёте в психиатрии). А в основном: был человек с плохой биографией — хоть бы даже и киллер, открыто вёл безбожный образ жизни, но помер, как все смертные, — и за приличное пожертвование (так сейчас блудливо называется в храмах обычный ценовой прејскурант) получает на лоб пропуск в Царствие Небесное, где несть печали и въздыхания.

Однако, нам не дано знать жизнь человека до самого его последнего мига. Может быть, он в этот самый миг възвал к Богу, — а в Писании сказано, что «всякий, призывающий имя Господне, спасётся». Но это — если успеет. Священные строки прямо напоминают, что «дни лукавы», и ты можешь, откладывая на потом вопрос своего примирения с

Богом, просто-напросто не успеть. Как говорил в роли Воланда благородный Олег Басилашвили на Патриарших прудах: человек планирует поехать на лечение в Кисловодск, но... Аннушка уже пролила масло. Кстати вспомнилась и еврейская сентенция: «Покайся за день до смерти». Но кто знает свой завтрашний день?..

Всё же глубоко порочна практика православия в таком деликатном вопросе, как «отпевание покойного». Где-то в «подвалах» его катехизисов оговаривается, что сам обряд не решает за умершего его загробную участь. Мы, дескать, только сим обрядом оказываем усопшему своё пожелание вечной благой доли, — и для сугубости советуем заказывать поминание на девятый день, на сороковой, да ещё на годовщину. Однако все эти «уточнения» прописаны так, что напоминают торговую этикетку на продукте: настоящее содержание продукта отпечатано таким мельчайшим бисером, что без увеличительного стекла не прочитать. И население наше, которому так любо быть обманутым, искренно и серьёзно считает на подсознательном уровне, что обращение к Богу не требует личного решения. Если человек и не успеет, то опять же не проблема: отпоёт батюшка, и всё будет окей. Так перевернули Евангелие, что от него и не осталось прямого смысла: при отпевании мы

просим Господа простить усопшему его грехи. Таким образом с живущего человека как-бы снимается ответственность. Да у нас и понятие о покаянии опошлилось, свелось к примитивному «Господи Сусе помилуй мя». А само слово «покаяние» означает «вернуться лицом к Богу», т.е. сознательное волевое решение жить по-божески с Божьей помощью...не только накануне смерти.

Но россияне решили, что Всевышний — это ветхий днями дедушка, которого легко охмурить, повесив себе на перси крестик (а из золота да помассивней — так ещё надёжнее). Старец этот очами своими уже слаб, жизнь безбожную сослепу пропустит, но крестик-то разглядеть сумеет, — а более того ему ничего и не надо. Ах, покреститься, говорите? Да не вопрос... Так Россия-матушка продолжает играть «в боженьку», и не для неё будто бы написано апостолом Павлом, что Бога не проведёшь (в синодальном переводе «Бог поругаем не бывает: что посеял человек, то и пожнёт»). Да вот ещё вспомнилось, написанное им же: так как люди не хотят иметь Бога в разуме, то и предоставил Он этим людям жить по превратному своему уму. Сколько раз читано это «Письмо римлянам», но снова хочется прочитать первую главу:

«Ведь знание о Боге у них есть. Зная о Боге они не воздали Ему хвалу и благодарность как Богу, а вместо этого погрязли в пустых рассуждениях, и их неразумное сердце объяла тьма. Называя себя мудрыми, они превратились в глупцов и вместо поклонения бессмертному Богу поклоняются образам, подобных смертному человеку, птицам, четвероногим и пресмыкающимся. Потому и отдал их Бог во власть нечистоты, чтобы, следуя похоти сердец, они бесчестили свои тела. Они променяли правду Божью на ложь, они поклоняются и служат творению вместо Творца, да будет Он всегда благословен. Аминь. За это и отдал их Бог во власть позорных страстей: их женщины заменили естественные сношения на противоестественные, равно как и мужчины, отвергнув естественные сношения с женщинами, пылают похотью друг к другу: мужчины с мужчинами творят постыдные дела, готовя тем себе возмездие, которое они заслужили, сбившись с пути. И так как они не пожелали постичь Бога, Бог отдал их во власть развращенного ума, побуждающего их делать то, чего делать нельзя: они исполнены всяческого зла, низости, жадности, испорчены до мозга костей; они завидуют, убивают, полны

раздоров, коварства, злобы; они клеветники, сплетники, ненавидят Бога, наглы, горды, хвастливы, изобретательны на зло, не подчиняются родителям, неразумны, ненадежны, бессердечны, безжалостны. И они, зная, что поступающие так достойны смерти по Закону Бога, не только творят такое, но и одобряют тех, кто поступает так же».

Мне всегда нравилось то, что апостол Павел часто апеллировал к разуму. Однако у нас ведь завсегда «особый путь», и «умом Россию не понять». Последние, тютчевские, слова замусолили до пошлости, до юродства. Вот и эта война, этот каинов грех, когда русский брат пришёл убивать брата — расчётливо, запланировано, — разве это не то, что Бог отнял разум? И не слепой ли верой водимо население, окормляясь со стола теле-пропагандистов по двадцать пять часов в сутки, — через месяц будет десять лет, — гнусными наветами на Украину?

Только с «нотатками» своими и поговоришь...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Новогоднее утро для Лаврентия Ивановича ничем не отличалось от остальных. Вчера вечером сын с женой и Кирой, дочерью, приехали с угощениями, чтобы деду было чем полакомиться. Внучка испекла торт собственной фантазии, а Ксения поделилась от своего стола холодцом с хреном (отдельно в баночке) и селёдкой «под шубой»; знала же, что это ему нравится. Заварив поутру чай, с обязательной для этого действия процедурой подогревания чайной кружки, он с удовольствием съел кусок торта, запивая. Кира — умница, заканчивает учёбу в университете, хочет поступить в аспирантуру. Но и домашним интересам не чужда, — вон какую вкуснятину принесла деду. Специально, сказала, для него делала. Трогательно это для старого человека, и он расцеловал внучку. И ещё приятно было то, что они все трое возвращались домой, чтобы праздник был семейным. Приглашали и его, но к чему ему это «всенощное бдение»? Хочется тишины и покоя. Да и многолетнюю традицию, перенятую ещё от своих родителей, Лаврентий соблюдал свято: за несколько минут до окончания уходящего года он молился Отцу Небесному, припоминая по возможности всё доброе, что было прожито, и благодаря Его. Здесь же переходил к обращению о благословении на предстоящий год.

Многословия в молитвах он не любил, и заканчивал это священнодействие почти сразу после вступления Нового года в свои права. Позвонил Гриша с поздравлением; прибавили по несколько слов Ксюша и Кирочка. За сим — можно и ложиться спать, заложив предварительно уши ватными шариками, — праздничные петарды обычно долго стреляют, иной раз до четырёх утра.

Часов в десять утра Лаврентий Иванович открыл свой ноутбук. Странно, но для него это было основное окно в большой мир. Прогуливаясь в городе ежедневно по проторённому маршруту, лишь немного изменяя его траекторию для разнообразия, он мог пройти и час, и два, но не встретить никого, с кем можно было бы хоть поздороваться да обменяться общими фразами. Слишком многих нет уже на этой земле, с кем был дружен или просто приятельствовал. «Уж сколько их упало в эту бездну...». Нет-нет, он бы по-цветаевски так не сказал. Не сказал бы,.. не до эпатажного позёрства ему. В те годы более любили броские фразы, менее — содержательные. «Послушайте! — Еще меня любите За то, что я умру». Истеричная двадцатилетняя девица.

Ему ближе Марк Бернес, когда он пел:

*«Ходят грустной парюю
Комсомольцы старые.
Как горел их жадный взгляд
Ровно сорок лет назад!»*

Парюю, хотя бы и грустной, Лаврентию уже не ходить, да и комсомольцем он никогда не был, но в остальном — всё так. И если для кого-то неизбежный уход — повод для панического страха, то он давно уже принял слова апостола Павла, как свои: «Для меня жизнь — Христос, а смерть — приобретение».

Но вот обозначился сигнал о присланной почте. Вроде как все ещё спят после новогодней ночи. Кто это такой ранний? Адрес незнакомый. Посмотрим, однако.

«С Новым годом, уважаемый Лаврентий Иванович! Это я, Георгий Васильевич. С Новым годом Вас! Если все отсыпаются, то здесь утренние процедуры не дают залёживаться. Да и сколько можно спать? Одуреешь... Самочувствие моё пока не лучше, но и не хуже. Дежурный врач заглядывает раз в сутки, — а так лечение продолжается по назначению. Уже три дня, как мы расстались. Первая ночь новолетия прошла вполне обычно, как и положено в больнице. И вот Вам сразу моё «послание». Мне передала жена, по моей просьбе, Новый Завет, и я всё это время читал со вниманием, не торопясь. Никто не отвлекал, и внимание было сосредоточено. Много воспринимается теперь уже иначе, чем было в ту пору, о которой я говорил.

Но всё же я нуждаюсь в Вашем пояснении, — у меня попросту нет никого для этого. Уж не обессудьте. Как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Не знаю почему, но начал с того, что идёт сразу после Евангелий, — я ведь в те годы дальше их и не читал. «Деяния апостолов» — это совсем обособленное произведение. Так и чувствуется живая плоть самого что ни на есть раннего христианства. Особенно в первых главах, при чтении которых я вспоминал Ваши слова о том, что Церковь родилась из воскрешения Иисуса. Я не оговорился. Там ведь сам апостол Пётр говорил, обращаясь к многочисленной толпе: Иисуса воскресил Бог.

И вот просто невольно сам себя подвёл к следующему вопросу: я обратил своё внимание на то, что апостолы Иисуса Богом не считали. Боюсь, не задел ли Ваше религиозное чувство, но Вы же знаете, что я нисколько не имел желания чего-то «накопать» крамольного. Хотя я и далёк от церковной жизни, но всё же слышал о таких понятиях как «Богоматерь», «Симеон-Богоприимец» и прочее. То есть — мать будто бы Бога, старец, взявший на свои руки будто бы Богомладенца. Догадываюсь, что на этом построено весьма внушительное здание в христианском богословии, но я читаю так, как написано, не будучи заведомо отягчённым религиозным убеждением. Читать в палате — полное раздолье, времени хватает вполне; я здесь один, так что прихватываю и ночь. Признаюсь, я весьма увлечён этим чтением. Что значит — всему своё время; в те студенческие годы я на многое попросту не обратил бы внимание. Если Вы потерпите моё

вольнодумие, то я прилагаю несколько цитат из слов апостольских, чтобы не быть голословным (со своими короткими ремарками). Вот пишет Павел, апостол язычников:

«Один Бог, один и посредник между Богом и человечеством — Иисус Христос» (1 Тим. 2:5).

«...Бог явился во плоти...» (3:16);

Это из того же письма Тимофею. Но я подумал, а нет ли в интернете других переводов Нового Завета? Оказывается, есть (да Вы наверняка об этом и без меня знаете). И вот посмотрите, как перевело это место Российское Библейское Общество:

«...это тот, кого Бог явил в человеческом теле...» (1 Тим. 3:16).

Разница, как видим, весьма существенная.

«...вы же — Христовы, а Христос — Божий...» (1 Кор. 3:23).

«...Христу глава — Бог...» (1 Кор. 11:3).

«Он (Иисус) теперь жив — и живёт для Бога» (Рим. 6:10).

«...Когда же всё будет покорено сыну, тогда он подчинит себя Богу,...так что Бог станет всё во всём» (1 Кор. 15:28).

Читаю других апостолов:

Вот ап. Пётр призывает к достойной жизни христиан,

«...чтобы во всём прославлялся Бог через Иисуса...» (1 Петр. 4:11)

Ему вторит другой апостол — Иуда (это, как я понимаю, другой):

«Единому премудрому Богу, Спасителю нашему, через Иисуса Христа...слава и величие...» (1:25),

— и здесь мы слышим исповедание строгого монотеизма.

В каком-то Евангелии Иисус молился в присутствии учеников, чтобы они знали единственного истинного Бога и Им посланного Иисуса. Где-то я подобное читал ранее? Вы не поможете? Кажется, это было на последнем пасхальном ужине. Сейчас ради этого воспоминания не буду «перелопачивать» всё предыдущее; да и точную цитату не помню.

Читаю заключительную часть Нового Завета, «Откровение Иоанна». Там давно уже воскрешённый Богом Иисус «рисует» перед взором апостола апокалиптические образы. Но я снова о том же:

«Откровение Иисуса Христа, которое дал ему Бог...» (Откр. 1:1).

Иисус, вознесшийся в горние миры, совсем не стал там второй ипостасью Бога, как это обычно исповедуется христианами. Он продолжает нести служебную функцию перед Богом, — по данному тексту, Иисус передаёт «откровение», полученное им самим от Бога. Несколько ниже мы слышим из уст Иисуса в том же «Откровении»:

«Побеждающего сделаю столпом в храме Бога моего... и напишу на нём имя Бога моего...» (3:12).

Сказанные здесь слова недвусмысленно говорят, что Иисус хотя и личность космического масштаба, но над ним, как и над всем существующим миром, стоит Бог.

Подобных мест, свидетельствующих о том, что у ранних христиан было чёткое понимание о Единственном Боге и о посланном нам, смертным, Господа Иисуса как господина, управляющего в необъятном «имении» Всевышнего, — таких мест множество. Я не стану Вас чрезмерно загружать. Полагаю, что и этого достаточно для ответа.

Если Вам мои «заметки на полях» доставили неприятность, извините.

Как Вы сами-то себя чувствуете?»

Да, с Георгием Васильевичем не соскучишься.

Умеет правильно ставить вопросы — вполне логичные. Мне нравилось (здесь — для «нотаток»), что мой новый оппонент вовсе не старается как-то мне подыгрывать. Завкафедрой, доктор филологии... Академическая школа чувствуется в предметности рассуждений. И ещё ощущается в нём некая уязвлённость, в хорошем смысле этого слова: как это он, человек учёный, малосведущ в той Книге, благодаря которой создана

нынешняя западная цивилизация. Возможно, это так только кажется, — но присутствует и душевная заинтересованность. Богу ведомо, а нам не нужно без спроса вторгаться во внутренние комнаты души другого человека.

И ещё одно ощущение, которому не сразу найдёшь определение. Удовлетворение, что ли? Нет, не то... Да так ли уж и нужно всему давать название? Просто я воочию убедился в правоте своего понимания нынешнего времени: вопросы задаются не агрессивные, но по существу. Да хоть бы даже и «удовлетворение», что ж тут плохого? Особенно на фоне комментаторов в интернете с многообразных форумов, куда уже как-то и неприлично заходить: верхоглядство в библейских вопросах, помноженное на дерзость. Какая-то тотальная невоспитанность девочек и мальчиков, окончивших богословские семинарии, без руля и без ветрил. Христианские общины тяготеют к стабильности; там всегда что-то обсуждается, но лишь в рамках устоявшегося мышления. Но вот некто приглашает к дискуссии по спорному вопросу, и тогда «хоть святых выноси», — столько будет псевдодуховных ответов от «охранителей», перемешанных с оскорблениями. Георгий Васильевич читал Новый Завет со здоровым интересом, без заведомого желания «подкопать», а накопал немало.

Знаю, знаю, как быстро пришили бы ему ярлык «арианства» или чего-либо ещё в этом роде, если бы он вздумал свои наблюдения изложить на каком-нибудь таком форуме. Но ведь прав же. И как тактичен: своего суждения не утверждает, а выносит на обсуждение. Поучиться бы у него нынешним наскоро испечённым бакалаврам и магистрам богословия.

До вечера было раздумывание, как деликатнее ответить. А впрочем, зачем заниматься «китайскими приседаниями»? Отвечать надо корректно, но и напрямки, — ведь человек задал конкретные вопросы. Вернее, он предложил высказать моё понимание. Ну тогда, помолясь, как говорили в раннее время, и за дело.

«Уважаемый Георгий Васильевич, добрый первый вечер Нового года!

Понимаю, что в больнице по этому поводу особого оптимизма ждать не приходится, — но всё же скажу: если не хуже — то уже хорошо. А что будет завтра, знает один Бог. Поэтому желаю Вам только одного: поскорее выздороветь.

Не сразу понял, откуда письмо; я же так скоро распрощался с Вами, что не успел заручиться Вашим электронным адресом. Весьма приятно было, что именно от Вас пришла первая весточка в Новом году. У меня всё идёт в размеренном режиме. То, от чего лечился, пока не даёт о себе знать.

Ваши замечания и вопросы вполне оправданы, и никаких моих религиозных чувств не было обижено. Удивлю Вас или нет, но я обращал своё внимание и раньше на те места из посланий апостольских, которые Вы прислали. Да, подобных мест в новозаветных текстах весьма много. У меня, признаюсь, до сих пор недоумение: это лежит на виду, но на это не обращают внимание. И ещё непонятно: как это напечатано в синодальном переводе? Ведь православие — наиболее консервативная часть христианства, и уж там-то не должны были этого допустить.

По этому поводу вспомнил скандальную ситуацию из девятнадцатого века, когда профессор Павский Московской духовной Академии и архимандрит Макарий переводили на русский язык книги Ветхого Завета. Они это делали на добровольных началах; по мере перевода читали лекции для студентов, а те конспектировали. Переводы этих добросовестных учёных мужей, специалистов по древнееврейскому языку, были весьма соблазнительные, ибо они давали иное представление о пророчествах относительно «божественности» грядущего Машиаха, т.е. Мессии, Христа по-нашему. Если Вам будет интересно, то наберите в любом поисковом окне «История перевода Ветхого Завета на русский язык». Там выставлена весьма солидная книга Иллариона Алексеевича Чистовича, написанная им, если не ошибаюсь, в самом конце 19-го столетия. Так вот: студенты и семинаристы размножали свои конспекты с крамольными переводами, бурно это обсуждая в своих тесных кругах. Нашёлся доносчик из священников, и в Синоде «закрутилось» дело, результатом которого было изъятие, по возможности, всех конспектов и

их копий, а самих переводчиков под угрозой отлучения от Церкви вынудили отказаться от своих исследований.

Я не буду чрезмерно загружать Вас, но всё же чем-то нужно проиллюстрировать вышесказанное. Понимаю, что ветхозаветный текст Вы не читали, — тогда просто примите это для общего обзора.

Два-три места, которые у христиан являются наиболее сильными аргументами в пользу «божественного» статуса Мессии. Вот мессианский Псалом 44-й:

«...Престол Твой, Боже, вовек.., помазал Тебя, Боже, Бог Твой, елеем радости...» — это традиционный синодальный перевод, якобы подтверждающий божественность Мессии.

А вот как гласит этот мессианский текст в переводе еврейском:

*«...Престол твой — от Всесильного, вовек...
поэтому помазал тебя Всесильный Бог твой
елеем радости...».*

Акценты, как видим, расставлены иначе.

Ещё один мессианский Псалом, 109-й; читаем синодальный перевод:

*«Сказал Господь Господу моему: сядь по правую
руку от Меня, пока не положу врагов Твоих в
подножие ног Твоих».*

В еврейском же переводе звучит по-другому:

«Сказал Господь господину моему...».

Кстати, и в этом Рос.Библ.Общество, о котором Вы же упомянули, согласно с еврейским оригиналом.

Сильным местом в пользу догмата о «Бог-Сыне» Церковь доныне считает пророчество Исайи в гл.9-й; вот оно:

*«Младенец родился нам: Сын дан нам;
владычество на раменах Его, и нарекут имя
Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий. Отец
вечности. Князь мира».*

Мы прочитали по синодальному переводу; а теперь прочитаем перевод еврейский:

*«...и нарёк Всевышний, Чудесный, Советник,
Богатырь Всемогущий, Отец вечности ему имя:
Князь мира».*

То есть, «Князем мира» Всевышний назвал Машиаха.

Даже если все упомянутые имена присвоить Мессии, то это вовсе не означает, что он сам и есть «Отец вечности» и «Всевышний». В еврейском народе есть множество личных имён, которые означают собой свойства Всевышнего. Назовём лишь несколько:

Гедалья («Велик Всевышний»), Ишаягу («Бог-спасение»), Шмуэль («Имя его-Бог»), Эльзар («Всевышний помог»), — и никто не считает из-за этого, что, к примеру, Гедалья — это и есть сам Всевышний.

Я полагаю, что вольности в переводах, сделанные под сложившиеся догматы Церкви, были возможны тогда, когда долгие века евреи

находились повсеместно в дискриминационном положении, и с ними никто не собирался считаться. За эти многие столетия неоспоримость христианских переводов была освящена папами, патриархами, синодами, — и лишь сравнительно недавно стали делаться уточнения в пользу первоисточников. С возвращением евреям политических и социальных прав стали возможны консультации с нашими братьями-евреями, с теми, кто хорошо знают древнееврейский язык; есть и священные тексты ТаНаХа, изданные параллельно с переводами на русский язык.

Простите, Георгий Васильевич, я увлёкся. Возвращаюсь к Вашим замечаниям. Придётся говорить ещё об одном существенном, мимо чего не пройдёшь — о табу. Да, в христианских общинах есть негласный закон, что подвергать сомнению то или другое в священных текстах — это равносильно восстанию против Бога. Делать анализ, сравнение — это позволительно, — и новоиспечённые выпускники богословских семинарий спешат блеснуть приобретёнными навыками. Но сомнению?! При мысли об этом парализуется воля и всякое желание. Ведь тогда — отлучение от Церкви как еретика.

Слишком многим, весьма благонаправленным христианам, невдомёк, что из Библии сотворили своего рода кумира. Сам текст отождествили с самим Богом, неизменно при всяком спорном случае припоминая апостольские слова — опять же неправильного перевода, — что «всё Писание богодухновенно». Под последним словом понимается, что любое слово, написанное там, диктовалось самим Богом. Я даже не буду это обсуждать в виду того, что доказательств

обратного более чем достаточно, — и это уже давно не предмет дискуссий для серьёзных теологов. Да вот опять, с Вашей же подачи: в переводе Российского Библейского Общества, над которым работали учёные самых разных специализаций, мы читаем: «боговдохновенно». Вы филолог, и не мне обращать Ваше внимание на разницу в значении этого слова. Слушайте, вот что значит память старого человека: только сейчас вспомнил, что мы с Вами об этом говорили в палате. Ну да ладно: повторение — мать учения.

Обращу Ваше внимание на один курьёз, который старательно обходят все без исключения проповедники. В евангелии от Луки 12:33 написано: «Приготовляйте себе влагалища неветшающие». Если каждое слово в Писании — непосредственно от Бога, то почему же никто из проповедников не рискнёт прочесть этот текст в церквях перед многочисленной паствой? Но вот тот же перевод РБО: «...Заводите себе кошельки, что не знают износа...». Иешуа призывал к собиранию духовного богатства, духовной зрелости, что является вечной ценностью. Вот Вам пример, когда просто глупо настаивать на неизменности «богодухновенного» слова.

Ещё любимой темой, на которую так же строго наложен табу, — это неукоснительное и безоговорочное повиновение любой власти. Своё малодушие и самую обычную трусость так удобно спрятать за словами апостола, которые возвели в ранг чуть ли не догмата. Если бы христианство всегда только и держалось за это буквально, то мы жили бы до сих пор в рабовладельческом строе, — ибо негоже ведь идти против рабовладельцев, которые всегда были при власти. К счастью, тот же

христианский мир никогда не был однородным, и тот злополучный строй был всё ж таки преодолён — и давно. Правда, в России при «боголюбивом» православии как второй власти после Императора, рабство длилось аж до 1961 года. Вот и в нынешней позорной и преступной войне против Украины слишком многим благонаправленным христианам так удобно вспоминать слова Павла «всякая власть — от Бога», не желая вникать в их суть. Ведь таким образом можно смело утверждать, что любой фашизм, стоящий у власти и развязавший кровавую агрессию против другого государства, от Бога. До какого преступного абсурда можно дорассуждаться...

Возраст человека в почтенных годах сказывается поневоле, — и вот я снова ухожу в сторону от основной темы. Хотя, если разобраться, всё мои экскурсы вовсе не сумбурны; единый вектор всё же прослеживается. Да и письмо всё-таки — не доклад.

На этом пока заканчиваю.»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вчера, второго января, были гости: приехал сын с семьёй. Деду было неловко от того, что не мог накрыть стол достойно. Но всё обошлось как-то легко и незаметно; женщины быстро развернули скатерть-самобранку, уставив стол всякими вкусностями, привезёнными с собой. Он, Лаврентий Иванович, не капризен в еде, — но лососевый балык пришёлся уж очень по душе. И был коньяк — весьма кстати для сосудов головного мозга. Пили все правильно, — Грише было нельзя, за рулём, — по напёрсточку, и было приятное ощущение освобождения головы от непрестанной тяжести. Боли от неё, слава Богу, не было никогда, но ежедневная свинцовая налитость удручала и, что главное, сильно ограничивала интеллектуальную способность. Хотелось дописать последнюю книгу, — да, он понимал, что последнюю, — и из-за этого тормозящего недуга досадовал на себя. Гости оставили этот коньяк, — выпито было всего ничего, — так что можно будет баловать себя для собственного здоровья. Всего лишь маленький глоток перед кофе после дневного отдыха, — и ему оставшегося хватит надолго.

Получается прямо таки «почтовый роман».

Сегодня прислал небольшое письмо Георгий Васильевич.

«Я к Вам пишу...», мой дорогой просветитель. Нет, лирическое вступление у меня не получается. Про своё самочувствие говорить неинтересно; раз на раз не приходится. За окном что-то сумеречное, какая-то хмарь, — хотя ещё полдень. Зимы наши совсем стали никудышными; полюбоваться нечем. Что за Новый год без снега? Это так, к больничному настроению... А письмо будет опять же преимущественно из вопрошаний.

Хотя я не в состоянии многое прочувствовать, но скажу пока, что Ваши упоминания о негласных табу доставили мне некий внутренний комфорт, — правда, последнее слово я не совсем удачно употребил. Ну, в общем, мне понравилось, что Вы честно и спокойно говорите о тех нежелательных проблемах, которые тормозят религиозную жизнь. Казалось бы, мне-то что до чьих-то «авгиевых конюшен»? — да Ваш покорный слуга и не похож на Геракла, и не мне их чистить. Запрет на сомнения, хотя бы и неписанный, «табу» на пересмотр сложившихся в веках общепринятых понятий — это, скажу Вам, общераспространённый порок в людских сообществах. Вы же знаете, что это приводило к серьёзным вооружённым междоусобицам (правда, их провоцировали почти всегда жалкие политиканы в своих шкурнических целях). Впрочем, подобные синдромы встречаются и в науке.

И мне, знаете ли, Ваши разъяснения по части табу опять напомнили начало нашего неожиданного

диалога, когда я довольно иронично спросил о визите самого архангела к девице, несколько этого не испугавшейся; о хоре ангелов на полях вифлеемских; о чудесной звезде, почему-то приведших аравийских астрологов не в Вифлеем, а напрямик во дворец царя Ирода. И если принять во внимание то, что ранние христиане Иисуса Богом не считали, то становится понятным, почему евангелия, написанные позже, стали придавать Иисусу статус божественности — в угоду народным повериям и фантазиям. Для этого и написаны были «чудесные» картинки. Я, по сути, представляю ту часть народонаселения, которая вовсе не является богоборческой, но которой просто неприемлемо многое из того, о чём мы говорили, — а того, чего не затрагивали, ещё больше.

Меня задела сентенция Иисуса о том, что всякий, поглядевший на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею.

Во-первых, что значит «с вожделением»? В природу мужчины заложено тяготение к женщине, любованию красотой её тела и необычностью её психики. Попросту говоря, мужчина без этого вожделения попросту не был бы мужчиной (в скобках замечу, что и женщинам-то не нравятся такие мужчины). Если он нарушает правила приличия и домогается женщины без её желания, то да — это должно осуждаться, а при криминальном финале положено и наказание. Но не испытывать вожделения может только глубокий старик на исходе своих дней, в силу гормональных изменений, — и пусть не строят из себя святош те, кто на этот счёт занимаются ханжеской софистикой.

А во-вторых, если бы Иисус был Богом, то разве он не знал бы того, что понятно каждому мыслящему человеку?

Основной же мой вопрос вот о чём: что это за странный интерес к еврейству, как бы невзначай проскальзывающий в Ваших пояснениях. Вроде бы и не главная тема, а цепляет. Причину вопроса поясню попозже.

Пишу накоротке. Хочется прилечь. Неможется.

Всего Вам доброго.»

«Опечален Вашим самочувствием, Георгий Васильевич. Что тут скажешь? Дай только Господь выкарабкаться из этой привязчивой хвори. Все мы настолько хрупки, и зачастую думаешь, что какой-нибудь микроскопический вирус может свалить с ног самого дюжего человека, — и не за что зацепиться. Впрочем, ни к чему продолжать на эту тему.

Знаете, я прежде основного ответа хочу дополнить Ваше размышление о «вождедении». Всё-таки напрашивается сказать и «Б» после «А». Вы обратили внимание, что те слова Йешуа были адресованы только к мужчине? Ведь если бы он был Богом, то знал бы, что женщина не в меньшей степени вождедеет к мужчине. Просто в силу особенностей её психики, у неё это проявляется в прикрытой форме, — оттого и создаётся превратное впечатление. Причём, я здесь говорю не обязательно о сексе. Условный мужчина ещё не вышел на улицу, а в это время женщина, тоже

условная, продумала всё до мелочей, чтобы её внешность была привлекательной...прежде всего для мужчины. Я вовсе не даю какой-либо нравственной оценки всем этим ухищрениям, предпринимаемым женщинами. Не об этом разговор. Но разве не в женской среде родилась фраза — «как бы одеться, по возможности раздевшись»? Мне, мужчине, всего и не охватить взором, сколько методов существует для осуществления этого лукавого желания. Женщина с удовольствием даже не признается себе самой, но на подсознательном уровне она всё равно предпримет тысячи ухищрений, чтобы удовлетворить своё вожеление. Лев Толстой в «Крейцеровой сонате» это описал более красочно и убедительно.

А почему Йешуа по этому поводу обращался только к мужчинам, — так это потому, что он был дитя своего времени, когда женщина в этом деликатном вопросе во внимания не бралась. Помните знаменитую сцену, увековеченную на многих полотнах художников, где женщину законники привели к Иисусу? — «Эта женщина взята нами в прелюбодеянии...». А какое прелюбодеяние без мужчины? Где он? Ни Поленов, ни другие нам его не показали. В Ветхом Завете, который мы с Вами не затрагивали в своих разговорах, есть предписания различного рода — до унижительных подробностей — о наказании женщины, подозреваемой в прелюбодеянии, — но ничего подобного нет по отношению к мужчине. Это я к тому, что мне всегда претило ханжество, — когда пресловутое вожеление адресуют только мужчине.

Однако, переходим к Вашему вопросу.

Буду отвечать в очень сжатой форме, потому что — поверьте мне — затронута тема настолько обширная, что поневоле скажешь словами Есенина: «...такой простор, что не окинешь оком». Одновременно предупрежу, что буду сознательно изъясняться в упрощённой схеме, учитывая Вашу неосведомлённость.

В Библии есть некий мощный феномен, который светские исследователи обходят мимо: это пророчества как предсказания будущих явлений. Эта сфера иррациональна и не может быть областью научных исследований; приходится принимать как данность. Нет возможностей в нашем случае дать всему этому полную панораму. В этой Книге — россыпью, в разные времена, через разных пророков — было сказано, что Израиль, уничтоженный как государство (это произошло в первом веке н.э.), рассеется как народ по всему лицу земли. Потом — когда? — он вновь будет возвращён на свою историческую землю (1948 год — официально) и в перспективе будет мощным локомотивом (!), тянущим состав с другими народами к цели духовного и материального преображения. Оставим пока за скобками слова про перспективу, но обратим внимание на то, что в истории человечества не было ничего подобного. Маленький по численности народ с государством, уже до полного разрушения Иерусалима в 70-м году н.э. утратившим свою независимость, был рассеян по всему лицу Земли, — и через две тысячи лет возвратившийся на свою обетованную землю, восстановивший государственность с той же столицей, возвративший свой древний язык, поднявшийся в международной политике и экономике настолько, что с ним считается весь мир. И обо всём этом говорилось в пророчествах,

которые мы можем и сегодня читать в Танахе (так евреи называют свод книг, к которому мы присоединили Новый Завет). Приведу только один аллегорический образ, весьма показательный: пророк Иезекииль видит в своём видении поле, усеянное сухими костями, которые по неизвестным причинам стали обретать плоть и наполняться жизнью; это был ему знак (примерно за пятьсот лет до н.э.!), что Израиль возродится. Да и все пророчества были записаны за долгие века до нашей эры.

Наше сознание так сильно искажено дурными представлениями юдофобского характера (Вас не имею в виду), что принять сказанное мной будет трудно — прежде всего психологически. Я ничего не доказываю, а просто констатирую: так говорит Библия, и все претензии — к ней.

Невозможно не сказать ещё об одном феномене, непосредственно связанном с Израилем, — это пророчества о Мессии (на иврите — Машиах). Где-то в рассуждениях еврейских мудрецов прозвучала фраза, что Тора вся наполнена пророчеством о Машиахе, и эта тема главенствующая, за которой идут пророчества о многом другом. Если в христианском мире относительно Христа-Мессии разногласий нет, то в Израиле до сих пор не умолкают разноречивые дискуссии. В еврейской среде эта тема весьма болезненна по причине трагический обстоятельств в их истории, — и национальная душа евреев в этом вопросе травмирована. Ожидания Машиаха-Избавителя были настолько страстны, горечь разочарования была настолько сильна, что с неевреями разговор на эту тему почти невозможен. Церковь исповедует искупительную миссию Йешуа в его смерти и

воскресении и ожидание его второго пришествия для окончательного преобразования человечества. В Израиле же рассуждают о Машиахе то как о пока ещё грядущей исторической личности, то считая, что Машиах — это и есть современный Израиль. И тем не менее периодически там вспоминают известные слова мудреца Маймонида (12-й век), который оставил своего рода Символ Веры иудаизма, где прямо сказано: «Я верю полной верой в приход Машиаха, и, несмотря на то, что он задерживается, я всё же каждый день буду ждать, что он придёт».

И всё же, как мне кажется, я не ответил Вам, в чём состоит мой интерес к еврейству. Неповторимый феномен возрождения древнего народа и государства — это одно. Еврейские пророчества о Машиахе — это второе. Но есть ещё и нравственный аспект — это ответственность Церкви за... христианский антисемитизм. Для Вас это будет слишком большой нагрузкой, — поэтому поясню по возможности кратко. Если, согласно тексту Нового Завета, Йешуа не является Богом (вопреки укоренившемуся в христианстве догмату), то распяли в те далёкие времена не Бога, а человека. Значит, не было богоубийства — отсюда нет и народа-богоубийцы. Не говорю уж о том, что шалая толпа, подстрекаемая храмовым руководством, вопившая перед Пилатом «распни его», вовсе не являлась представительным волеизъявлением всего народа. Как бы то ни было, христианство долгие века клеймило евреев за ту трагедию, что привело в конечном счёте к Холокосту. И я прилагаю свои более чем скромные усилия (статьями, книгами), чтобы хоть как-то привнести в этот болезненный вопрос ясность. Я не одинок в этом деле; на Западе, да и в Штатах, этот

процесс набирает обороты. В России, к сожалению, дело продвигается туго, — и тормозящим фактором является православие, которое всегда было заражено антисемитизмом, что по сей день наиболее ярко выражено в предпасхальной литургии на Великую пятницу. Вот — весьма в сжатой форме — мой ответ.»

«Не мог Вам ответить, Лаврентий Иванович, раньше, потому что лежал в палате интенсивной терапии. Позавчера почему-то стало хуже. Дежурный врач не стал брать ответственность на себя и созвонился с Антоном Юрьевичем; тот приехал, отвезли меня на МРТ, потом на рентген и решили делать лапароскопию с последующим дренажем, чтобы скапливающаяся жидкость могла выходить. Подробности эти неинтересны. Теперь мне намного легче, и я уже снова в нашей палате. Скоро начнутся рабочие будни, и я надеюсь, что с приходом заведующим к моему лечению отнесутся с бóльшим вниманием. Надеюсь...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Будучи вынужденным в основном лежать в горизонтальном состоянии, мог читать А. Куприна, — мне принесла жена по моей просьбе книгу из моей библиотеки. Почему — Куприна? Он хорошо читается в больнице; это не долгие романы, тянущие своей продолжительностью. Его рассказы компактны, ёмки в своей художественной образности, конкретны в нравственной оценке, но не навязчивы. Конечно, я захотел вновь прочесть «Суламифь», — может быть потому, что это как-то наваяно библейской аурой. Понятно, что это не более чем авторская фантазия, но вспомнилось чтение знаменитой «Песни песен», откуда и взята эта Суламифь. Да, в студенческие годы мы на семинаре читали эту чудесную песню о любви; девушки наши смущались откровенными словами эротики (тогда девушки ещё смущались). Но это просто от того, что чтение-то было совместным с ребятами, — хотя сам текст был предельно целомудрен. Помнится ещё, что мы недоумевали, почему в синодальном переводе это библейское произведение названо как-то нелепо — «Песнь песней»; так никто не говорит. Пришли к выводу, что в те годы, когда делался перевод на русский, многих архаизмов избежать не удалось. «Отворила я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушёл. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила; звала его, но он не отзывался. Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? — что я изнемогаю от любви... Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её. Если бы кто давал всё богатство дома своего за любовь, то он был бы

отвергнут с презрением». Знаю, что Вам это известно, но не мог отказать себе в удовольствии процитировать хоть что-то. Это же жемчужина восточной поэзии! Тридцать веков прошло, а до сих пор как будто в строках течёт молодая горячая кровь.

И конечно — «Анафема». Весь пафос протестной выходки диакона Олимпия сжат в короткой прерывистой фразе: «Верую во Христа... Но злобы не приемлю...». Если бы христиане (впрочем, и верующие иных религий) были такими же людьми с открытой и простой совестью, тогда инакомыслие другого человека воспринимали бы человеколюбивее (это я про анафематствование «болярина» Льва Толстого).

Теперь — о моём восприятии присланного Вами предыдущего письма. Для меня это как *terra incognita*, хотя я сам об этом и просил. Казалось бы, что и про Израиль, и про Христа всё же знал что-то, но те акценты, которые Вы расставили по этим темам, для меня новы, необычны... и хорошо воспринимаемы. Нет «воды», сжато и конкретно. Только теперь, прожив на этом свете немало, начинаю понимать, сколько упущено. Надеюсь, не безвозвратно, ибо интерес мой только усиливается. Если Вы не откажете мне в помощи и подскажите, что читать на темы, так или иначе связанные с Библией, то моё самообразование будет более успешным. Кроме того, думаю, что этот кошмар нелепой и преступной войны рано или поздно закончится, прекратится и психоз милитаризации; программы в вузах снова обретут нормальное содержание, и будет возможно вводить предмет «библиологии». Я не сторонник клерикализации образования, будь то среднее или высшее, но

приобщение к общеевропейской культуре необходимо. И на эти занятия нужно приглашать для чтения лекций священников разных конфессий, чтобы студенты имели объёмные представления; обязательно и раввина, ибо Библия — то изначально «от них». Бояться не нужно, — в светском образовательном учреждении не должно быть места для узко-конфессиональных взглядов.

И вот ещё что... Заканчивая предыдущее письмо, я обещал пояснить причину своего вопроса к Вам. Мне неловко переходить к этому; ощущение такое, что я что-то сделал не так... Ладно, объясню, как есть. На Новый год жену посетила её племянница со своим мужем. Конечно, жена была рада, — всё ведь лучше, чем сидеть одной в такой домашний праздник. Накрыла на стол, хорошо посидели, поговорили. В разговоре, естественно, вспоминали и о моей «горькой доле». И всё было бы ничего, да жена сказала, что я здесь не скучаю: познакомился с Вами, заинтересовался библейскими вопросами — да так, что запросил к себе в больницу Новый Завет. У Наташи, племянницы, это прошло без каких-либо замечаний с её стороны; что тут особенного? Дядя ведь учёный, филолог, — что ж странного в его необычном интересе? А вот Сеня, муж её, этой новостью заинтересовался по-особенному. Он ведь еврей; сам хотя и не гуманитарий по образованию, но читает всегда. Я, правда, плохо знаю его предпочтения в книгах, но на этот раз он весьма живо откликнулся на слова моей жены. Что-то они там обсуждали; полагаю, что жена весьма лестно говорила о Вас, — я ведь с ней делился кое-чем из наших разговоров, — но закончилось тем, что Сеня, Шимон, попросил о возможности как-то познакомиться с Вами, пусть даже всего лишь по электронной связи. Повторю:

мне неудобно, что так получилось. Добавлю только, что он — обычный человек; я никаких интересов к Библии в нём не замечал. Я вообще никаких интересов к Библии в нём не замечал. Один раз, помню, Сеня рассказал шутку, связанную с волной репрессий против «Свидетелей Иеговы» (их ведь запретили в России; несомненно, Вы об этом знаете). А шутка такова: «С. И., придя в еврейскую квартиру, спросили хозяев, знают ли они, что в Библии написано о Боге? На что получили ответ: «Не только знаем, но мы же её и написали». Так вот Сеня-то как раз и не знает, что в той Книге написано, да и не испытывает в этом незнании личной ущербности. Но он — порядочный человек, и за это я могу ручаться перед Вами. А что касается его желания познакомиться, то это — на Ваш суд. Если будет от Вас «добро», то я передам ему Ваш адрес.»

Что ему ответить?

С одной стороны, приятно сознавать, что кто-то тобой интересуется; с какой целью — это другой вопрос. Я и в молодости-то не был честолюбив, а уж ныне и подавно. Нет, нет, сознавать свою нужность кому-то всегда было отрадно, но нанизывать на свою нитку знакомства ради знакомства?.. Не хотелось бы думать, что этот Шимон хочет сразиться в интеллекте; такое бывает, а как мне этого не хочется! Показывать, что я, человек уже в почтенных годах, ещё ничего

себе? что есть ещё порох в пороховницах — и даже ещё не отсырел? К чему это? Более всего в этих знакомствах ему не нравилось — это неумение собеседника уступить, признавать свою неправоту. Уж сколько этих интернет-попутчиков было, и со многими пришлось в мягкой форме расстаться. Особенно, — и это просто раздражало, — всегда исключительно правыми были женщины. Похоже, у большинства из них отсутствовало чувство юмора, — и дело вовсе не в сомнительных анекдотах или некорректных шутках. Умение признавать свою неправоту — это и есть один из признаков наличия ума, а значит и готовность подвергнуть себя самокритике, перейти к лёгкой иронии над собой. Представительницы же слабого пола всё, что хоть как-то подвергает сомнению их точку зрения, принимают как посягательство на их женское достоинство и сразу переходят на грубость или даже на оскорбления. С такими лучше сразу молча расстаться, ибо выяснение недоразумений, — а чаще всего это и были просто недоразумения, обусловленное какой-нибудь недоговорённостью мысли, — только распаляло страсть к отстаиванию своей непогрешимой правоты. Умение вести диалог, заранее предполагая, что можешь быть в чём-то неправ, и готовность вовремя уступить — это удел прежде всего внутренней культуры. А блистать знаниями — для этого много ума не надо.

И что интересного хочет сказать мне этот Сеня? Георгий Васильевич делился нашими разговорами, и его, наверное, что-то зацепило. Приватного в них и быть не могло, а про Израиль... Так то́ была информация общей доступности. Но есть и свои наработки, и добавим-ка их в свои «нотатки». Правы были космонавты, когда говорили, что лучше тупой карандаш, чем острая память. А уж если настало время возрастных проблем, то с госпожой Памятью надо быть деликатней, подстраховывать её своими записями. Они, вполне возможно, никому не будут нужны, но мне будут помощью в корректировке размышлений, — ибо ведь только самонадеянные или глупые ничего не меняют в своих взглядах на жизнь. А может — Богу ведомо — кто-то копнёт в моём компьютере (после моего переселения в лучший мир) да и вытащит из подвалов содержимое; ерунду всякую удалит, но что-нибудь всё же не покажется ерундой, — и снова подтвердятся слова поэта, что «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Как мудры в своей простоте стихи поэтов девятнадцатого века! «Серебряный век» прекрасен, но в нём много нервного, можно сказать даже — психопатического, как-бы от предчувствия надвигающегося большого разлома в России. Блажен Тютчев, что он жил в веке «золотом», — и хочется продолжить ещё:

*«Нам не дано, увы, узнать,
Чем слово наше обернётся,
Когда последний день прервётся...
Нам не дано, увы, узнать».*

Что ж, думы о «последнем дне» подталкивают многое пересматривать из былого и требуют честности и мужества признать то или иное неверным.

Вот опять же, — этот незнакомый Шимон навеял, — снова об Израиле. В западном мире (в католицизме и протестантизме) уже давно идёт духовная работа по лучшему взаимопониманию Церкви и Синагоги. Многие ведь удивятся, но оба эти слова имеют общий смысл: Собрание. И там, и там — это собрание живых душ, устремлённых ко Всевышнему. И в Церкви есть плевелы, о которых ещё в евангелии сказано; не все суть верующие и в Синагоге. В этом разберётся лишь Он. Но сейчас — не об этом.

Вплоть до двадцатого столетия евреи были как-бы на задворках Истории, и христианский мир или мало что о них знал, или знал в искажённом смысле. Даже делая переводы Библии, редко кто консультировался с еврейскими учёными, знающими библейский иврит. Отсюда и неточности, отсюда и смыслы, не всегда соответствующие оригинальному тексту. Всевозможные «школы» богословия имеют столько

различий между собой, что только специалист по сравнительному богословию во всём этом разберётся, — но в отношении к Израилю там всё просто: или просто умолчание, или «теология отвержения» (есть ещё варианты: «презрения», «замещения»). И лишь совсем недавно, в двадцатом столетии появилось-таки более разумное — «теология дополнительности»: то есть иудаизм и христианство, эти авраамические религии, друг друга дополняют. Всего не охватишь единым взором, но в сжатой форме суть такова: если почти две тысячи лет считалось, что Израиль отвержен Богом, то ныне всё более признаётся, что дары и призвания Божьи непреложны (неотменяемы), что напрямую означает продолжение слов апостола Павла — «не отверг Бог Израиля».

Порой поневоле думаешь, что на Церковь в вопросе об Израиле нашёл некий морок, — и духовная мгла застила глаза миллионам и миллионам верующих во Христа Иисуса. Бессмысленно перебирать в памяти все т.н. «теологические» обоснования, к которым прибегали Отцы Церкви, чтобы воспитать наперёд многие поколения христиан в антисемитском духе, который, по меткому определению Николая Бердяева, в конечном счёте является антихристианским.

Вероятнее всего, эти заметки не увидят свет, оставаясь в подвале жёсткого диска. Но... всякое

возможно, и в таком случае вставлю-таки сюда из своих «закладок» хотя бы немного из перлов авторитетного «отца Церкви», Иоанна Златоуста:

«Синагога — это хуже, чем публичный дом. Это пристанище негодяев и логово диких животных, храм демонов, служащих идолопоклонническим культам, убежище бандитов и разбойников и пещера злодеяний. Это преступное сборище евреев, дом, который хуже, чем кабак, пристанище воров, притон, обитель беззакония, сосредоточение зла, гавань и бездна проклятия и вечных мук».

Ну ладно, те «отцы» были и остаются духовными авторитетами для католиков и православных, но ведь и протестанты «отметились» на этом поприще. Чего стоит только сам Мартин Лютер, изрыгавший, подобно площадной торговке, гнусные оскорбления в адрес евреев — и за что? Последние, видите ли, не выразили бурного желания присоединиться к нему в борьбе с Папой, — и если до лютерова призыва евреи были куда как хороши, то после он просто не знал, как их уничтожить, была б его власть. Но была возможность писать:

«Знай, христианин, что после дьявола у тебя нет врага более жестокого, более злобного и яростного, чем истинный еврей».

«Воистину, само существование этих евреев — это неисправимое, порочное, злобное и дьявольское явление, существовавшее четырнадцать столетий и существующее по сей день. Это наш бич, источник мучений и несчастья. Они просто настоящие дьяволы и никто больше».

Не всегда, к счастью, бодливой корове Бог даёт рога. Но всё же ядовитые семена были посеяны, и уже через столетия на Нюрнбергском процессе фашисты говорили, что они всего лишь реализовывали то, имея в виду «окончательное решение еврейского вопроса», что было заложено в идеологию христианства. Греха на душу брать не нужно, и поэтому нельзя сказать, что все христиане были инфицированы этим антихристианским вирусом. Вот я родился и вырос в среде евангельских христиан, и во всей своей жизни не видел проявления антисемитизма в своих общинах. Но в проповедях нет-нет да звучат доньше — правда, без плохого умысла — утверждения, что Израиль наказан за неверие во Христа и т.д. И уже в который раз приходится недоумевать о том, как же христиане не видят очевидное, написанное в Новом Завете. Но сказывается психологический феномен «замыленного глаза», когда читаемое понимается так, как принято понимать, — вопреки тому, что написано чёрным по белому.

Пройдёт зима, и весной будет Пасха, — но снова в православных храмах на Великую Пятницу будут повторять антихристианское:

«На предательстве не успокоились отпрыски евреев. Но воздай им, Господи, по делам их, ибо не поняли они Твоего промысления, ибо тщетное против Тебя замыслили».

И так — из года в год.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Хотя компьютер в старости едва ли не единственная связь с внешним миром (о телевизоре, представляющим из себя дурно пахнущую помойку, говорить даже неприлично; да и не включается он уже давно), но даже от интернета приходит усталость. Там тоже хватает грязи, — но всё же есть альтернативные возможности, в которых можно находить полезное. Обилие информации, хотя бы даже и нужной, тоже утомляет, — так что периодически приходится себя самого «отключать» и переходить на долгие прогулки да на чтение книг из своей библиотеки. Вот — Стефан Цвейг, его проникновенные новеллы. Как деликатны эти строки с их вдумчивым погружением во внутренний мир иного героя. Никакого смакования, никакой пошлости... В наше время, когда тот же интернет полон желчи и раздражения, так хорошо отдохнуть за доброжелательными рассуждениями, — а ведь Цвейг, будучи сам не таким уж и благодушным, рассказывал вовсе не об идиллических ситуациях. И всё же благородство и уважение к личности в его произведениях, — вот чего так не хватает нынче в писательском творчестве. Чего стоит хотя бы щемящее душу «Письмо незнакомки». Сколько было их, так и не дождавшихся взаимной любви...

Однако, надо заглянуть на электронную почту. Шесть писем, а один адрес неизвестен, хотя ниже обозначена тема: «Так говорит Господь». Уж не пророчество ли какое новоявленное, осенившее некоего неопфита? Такое бывает иногда с теми, кто — не имея ни духовного опыта, ни духовного знания — свои домыслы считает небесными откровениями. Но ведь адреса своего я не раздаю направо-налево. Да что гадать? Открыть нужно письмо, и узнаю тогда, кому и что «говорит Господь»...

«Доброе время суток, уважаемый Лаврентий Иванович! Извините за непрошенный визит, но пишу Вам благодаря ходатайству за меня Георгия Васильевича. Он мне сказал, что Вы согласились на письменное знакомство, за что я Вам благодарен. Меня зовут Семён, и захотел познакомиться с Вами, потому что Г.В. как-то даже увлечённо рассказывал мне по телефону о Ваших с ним беседах на религиозные темы...

Сразу снялось напряжение: хорошо, что адресат сразу обозначил себя.

— Скажу наперёд, что я хоть и еврей (знаю, что Г.В. сказал Вам об этом), но вовсе не из «соблюдающих», если Вам это слово знакомо. С Синагогой меня связывает разве лишь то, что я лет пятнадцать назад по приглашению тамошнего руководства делал работу по установке сигнализации и видеонаблюдения. Всеми хозяйственными делами у них занимается

Председатель общины. Хотя я и светский человек, но всё ж таки познакомился с их раввином (если точнее, он познакомился со мной) — мужчиной постарше меня лет по крайней мере на двадцать пять, с внимательным и вдумчивым взглядом; ну и борода, конечно. Жаль, что он недолго пробыл у нас; была молва, что ФСБ не могла долго терпеть его в нашем городе, т.к. раввин был ещё в советские годы религиозным диссидентом, даже имел отсидку на зоне, потом был «отказником», и лишь при Горбачёве сумел уехать в Израиль. Там получил соответствующее образование, в силу чего был назначен раввином к нам. Я немного отвлекаюсь, извините. Так вот этот раввин тогда, когда я проводил там работу, подарил мне Тору, сказав, что она является частью русской Библии. Эtiquette ради я сказал ему, что мы с ним «одной крови», после чего отношение ко мне было даже доверительное.

Но я — про подарок, этакий солидный фолиант с комментариями аж Главного раввина Британской Империи д-ра Й. Герца. До сих пор, когда говорю об этом кому-нибудь, с трудом удерживаюсь, чтобы не процитировать из С. Есенина — «...раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»...». Да, внушительных размеров и веса представляет собой эта Тора (впрочем, самая бóльшая часть там — это комментарии). Я не охотник до книг подобного содержания, но всё же иметь такую Книгу — привилегия, и счёл свои долгом её прочитать, — благо что пояснения написаны хорошим литературным языком. Не скажу, что всё мне там было понятно: описание культовых ритуалов в походной скинии, различные предписания о кошерности пищи, о шаббате и пр. Понравилось предписания выделить шесть

городов-убежищ специально для убийц, убивших кого-либо без умысла, без злого намерения. Суд впоследствии должен был тщательно разобраться в ситуации. Памятуя, что в окрестных народностях господствовал закон кровной мести, поневоле отметишь гуманность с этими убежищами; однако, если выяснялось, что убийца убил злоумышленно, его всё ж таки отдавали на суд родственникам убитого; что тоже справедливо. Я и вправду был увлечён многими интересными для себя открытиями, особенно из Брейшит, т.е. из самой первой части Торы. Весьма интересно было узнать, что дни творения — это вовсе не наши 24-х часовые дни, а целые астрономические периоды. Величественно значат слова о том, что человек создан по образу и подобию Всевышнего, из чего следуют все падения и взлёты человечества, что само за себя уже говорит о самостоятельности и праве человека поступать по своему разумению. Это более порядочно со стороны Всевышнего, чем создать человека без возможности выбора. Человечество было бы каким-нибудь зомби...

«...Порядочно со стороны Всевышнего...», — такого о Господе я ещё не встречал. Большой оригинал этот Семён.

— Впрочем, к чему я это всё пересказываю, когда, я уверен, Вы всё это знаете и без меня? Я как-то втянулся в чтение и захотел узнать, что же было дальше без Моше нашего рабейну, т.е. после его таинственного упокоения. Того раввина уже нет в нашем городе, а с кем-то другим в синагоге я так и не сблизился. И вспомнил я, что он сказал о нашей Торе; значит, можно обратиться к обычной Библии, раз туда входят все наши последующие священные еврейские книги. С этим проблемы не было; её я

позаимствовал у своего приятеля. И начал читать по порядку... да и пожалел об этом. Там пошло подробное описание, как евреи завоёвывали Землю обетованную. Ладно, я понимаю, что все (или почти все) народы с трудом отстаивали своё место под солнцем, часто — вооружённым методом. Нового здесь нет ничего. Но в Библии (!) все эти очередные столкновения с местными туземцами сопровождаются неизменно словами «Так говорит Господь». То есть всеми этими военными акциями руководил непосредственно Господь? Меня это ввело в некий ступор, но я пересилил себя и перешёл к «Судьям». Но и там — то же самое. Йешуа бен Нун (Иисус Навин) приложился к отцам своим, т.е. умер, но дело его продолжили старейшины «колен» израильских с не меньшей жестокостью и с тем же рефреном: «Так говорит Господь». В последующие «Книги Царств» я уже не погружался, ибо психологически был перегружен (извините) всем предыдущим. И Вы наверняка уже догадываетесь, с чем я собственно к Вам обращаюсь. Вопрос короток: как всё это понимать?

Заранее прошу меня извинить, если мой вопрос бестактен.»

Чем-то подкупает меня этот Семён. Честным признанием, наверное. Ведь многие евреи так и не заглядывали в Тору; и уж тем более, прочитав, не задают такие вопросы. Чувствуется, что мужчина лет сорока пяти; к этому времени уже нарабатывается профессиональный навык и авторитет специалиста, раз

пригласили проводить работу в синагоге. Евреи, насколько мне известно, ищут зарекомендованных мастеров. Но торопиться с ответом не стоит; не горит, как говорится, да и обдумать ответ нужно взвешенно.

Лишь через пару дней, когда в предполагаемом ответе всё более-менее улеглось, последовал отзыв на письмо.

«Здравствуйте и Вы, Семён!

Спешу успокоить: ничего бестактного в Вашем повествовании я не услышал — равно как и в вопросе. Этот вопрос звучит не впервые, но я мало слышал более-менее вразумительных ответов. Будучи миролюбивым и уступчивым по натуре, я всегда оставляю за любым комментатором право иметь свою позицию, — хотя чаще всего позиция-то не его личная, а — если сказать современному — корпоративная. Излагаю Вам своё личное мнение, и Ваше дело — соглашаться с ним или нет.

Вы сами увидели, что расширенная Тора, т.е. Пятикнижие и все остальные священные еврейские тексты — Пророки и Писания, — входит в христианскую Библию; поэтому я всё это обобщаю в одно, без опасения чем-либо Вам доставить неприятность. Впрочем, этот мой реверанс вежливости даже излишен, т.к. Вы не считаете себя религиозным человеком. Мне в такой ситуации легче Вам отвечать.

Многое изначально зависит от того, в каком статусе мы воспринимаем Библию. Ортодоксы всех оттенков скажут, что Тора — священна, и ни

одна буква в ней не может быть изменена. Насколько мне известно, если переписчики по нечаянности допускали оплошности, то свиток не исправлялся, а помещался в генизу (хранилище). Утилизации такой подпорченный свиток не мог подлежать, потому что в нём начертано много раз имя Адоная (Господа, по-нашему). В силу этого весь текст считается продиктованным Господом, а что до авторов — так они были всего лишь послушным пером в Его руках.

Как Вы, Семён, уже догадываетесь по моему слогу, существует иное понимание священности библейских текстов (сразу скажу, что такие же проблемы есть и в христианском сообществе). Следуя этому иному подходу, считается, что всё, написанное в Библии, пронизано Божественным вдохновением, которое многочисленные авторы текстов пропускали через свои способности понимания Всевышнего и своих судеб — личных или национальных. Вы не в силах были пойти дальше «Судей», — но если бы читали дальше, Вы и без моего сопровождения увидели бы, как индивидуальности авторов просматриваются без большого труда. Что из этого следует? А то, что мы видим разные уровни их интеллекта, узкое или широкое видение национального кругозора; стиль изложения, наконец. Пастух Амос, например, совсем другой; он не похож на высокообразованного по тому времени Исайю. Если, к примеру, автора «Иисуса Навина» интересовали только узкоплеменные интересы, то у него и Солнце останавливало свой бег исключительно ради Израиля, пока не закончится сражение у Гаваона. А упомянутый мной Исайя совсем чужд исключительности своего народа; он аллегорически видит гору Сион (Цион) как

средоточие устремлений всех народов. Замечу как-бы «на полях», что весьма интересно и — главное — полезно слушать лекции современных израильских учёных (могу порекомендовать Михаила Голосовского), объясняющих библейские чудеса естественными явлениями природы, и эти объяснения вовсе не являются искусственным спасением авторитета Горы; просто те далёкие от нас по времени люди, несведущие в науке, называли непонятные природные дела чудесами.

Чтобы не уходить далеко (мне это по старости уже свойственно), вернёмся хотя бы к Йешуа бен Нуну. Совершенно очевидно, что книга эта (свиток) не писалась прямо по ходу событий; стенограмм Совещаний военной Ставки никто не вёл. А когда это всё-таки записывалось, то нужно было вооружённые акции по захвату территорий обосновать санкциями Свыше, — иначе всё будет выглядеть неубедительно и неавторитетно. Автор, ничтоже сумняшеся, предпосылал в начале каждого повествования рефреном ссылку на небесные санкции: «Так говорит Господь». Можно было бы подумать, что я непозволительно упрощаю эту проблему, но сошлюсь на времена нынешние, на тяжкую для моего сознания войну с Украиной. Чтобы заручиться стадной поддержкой российского населения и оправдать нападение на вчера ещё братский нам народ, стали муссировать во всех СМИ идею о десатанизации тех, кто по ту сторону. А это должно означать, что мы-то уж точно воюем по воле Божьей (прости, Господи). Впору все круглосуточные телепередачи об этой захватнической войне начинать словами «Так говорит Господь». Я рискую, пиша такое (деепричастную форму этого слова проговаривал сам Иван Бунин), но стар я уже для т.н.

политкорректности и говорю по-простому, без словоблудия. Поэтому, возвращаясь к нашей теме, после наглядного примера из дней нынешних, стоит ли удивляться находке древних библейских сойферов, переписчиков свитков священных текстов) с их ссылкой на Господа?

Здесь нужно спокойное рассуждение, чего так не хватает людям верующим — из евреев или неевреев. Те пращуры современного Израиля были детьми своего времени, — иначе и быть не могло. Понимание Бога Единственного (не знаете молитву «Шма»?) формировалось в них постепенно и трудно, — и не мудрено, что Он у них часто изображался как некий бог племени. Он, конечно же, во многом отличался от других «богов» по своим высоким нравственным качествам (если можно применить это к Богу через призму Библии), — но люди слабы, и да высокого уровня духовного познания надо было ещё восходить и восходить, что и отразилось в мощном явлении позднейших пророков (начиная с царя Давида). Если мы будем полагать, что времени от выхода из Египетского рабства до завоевания ханаанских земель было достаточно, чтобы окончательно сформировалось религиозное самосознание, то лучше оставить так думать. Языческих рецидивов в древнем Израиле было много, и Танах это не скрывает. Процесс этот весьма трудный и долгий, и, положив руку на сердце, скажу: у него нет «финиша», ибо Всевышний, да будет Он благословен, непостижим по определению. К нему можно только восходить. И Израиль восходил, и в лице своих величайших пророков достигал таких высот, что мы, люди двадцать первого века, должны у них учиться. Сожалею, что Вы не знаете контекст всех

последующих Писаний, а то можно было бы проиллюстрировать что-то конкретно.

Однако, из моих рассуждений неизбежно следует провокативный вопрос: так что же, история Израиля — самая заурядная история народа, мало чем отличающаяся от других, с её войнами? — вплоть до нынешней, навязанной Хамасом, когда бандитская массовая вылазка, заранее спланированная, унесла сотни убитых, изувеченных, изнасилованных, взятых в заложники израильтян (включая самых малых детей) в день празднования Симхат Тора, — в силу чего возмездие от израильтян не заставило себя долго ждать. Я сознательно расширяю свой ответ, потому что Израиль сам по себе — случай уникальный в истории.

Всем набил оскомину посыл об избранности его Богом. Каких только спекуляций не существует на эту тему. Скажу больше: даже среди евреев весьма многие имеют смутные об этом представления (говорю на основании многолетнего вникания в этот вопрос — в личном общении или через чтение различных работ). Поверхностный взгляд как будто бы прямо говорит об Израиле как о любимчике Бога. Вы, к сожалению, пока мало ориентируетесь в библейских текстах, — поэтому я не нагружаю Вас прямыми ссылками, и Вам придётся принимать мои слова, доверяя мне (впрочем, можете и не доверять). Однако, хотя бы на что-то конкретное указать следует, например, у Исая: «...не бойся, ... возлюбленный Израиль, которого Я избрал» (интересно, что в оригинале стоит слово «Йешурун»; это как уменьшительно-ласкательное обращение). Но ещё со времени самого Моше рабейну (Моисея) было

нелицеприятное предупреждение этому Йешуруну, что вовсе не за какие-то заслуги или особые нравственные дела совершилось это избранничество. Более того, во Второзаконии, которое Вы всё-таки прочитали, великий вождь и законодатель прямо говорит, что Израиль часто поступал даже хуже идолопоклонников, соседствующих окрест. Слова позднейших пророков полны гневных обличений «возлюбленного» Богом народа по причине его частых отступлений от нравственных норм, когда брат продавал брата, обижали вдов и сирот, нарушалась межа, извращалась судебная справедливость. И такой народ, мало чем отличающийся от других по образу жизни, — избранный и возлюбленный? Его мудрецы писали, что и Храм был разрушен не по причине преимущества в военной силе римских войск Тита Веспасиана, а по причине «беспричинной ненависти» израильтян друг ко другу (тавтология здесь сознательная). Да и нынешнее гражданское противостояние из-за судебных реформ является камнем преткновения для многих во внешнем мире, прежде всего — в христианском. Так в чём избранничество, которое предполагает, по нашему разумению, и преимущества? Но какие преимущества? Если хорошо знать историю Израиля, то увидим, к своему удивлению, что таковых-то и нет. Назовёшь ли преимуществом многовековое рассеяние евреев по всему лицу земли? Или их преследование в силу определений «святых» Отцов Церкви, когда евреям предоставлялось право лишь на существование: уничтожить их не нужно, но должно держать их в жалком прозябании во свидетельство всему миру, как Адонай их наказал за распятие нашего

Спасителя. Пишу это, как бы ёрничая, будучи христианином, но на самом деле в том тяжкий грех Церкви, что теорию «отвержения» довели до закономерного финала — Холокоста.

Так в чём же, повторяю, это роковое избранничество, чему многие евреи совсем не рады? — они хотели бы ассимилироваться в других народах, чтобы уж ни собственно евреев не было и не было бы — заодно — этого гнуснейшего антисемитизма, явления по природе своей иррационального. И вот здесь я уж никак не могу не процитировать опять того же Исайю: «Я — Господь, и нет Спасителя кроме Меня. Я предрёк и спас, и возвестил; и иного нет у вас, и вы — свидетели Мои, говорит Господь, что Я — Бог» (43:11-12). При всех моих претензиях к Синодальному переводу считаю, что данное место переведено лучше, чем Иерусалимский перевод; акценты обозначены лучше. И для меня эти два стиха (псуким) являются ключевыми в понимании этого болезненного вопроса. Постараюсь доходчиво пояснить в той мере, в какой мне открыто многими годами нелёгких раздумий.

Мир сотворён Богом, — и уже ныне большинство учёных в области естествознания всё больше переходят в своих выводах на язык метафизический. Кто-то прямо исповедует Творца, кто-то обтекаемо называют Его Высшим разумом, — но суть сводится к тому, что уже нельзя отрицать высочайшую разумность в тех закономерностях, которыми полны микро- и макрокосм. Об этом гораздо лучше и интереснее сказали бы физики, математики, биологи и представители иных отраслей в науке. Но что Бог для нашего мира? (имею в виду человечество).

Может быть правы деисты, признающие Творца всего видимого и невидимого, который, однако, самоустранился от нашего бытия? Создал да создал, и варитесь в своём соку. Но Библия уникальна тем, что её авторам открыта была прямая заинтересованность Творца к Своему творению, то бишь к нам. Об этом можно говорить много и с большой пользой, но я не хочу отвлекать Ваше, Семён, внимание; и так уж опасаясь за свой затянувшийся ответ. Развезло старого человека, уж извините.

Бог имеет суверенное право держать руку на пульсе истории человечества, — нравится нам это или нет. Создав человека с его правом выбора, Он вовсе не оставил его, что называется «на самотёк» (Николай Бердяев здесь сказал бы «вброшен в здесь»). Да, Он не вмешивается каждый раз, когда мы совершаем какую-нибудь подлость по отношению к другим, нам подобным, или когда злая несправедливость обращена на нас извне. Но закон «что посеял человек, то и пожнёт» никто не отменял, и его последствия не всегда сказываются прямо сейчас, — от того-то люди и считают зачастую, что всё как-нибудь сойдёт втихую.

Но если всё же смотреть шире, глобально, то при внимательном взглядывании всё же можно видеть, что Господь вмешивается в нашу историю, когда зло человеческое совсем уж зашкаливает. Он премудростью Своей действует посредством земных средств, и хорошо, если мы умеем это видеть и сделать из этого выводы.

И всё же — Израиль. Творец определил этот народ, чтобы он своей долгой и многострадальной судьбой был СВИДЕТЕЛЕМ того, что мир не сам по себе, что над ним есть Всевышний. «Свидетель»

— это из юридической лексики; лицо, подтверждающее уже самим своим существованием действительность того, что рассматривается в суде. И Вы наверняка хотя бы отчасти знаете историю Израиля, а я просто пунктиром прослежу его вехи его судьбы. Маленький по численности народ, на маленькой по географическим меркам территории рассеян был так, что две тысячи лет его считали в «нетях»; ну не было такого народа, а были какие-то жалкие осколки от разбившегося сосуда. Однако сбылось видение Йезкиэля (Иезекииля) о мёртвых костях, рассыпанных в поле, когда они вдруг стали обретать плоть и кровь, возродившись к жизни. И сбылись другие библейские пророчества, записанные веками ранее нашей эры о возвращении Израиля на свою обетованную землю, с особенным акцентом, что и «север» отдаст евреям (это ли не коммунистический СССР с его государственным антисемитизмом?). В истории человечества нет более примера, чтобы весьма малочисленный народ без войны вернул себе через тысячелетия землю своих пращуров с той же столицей, как говорится — в одночасье. «Йерушалаим шель захав!..» Снова Исайя: «Возникала ли страна в один день? Рождался ли народ в один раз, как Сион?..» (66:8). Да, это произошло 14 мая 1948 года (не могу удержаться от сентенции, что своим рождением как государства Израиль опередил меня всего на два месяца; это так, к делу не относящаяся шутка, но мне всё же приятно). Возродился язык, ибо на иврите уже никто не разговаривал, — а нынче он является разговорным языком как в гражданском обществе, так и в синагогах.

А войны современного Израиля? Удерживаю себя от желания говорить о них, ибо об этом написано достаточно профессионально, — но они все отмечены превосмогающим по численности противником (чего стоит только война 1948 года, когда на новорождённое государство обрушили свои силы одиннадцать государств). И снова было подтверждено, что есть Бог, суверенным Своим правом вносящий коррективы в ход истории. Уверен, что и нынешняя хамасовская агрессия (7 октября 2023) будет подавлена, несмотря на всемирный ор заказных или заблуждающихся сил. Господь снова скажет миру, что Израиль — это знак контроля Его над безумным миром.

Пожалуй, надо заканчивать.

Надеюсь, всё же внёс в некоторой мере ясность в Ваш вопрос. Знаю, что не всем даже евреям это может быть по душе, но здесь нужно возражать Библии. Я же только ссылался на неё.»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Когда на душе бывал дискомфорт, Лаврентий Иванович старался выходить на прогулку; в ходьбе становилось как-то умиротворённое. Здесь были и раздумья, и молитвы. Его не отвлекали ни прохожие, ни городское мельтешение. Он ещё не научился критически посматривать на себя со стороны и отмечал, что вовремя реагировал на случайную встречу с кем-либо из знакомых, — значит ещё не дошёл до того состояния, о котором говорят: «тихо сам с собою я веду беседу», имея в виду нарушение в психике. Не хотелось бы до такого дожить, и он в молитвах своих просил Всевышнего, чтобы сохранил ему разум и память. Молитвы были просты, как детские обращения к родителям; ничего заученного из сочинённых молитв некими «святыми» дядями в помощь тем, кто не знает своего Отца Небесного (хотя молитву «Отче наш» при случае и вспомнят). Ну скажите, будет ли ребёнок обращаться к родителям по написанному готовому тексту, который ему сердобольно составили соседи? Такое и представить себе трудно. Вот и маму свою Лаврентий часто заставлял сидящей на диване и разговаривающей вслух. «Я с Господом разговариваю». Лаврентий до самой своей старости помнил, как мама молилась при нём, ещё мальчишке; молилась просто, как разговаривают с

близким человеком, которому доверяешь всё. Собственно, у них, у евангельских христиан, никогда не было т.н. молитвословов, таких сборников молитв. Если говорили в своё время апостолы: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими», — то это и воспринималось, как данность, а не что-то абстрактное, туманно-философское. Если все, принявшие эту Благою весть, суть дети, то и по отдельности каждый — сын или дочь своего Отца. И это даёт доверительное отношение в обращении к Нему, без посредников, ибо вера и доверие — одного корня.

Однако... Почему стало как-то смутно на душе после ответа этому Семёну? По сути, вроде бы написано было в дружеском тоне; даже был дан намёк на взаимность в понимании вопроса. Ну да, были некоторые отвлечённости в рассуждениях, но это ведь только для адресата, который не совсем «в теме», в чём он и сам признавался. Но недовольство собой им, Лаврентием, было ощутимым, и нужно было понять причину.

Прогуливаясь неторопливым шагом, он дошёл до Каменного моста, под которым пролегалла улица, где когда-то жила его мама. Нынешнее название сейчас ни к чему, а тогда, сто лет назад, она называлась Богословской — по именованию церкви, стоявшей там,

внизу, в честь Иоанна Богослова. В российской, потом советской, затем снова российской истории (но уже иного извода) парадокс стоит на парадоксе: вот эта, бывшая Богословская, долго и трудно поднимаясь наверх, выходила за Каменным мостом к дому, что справа, фундаментальной архитектуры. Там жили НКВДшники со своими семьями, любившие своих жёнушек и детушек; в свободное же от любви время пытавшие неповинных людей, тоже имевших своих жён и детей. На работу заплечных дел мастерам ходить было недолго, «контора» располагалась метрах в двухстах. Мама со своим первым мужем и с четырьмя детьми тоже жили в мире и ладе, — да вот сатанистское «красное колесо» переехала и их семью. И осталась она одна, «соломенной вдовой». Мастера убивать не только тела, но и души недвусмысленно дали понять, что ей лучше ехать вслед за мужем в далёкую Сибирь. И мама поехала с четырьмя малолетними детьми в неведомое, и там она стала уже не «соломенной», а полноценной вдовой, ибо мужа вместе с солагерниками сожгли в бараке. Воспоминания не всегда нанизываются одно на другое в строгой последовательности. Да, бывшая Богословская... Вот только в каком доме жила мама со своей семьёй, Лаврентий не знал, — а то была бы возможность приостановиться в благодарной памяти и

помолчать. Во многом есть незавершённость, недоговорённость...

Вот... Может быть в этой недоговорённости и кроется причина нынешнего дискомфорта в душе? В последние двадцать лет он, Лаврентий, пишет книги; не те, от которых профессиональные писатели кормятся. Его книги — некие опыты личных поисков и пониманий; все они, в той или иной мере, касались библейских вопросов, хотя это вовсе не было некими трактатами. Вообще он не любил систематических раскладов; он даже студентам Евангелической Академии говорил, чтобы они на богословие смотрели с улыбкой — не насмешливой, вестимо, а снисходительной. Ибо что есть богословие? — это наши размышления в русле потока иных предшествующих размышлений о Боге, о Вечности, и конечно — о теодицее (мимо этого не пройдёшь-не проедешь). Но ведь все эти нелёгкие помыслы — не более чем наши представления, более-менее приближенные к реальности. А кто скажет, как на самом деле? Но нет же, нам нужно обязательно отлить в неподъёмные чугунные догматы своё понимание сущности Творца видимого и невидимого, о единосущности (или разносущности) Йешуа, о филиокве, о спасении через крещение или через веру, ... да несть конца этим будто бы архиважным вопросам. Это ещё только «догматическое богословие», а там

ещё целый набор, — и всё это утверждается с таким видом, будто мы всё прощупали, попробовали на зуб, просчитали через сопромат.

Как же не принимала душа Лаврентия всей этой «премудрости», хотя в молодости, когда духовного опыта было маловато, и он изучал эти предметы. Но уже тогда брезжила неосознанная мысль, что всё это далеко не так, как безапелляционно утверждается. Не то что — совсем не так, — но нельзя утверждать твердолобо, что именно так. И уже лет сорок пять в душе вынашивалась некая книга под условным названием «Вряд ли Христос такое говорил». В ней хотелось сказать — на чисто духовно-интуитивной основе, — что не мог Йешуа в ряде случаев, по тексту Евангелия, говорить «так» и утверждать «это». Но кто он, Лаврентий, чтобы заявлять такое? — хотя это было бы не заявление, а размышления «по поводу». И умнее его, и образованнее были люди, — а он со своей интуицией, которую к «делу» не пришьёшь. И лишь в последние годы стал писать о своём опыте, издавая книги более чем скромными тиражами, которые расходились по рукам, без продажи.

Продолжая раздумья о долгое время предполагаемой книге, делая даже наброски, Лаврентий отчётливо сознавал, что её надо писать лёгким слогом, чтобы была полётность звука, — но к

досаде своей признавал внутри себя, что язык у него для этой темы — сермяжный. Йешуа Машиах в его понимании — светлый и радостный, скорбящий и гневный, и нельзя писать о нём, как о простом человеке. Досадное ощущение не отступало от него, и Лаврентий понимал, что не в его силах и способностях написать достойно. Но в то же время он давал себе отчёт о причине своего косноязычия. Предыдущие книги тоже переживали муки рождения, а эта — дитя уже старости, и в ней всё больше строгости при размышлениях. Вот, что-то похожее есть у Ольги Берггольц, надо вспомнить. «Уже на лицо осторожно садится летучая, легкая паутина...Как звонко поют запоздалые птицы! Как пышно и грозно пылают шторы!» И там же: «...А рожи безмолвны, а звёзды всё строже». Придумывать какой-то захватывающий сюжет? В данном случае — ни к чему. Так что всё будет так, без развлекательной словесной эквилибристики.

Да, некоммерческий он человек. Но интернет предложил свои возможности, и вот достаточно набрать в любом поисковом окне имя-фамилию автора да название нужной книги, — и читай пожалуйста. Причём, его книги выставлялись на сайтах, для Лаврентия совсем неизвестных. Он был приятно удивлён, что его книги рекомендуются для прочтения. И

не беда, если за его счёт кто-то получает свои дивиденды; да пусть, лишь бы читалось.

И припомнился случай (примерно в 2007 году), когда ему сказал один из близких людей, что его, Лаврентия, книгу «Где Авель, брат твой?» видел на полке книжного магазина. Пошёл посмотреть; действительно, книга его, слово в слово, только обложка другая. Но издание незнакомое. Выяснилось, хотя и не сразу, что это дело новосибирцев, зарегистрированных в Москве. С одной стороны, вопрос их совести и авторских прав; с другой — да ладно, книга написана ведь для прочтения. «Раскручивать» же самого себя— это не по его возможностям.

Ходишь, что-то вспоминаешь; воспоминания приходят не всегда «рядышком».

Как-то разговорился с одним пресвитером; сейчас они по-западному именуют себя пасторами. Хотя и греческое «пресвитер» незнакомо уху обывателя; по-нашему сказать — старший в общине, а для него, Лаврентия, так милее всего — пастырь, и тут не нужно всякий раз отвлекаться на объяснения. Ну так вот, в разговоре с тем пресвитером по какому-то поводу вспомнили о еврейской свадьбе в Кане Галилейской, упоминаемой евангелистом Иоанном. И Лаврентий высказал своему собеседнику сомнение, нужно ли было

Йешуа продемонстрировать свои способности претворения воды в вино. Во-первых, там, по тексту, был распорядитель — специально назначенный человек, на ком были обязанности обеспечивать всё полагающееся на свадьбе. А тут приглашённый на свадьбу малоизвестный молодой мужчина даёт распоряжение служащим (и они почему-то беспрекословно повинуются) наполнить чаны для омовения ног водой доверху, превратив после этого воду в вино. Оно само уж по себе вносит соблазн; со слов распорядителя свадебного пира можно судить, что званые гости уже хорошо напились вина, можно было подливать зелья и похуже, — а тут откуда-то отборное забористое вино. Если не ханжествовать, то получалось, что Йешуа немало прибавил к винным свадебным запасам, а дальше — «ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и гуляла». Там же ведь дотошно уточнялось, что каменных чанов было числом шесть и в каждом умещалось от восьмидесяти до ста двадцати литров; несложная арифметика выдаёт результат: семьсот двадцать литров! И это после того, как уже все «напились», по словам распорядителя. Будто бы вода в кувшине, стоящем перед новобрачными, превращённая в вино, была бы меньшим чудом.

Но это так, отступления в рассуждениях. А вот нужно ли было Йешуа, этому прекрасному оратору и

собеседнику, при необходимости помогающему несчастным больным, — нужно ли было Ему заниматься этим фокусом? Мы всегда, читая Евангелия, видим, что Его чудеса, которых евангелист Марк предпочитает называть скромно «делами», — эти чудеса были нравственно оправданы. Вот слепой, — почему бы ему не оказать благодеяние? Вот бесноватый мальчик, о котором его отец просит Йешуа со слезами, — как тут отказать, хотя сам отец и признаётся: «верую, господин; помоги моему неверию». Женщина, страдающая «по женской части», — и ей по её вере было исцеление, ибо она в безмолвии помыслила, что если прикоснётся хотя бы к краю одежды Йешуа, к цицит — этим ритуальным кисточкам на его малом талите, то её унижительные страдания закончатся (ведь женщина в «кровях» считалась ритуально нечистой). Естественно, без рисовки, а главное — нравственно оправдано. Это не фокусы ради фокусов. Факиров в Израиле хватало.

И наконец, во-вторых, главное: о ком речь?

Об Йешуа, принесшем миру Благою Весть о том, что Царствие Божие приблизилось к людям. Это означало, что Руах ha-Кодеш, Дух Святой по премудрой провиденциальности Всевышнего со времени явления Христа народу станет работать в душах людей, изнурённых грехами, побуждая их покаяться, т.е.

осознанно повернуться лицом к Богу, честно осознать свою греховность и решить жить по-новому.

Это об Иешуа, в тёмной ночи Гефсимании молившемся Отцу, чтобы пронесена была мимо чаша смерти, когда сатана так хотел, чтобы Иешуа здесь, в этом глухом ночном предместье Иерусалима за потоком Кедрон умер от потери крови? От душевного перенапряжения лопались кровеносные капилляры, «...и был пот его, как капли крови...». Не на это ли намекает единственный во всём Новом Завете стих? — «В дни своей земной жизни он вознёс, с воплем и плачем, просьбы и мольбы к Тому, кто мог спасти его от смерти, и был услышан за своё благоговение». «Был услышан», по смыслу, был спасён от смерти — преждевременной. Это не про Голгофу, как принято понимать, а Гефсиманию. Многие художники писали «Моление о Чаше» в традиционном понимании слов молитвы «пронеси эту Чашу мимо меня», представляя таким образом Иешуа, со страхом предвидевшим скорое распятие. Лаврентию же Учитель всегда виделся последовательным на своём нелёгком духовном пути; таковым он и оставался в той мрачной ночи. Он не хотел преждевременной своей кончины, — ведь тогда не было бы его вопля «Свершилось!» на кресте.

Это об Йешуа, все свои годы жившем в духовном единении с Отцом, Который давал ему силу и терпения жить в «лукавом и прелюбодейном» народе, но на Голгофе кричавшим истошным криком «Боже мой, для чего Ты меня оставил!?» Это нашу богооставленность Йешуа взял на себя, показав этим, что мы — каждый человек в своей индивидуальности — можем с полным правом обращаться к Богу на правах Его детей, неся в себе «Свет невечерний».

И это — в Кане Галилейской — об Йешуа, Спасителе нашем? Нужно ли было этим фокусом оказывать ему такую «медвежью услугу»? В Евангелии написано так много светлых и глубоких по смыслу слов о нём, — и пусть это не стенографические записи, однако они в достаточной мере передают очаровательность личности «Сына человеческого», как он предпочитал себя называть. Так нужно ли было вставлять в повествование об Йешуа то, что он вряд ли бы делал?

Надо было видеть реакцию того пресвитера на рассуждения о «чуде» в Кане. До этого перед Лаврентием Ивановичем стоял вполне себе благодушный человек, приветливо перед этим остановившийся; был даже миролюбный разговор о проблемах его общины (да, проблемы везде). Кого-то вспомнили, как говорится, отдельной строкой... А после

этот «брат во Христе» просто преобразился; можно было подумать, что именно на него Господь Вседержитель в данную минуту возложил высочайшую миссию по заклеимению всякого, хоть как-то иначе понимающего священный текст. Взгляд агрессивно обострился, глаза прищурились, гневные уста тут же процитировали о том, «что если кто прибавит или убавит из сей книги», то... Понятно, вместе с еретиками — в озеро огненное. Что тут было сказать? Таким «правильным христианам» трудно помочь.

Свои одинокие думы Лаврентий понимал, как желание смыть с древней фрески своевольные наслоения олифы, древних красок, лаков, чтобы открылся более подлинный образ Спасителя — пусть даже менее броский, но зато безо всяких придумок. И всякий раз было ощущение малосильности, недостаточности нужных слов, — хотя какими словами можно размыть многослойный покров, с веками задубевший? А ещё этот пастор (так и хочется извиниться за выражение) гневно спросил, не хочет ли он, Лаврентий Иванович, посеять смуту в христианской среде, в коей отпадут от Благодати неокрепшие в Вере, — ведь, опять же по Евангелию, тому, кто соблазнит, сиречь столкнёт с верного пути хотя бы одного из малых сих, лучше повесить жернов на шею да и утопить в морской бездне. Поддел, надо признать,

классически. Так затыкали рты многим вольнодумцам, и оставалось только одно: «Никшни!..»

Но ведь он вовсе и не намерен тиражировать свои размышления. Это всего лишь его личный опыт, который так и останется «в столе». Но дело-то вовсе не в нём: время сейчас другое, и люди — другие. Живой пример с Георгием Васильевичем, вовсе не копавшим под Евангелие с намерением найти что-нибудь несоответствующее; просто читал и прочитал... с последующими «неуютными» вопросами. То, что в прошлом в людях срабатывало на духовно-психологическом уровне, сегодня это мало кого трогает, — достаточно понаблюдать за сидящими в молитвенных залах. Да, никто не возражает, сидят благовоспитанно. Другие предпочитают во время проповеди, основной части богослужения, общаться с внешним миром тут же, через смартфоны, — верный знак отсутствия заинтересованности в словах проповедующего по причине произнесения им давно знакомых избитых фраз. И для чего они здесь, эти люди нынешнего века, молодёжь по преимуществу? Однозначно не скажешь, сюда бы прислать профессиональных социологов. Но он, Лаврентий, знает главное: не работают евангельские слова, когда наряду с глубокой притчей о блудном сыне, промотавшим всего себя, но возвратившимся всё-таки

к Отчему порогу и принятому любящим Отцом, — а в заключительной части этой же проповеди следуют открытые угрозы тем, кто не возвратился ещё к Господу, за что им воспоследует «геена огненная, плач и скрежет зубов» навеки. Раньше, во время молодости Лаврентия, слова Писания ещё достигали сердец и обжигали, побуждая обратиться от греховной жизни к жизни обновлённой. Это было, и его глаза видели, как мужчины и женщины в слезах каялись в Церкви, не стесняясь посторонних взоров. Сейчас, после настойчивого приглашения пресвитера, кто-то порой выйдет вперёд, проговорив слышанные ранее слова о покаянии, — и всё, готово чадо, народившееся для новой жизни; осталось только пройти через купель водного крещения. Недаром в кругу проповедников давно уже ходит грустная шутка: вот апостол Пётр сказал пламенную речь, и покаялось аж три тысячи человек; ныне же нужно произнести три тысячи проповедей, чтобы к Богу обратился хотя бы один грешник.

Снова и снова, с неотвязчивой постоянностью Лаврентий убеждается, что за Йешуа евангелисты (или переписчики?) наговорили много из того, чего бы он сам не мог сказать и чего бы не делал. Надо учитывать, что тексты эти — вовсе не стенографическая дотошная запись его гомилий или душевно-напряжённых

обращений к своим оппонентам. Нельзя сбрасывать со счётов и то, что сами евангелия были написаны несколькими десятилетиями позже, и — видно по многим признакам — это были сборники коллективного изустного предания. Так что же, им не доверять, раз получается такой расклад? Доверять, доверять, как и Лаврентий им доверяет до сих пор. Но нужно уметь смывать ту инородную многослойность, которая лишь искажает светлый образ Спасителя. Тогда и доверия будет больше, и слушатели будут более заинтересованы.

И снова щемящее душу ощущение, что не пропеть ему, Лаврентию, достойную песнь о прекрасном Спасителе. Много остаётся несказанного...

Почти дойдя до дома, Лаврентий Иванович едва не попал в неприятность: уже перейдя последний перекрёсток, он вдруг осознал, что шёл-то на красный свет. Время ещё было не позднее, и поток автотранспорта был интенсивным. Как его Бог сохранил от беды, неведомо, — но уже после своего незадачливого перехода он встретил взгляд женщины, смотревшей на него в ужасе. И снова пришла запоздалая мысль, что атеросклероз до добра не доведёт. И ведь видел, что перед ним горел красный свет, и нарушать правило перехода вовсе не хотел...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тем временем приближалось Русское Рождество, оставалось два дня. Часов в десять утра дал сигнал мобильник; номер не из «памяти», незнакомый. Уже выработалась рефлекторная реакция недоверия, ибо стали просто как мухи налетать всякие рекламы, услужливые предложения: то голосом автомата, то живым голосом вертлявой девчонки, не умеющей ещё каши толком сварить, но уже обретшей навык нагло охмурять незнакомых людей. Но ведь возможно же, что и с добрыми намерениями звонят?..

— Алло, Лаврентий Иванович?

— Я слушаю.

— Вас беспокоит Игорь Кузьмич.

— Мне это ни о чём не говорит. Извините.

— Ну да, лично нас не знакомили, хотя на одной конференции мы оба были. Я хорошо запомнил Ваше выступление. Тогда представляюсь: старший пресвитер общин евангельских христиан. Избран был недавно.

— Теперь понятно. Приветствую. И чем могу служить?

— У нас завтра по моей инициативе будет расширенное собрание проповедников из всех общин города. Вряд ли будут присутствовать все, но надеюсь

на большинство. Я прочитал Вашу книгу «Еврейские молитвы для неевреев»; хотел бы услышать от Вас пояснения на некоторые вопросы. Полагаю, что это будет интересно не только для меня.

Некоторая пауза.

— Алло, Вы меня слышите?

— Слышу. Только всё это так неожиданно...И что, вы будете собираться только из-за моей книги? Да и читал ли её кто, кроме Вас?

— На этом собрании мы обсудим некоторые свои вопросы, как говорится — в рабочем порядке. Я предлагаю уделить внимание сначала Вам, Лаврентий Иванович, а после мы останемся для своих дел.

— Хорошо. Но мне нужно подготовиться, т.е. хотя бы пролистать заново собственное «творение», — я же не могу всего помнить из написанного. И если у Вас уже есть намеченные вопросы, то продиктуйте их сейчас, чтобы мне быть во всеоружии, как говорится.

— Хорошо, Лаврентий Иванович, записывайте.

— Минуту...Иду к своему рабочему столу... Готов, слушаю. Так... Так... Повторите, не понял. Ещё есть? Пишу... Последнее?.. Записал. А во сколько вы собираетесь завтра и где?

— С общего согласия — в девятнадцать часов, в молитвенном доме, что в «Коммунарах». Надеюсь, Вы там бывали.

— Всего один раз. Это на краю города, и у меня условие: привезти меня туда и вернуть обратно.

— Принято. В восемнадцать за Вами придут. Спасибо.

— Всего доброго.

На какой это конференции он меня запомнил? Всё чаще уже даю отказ для участия на публичных мероприятиях. Сломалось что-то в людях за последние четверть века, и христиане в этом не исключение. Лет пять тому назад проводился Семинар регионального уровня по экстремизму с участием, кстати, и пасторов. Заявленная тема мало о чём говорила, но на месте выяснилось, что она — о «Свидетелях Иеговы», попавших в список экстремистов. Спинным мозгом чувствовался ФСБшный заказ. Доклады делали какие-то скользкие учёные, которым уже не доверяешь. Ведь ясно же: раз ту организацию запретили, то не могли же докладчики сказать чего-либо доброго о гонимых. А учёные звания? — так у нас и руководитель Чечни числится в академиках. То ли смеяться, то ли плакать... После очередного доклада полагались вопросы из зала. Задал я вопрос и был после этому не рад. Сразу

вспомнилось советское прошлое, когда иметь своё мнение не полагалось. А и вопрос-то мой был скорее похож на личное свидетельство об С.И., ибо судьба свела меня как-то с ними, и завязались даже приятельские отношения. В нравственном отношении у них бы поучиться многим, огульно их хулящим. А вероисповедные убеждения — так они у всех разные, и никто никогда не докажет свою исключительную правоту.

Так на какой же конференции мы оба были? Может быть на недавней, в конце сентября? Так то́ было просто собрание для пасторов и проповедников, тема которого уточнялась: молитва о мире. Христианин, собственно, и так молится об этом; это неотъемлемо от христианской жизни. Но шла война с Украиной; интуиция подсказывала, что именно она вносила актуальность, как говорится, в повестку дня. И я туда пошёл. Там был этот старший пресвитер; мужчина на пятом десятке лет, грузный, флегматичный, ничем особенным не привлекавший к себе внимания. И вспомнилось, что пришлось перед этим видеть его на одном богослужении; вернее — слушать его проповедь. Тема никак не запомнилась, потому что была она никакая, бесцветная, дежурная. Ничего харизматичного в этом епископе не проглядывалось; уже тогда сложилось недоумение, какими такими особыми

пастырскими задатками он обладал, если его избрали на это служение. Похоже, и он-то сам не совсем понял, как оказался на этом месте; если бы назначили его бригадиром на каком-нибудь производстве, он с таким же успехом руководил бы и рабочими.

Формально я не причисляю себя ни к какой общине из благоразумного желания оставить за собой свободу действия, ибо мои книги и статьи часто имеют оттенок крамольности — не бунта, не мятежа, а некоей предосудительности, вызывающей неодобрение. Случай, — я это понимаю, — весьма редкий; и всё же при такой особости я сумел поставить себя во взаимоотношениях так, что со всеми сохранялись ровные, по церковному сказать — братские отношения. Хотя особого энтузиазма от приглашения не испытывалось, был всё же творческий интерес посмотреть на реакцию по поводу его книги. Так, сегодня весь день, да и завтра до вечера, — хватит, чтобы освежить в памяти написанное собой же. На этом пока закончу свои «нотатки».

И правда, почти в шесть вечера позвонил незнакомый мужчина, отрекомендовавшись от Игоря Кузьмича, — и вот уже Лаврентий Иванович сидит в «Мерседесе». Хозяина зовут Виктором, мужчина молодой, вежливый, но почему-то неразговорчивый;

может быть, такой по натуре. Да и ладно, ехать по ещё перегруженным от «часа пик» улицам минут тридцать, и можно вспомнить этот молитвенный дом, где он один раз был. Собственно, был-то два раза, но в первый раз он только обошёл его вокруг. Дело было к вечеру, летом, никого на участке не видно, всё ещё в стадии строительства. Одна достопримечательность — близкое соседство с кладбищем; свежих захоронений замечено не было, «закрытое». Впечатление осталось тягостным. Ну что ж, это ведь титульной конфессии, а если конкретнее — государственной, это ведь ей отдают муниципальные власти с усердием чиновников под строительство храмов лучшие участки в городе, даже если это и без того редкие в городе скверы. Так что с этим молитвенным домом пусть хоть так, чем ничего. При «Советах» и такого земельного участка не получили бы, — и ютились бы верующие по частным домам, как чаще всего и было.

А местного пресвитера знаю давно, когда он был ещё молодым человеком. Дотошный в библейских вопросах, умевший копаться в различных справочниках и энциклопедиях, он был неплохим полемистом. Не во всём разбирался хорошо, но это списывалось на молодость, — кто ж из нас знает всё и досконально? Нравился он мне своим умением правильно ставить вопросы. В течение ряда лет мы не встречались, и

когда пришлось быть на богослужении в уже построенном молитвенном доме (так по-домашнему называют церковь), я вынужден был неприятно удивиться, как человек вырос в своих глазах: манера снисходительного обращения, разговор в безапелляционном тоне. Впрочем, Бог всем судья, а мы — люди грешные.

Так в раздумьях и подъехали к месту назначения. В церкви собралось человек двадцать пять; многих Лаврентий Иванович уже не знал. Игорь Кузьмич его высматривал, и увидев, предложил пока освоиться с обстановкой, осмотреться, — он рассчитывал начать встречу с небольшой задержкой в надежде дожждаться опаздывающих поневоле.

Но вот, минут через пятнадцать он, как старший среди равных, призвал всех к началу встречи. К этому времени к присутствующим добавилось ещё примерно десять-пятнадцать человек.

— Вы знаете, дорогие братья, что нынешний вечер обещан быть необычным. На моё приглашение откликнулся бывший пресвитер, ныне живущий на покое, многолетний проповедник с хорошей христианской генеалогией, если так можно сказать, — Лаврентий Иванович Бурлаков. Он уточняет, что фамилию его правильнее всего произносить с ударением на «а». Время не стоит на месте, и не всем

он знаком — разве что только некоторым из присутствующих более старшего возраста. Он — автор ряда книг и статей, написанных по христианской тематике. Признаюсь, что об этом узнал совсем недавно, и здесь помог вездесущий интернет. Лично я сумел прочитать только его книгу «Еврейские молитвы для неевреев», — и она вызвала во мне неподдельный интерес. Добавлю: ещё и противоречивый. Назову только некоторые моменты, для меня значимые, — хотя, вы же понимаете, всю книгу не перескажешь. После предоставим возможность выступить самому автору. Кстати, забыл спросить: кто-то ещё знаком с работами нашего гостя? Так... Полагаю, что этого достаточно, чтобы потом задавать вопросы. Но с первым вопросом, как вижу, обращается Лаврентий Иванович.

— Извините, Игорь Кузьмич. У меня своего рода вступление. Я принёс с собой эту книгу, — и было бы правильно её выставить на столе. Обычно на презентациях так и делают, а то получится как-то неловко: автор здесь, а книги не видно. Положено, как правило, приносить с собой энное количество для приобретения желающими, но у меня остался лишь мой экземпляр, — и я сделал в нём закладки согласно Ваших вопросов, чтобы после излагать по существу.

— Да, сказывается моя неопытность в таком мероприятии. У меня, к сожалению, бумажного варианта книги нет, — так что весьма кстати, что Вы её принесли. Так сказать, вещественное доказательство. Кажется, я здесь неудачно выразил свою мысль... Теперь я скажу о ней несколько слов. Меня сразу царапнуло то, что в книге Иисус Христос предстает как ортодоксальный еврей. Это звучит, согласитесь, несколько странно, если учесть, согласно Евангелию, что он очень часто вступал в полемику с фарисеями и книжниками — в полемику зачастую весьма острую.

Какая-то напряжённость звучала в голосе епископа. Конечно, это ведь не проповедь начинать, что было бы для него делом привычным. Бумажка в руке; что-то вроде заметок для памяти, наверное.

— По книге получается, что наша общехристианская молитва «Отче наш» не совсем, в общем-то наша, а еврейская, — и автор здесь ссылается на авторитетного исследователя иудаизма, раввина из Швеции.

— Автор обсуждаемой здесь книги излагает оригинальный взгляд на всем вам известное положение о Законе и Благодати. Как нами это понимается, я повторять не буду, но у Лаврентия Ивановича своеобразно стирается это противопоставление. У него получается, что евреи не такие уж и законники.

— И последнее, что я для себя выделил: у меня сложилось впечатление, будто автор как бы сдал Иисуса евреям; он вроде бы не имел противостояния с ними и не обличал их в неверии.

Уже в самых первых словах Лаврентий Иванович почувствовал какой-то подвох. Старый и стреляный воробей, он ощущал чью-то подачу со стороны. Хорошо: прочитал человек книгу, возникли вопросы, — и было бы более естественно пригласить, как говорится, на чашку чая, где миром-ладом и обсудили бы всё. Здесь же проглядывается заранее поставленная задача, и вряд ли это старшему пресвитеру было самому нужно. Невольно слышимая колкость в его «пунктах» выдавала заведомое желание устроить подлянку. Уж не «Контора» ли здесь копает? Очень похоже. А для чего? Кому он, Лаврентий, сейчас нужен? Впрочем, она не забывает ничего. И то, что он выявлял в общинных рядах засланных «казачков», ею тоже помнится, — ведь для «Конторы» это неприятные проколы. Она ж ведь «Глубокого Бурения», и помехи извне ей нежелательны. Кроме того — и это едва ли не основная её цель — ей всегда было любо вбивать клинья в руководящие «братские советы» общин, сеять подозрение и раздор, — для этого и нужны были «казачки». Ведь никаких антигосударственных тайн в церковных руководствах и быть не могло, а вот

«клинья» — это их фирменное. И хотя аббревиатуру своего наименования она поменяла, но ведь прав же был пророк: эфиоплянин кожу свою не сменит.

В советские времена старшие братья, хорошо знавшие приёмы сталинского НКВД, были чутки на внешние происки, хотя и не всегда имели возможность им противостоять. Во всяком случае, о бдительности они предупреждали более молодых. Нынче общины оторвались от своего прошлого; даже имена авторитетных для того времени пастырей от Бога, зарекомендовавших себя арестами, ссылками и мудрым пастырским служением, — эти имена нынче в забвении. Постсоветское время дало много хорошего, но и многим обеднило, — отсутствием бдительности, например. Свобода вероисповедания, широко охватившая страну, лишила верующих людей памяти об опасности, а именно в Церкви всегда проходил невидимый фронт противостояния Правды и Кривды; по-христиански же сказать, фронт борьбы Сатаны с Богом.

Однако, пора представлять книгу, которую — уверен — почти никто не читал. Нынешние пасторы — дети своего времени: если и держат в руках что-то для чтения, то по преимуществу литературу религиозного характера. Но и это не всегда так. Подарил вот одной церкви для библиотеки целое собрание толкования на

весь Новый Завет протестантского теолога; написано лёгким слогом, не так уж глубоко, но просто для понимания. Через несколько лет был там и поинтересовался заодно, берёт ли кто для прочтения. Ответ был почти ожидаемый: нет, не читают. Как говорится, «no comments».

— Пожалуйста, Лаврентий Иванович.

Поднялся, сделав некоторую паузу, — надо же обозреть всю аудиторию.

— Мир всем, пришедшим на эту встречу. Каждому автору всегда приятно, что его труд был замечен и отмечен. Я поинтересовался в интернете, и увидел, что прочитавших мою книгу весьма много, чему даже удивился, потому что книгу эту никто, как сейчас говорят, не «раскручивал». В интернете «цыганская почта» тоже работает и хорошо помогает. Издать книгу большим тиражом, — для этого нужно иметь и большие деньги. Оказывается, написать произведение — это далеко не всё; нужно найти мецената, заинтересованного в издании и оплате тиража, нужна «раскрутка». Так что интернет в данном случае — хорошее подспорье. Это — в качестве вводного слова.

Игорь Кузьмич верно подметил некоторые спорные моменты, и это хорошо; когда что-то вызывает возражение, влечёт за собой и обсуждение. Плохо,

когда о книге нечего сказать. Я начну с того, с чего должен начинать каждый автор, прежде чем что-то писать, с актуальности. Чем вызван сам интерес к иудаизму?

Попробую это объяснить, хотя для этого следует цитировать из Библии. Её эсхатологическая направленность говорит совершенно недвусмысленно, что после окончания «времен язычников» (Евангелие от Луки 21:24) решающая роль снова будет за Израилем. В Церкви более опытные христиане уже говорят о приближении этого «окончания». Это вовсе не кликушества о «конце света», чему, кстати говоря, Библия вовсе не учит. Так кликушествуют те, кто её не читают; если бы читали, то увидели бы, что она говорит о возрождении человечества благодаря приходу Машиаха, по-нашему сказать — Мессии. И иудеи, и христиане его ждут, и это ожидание весьма напряжённо. Это не случайно. Есть некий час, который ребе Шауль (он же апостол Павел), как бы в переключку с указанными мной словами из Евангелия, условно обозначил словами «...до времени, пока войдёт полное число язычников», — вы знаете это из его письма Римлянам. И Церковь понимает, что это число близится к своему завершению; «набор» в Церковь, если так можно сказать, завершается. Очень весомым фактором в этом предощущении является возрождение

государственности Израиля. Это знак, которому не было равных по силе в течение всего двухтысячелетнего периода Церкви. И для меня далёкое пророчество Исаяи видится почти осязаемым в своём осуществлении; я имею в виду главу 62, 10-12 стихи. Разрешите, я прочитаю по еврейскому переводу, хотя в данном случае здесь синодальный перевод почти точен:

*«Проходите, проходите в ворота,
освобождайте дорогу народу, ровняйте,
ровняйте путь, очищайте от камня, поднимите
знамя для народов. Вот Господь возглашает до
края земли: скажите дочери Цийона: «Вот
пришло спасение твоё, вот награда Его с Ним и
вознаграждение Его перед Ним». И назовут их
народом святым, избавленным Господом, а тебя
назовут искомым, городом непокинутым».*

Ровнять путь для Израиля — в этом и есть моя задача этой книги и ещё двух, посвящённой проблеме иудео-христианского диалога; диалога, который налаживается не так быстро, как хотелось бы.

Извините, что буду пользоваться «шпаргалкой», по причине своего возраста и чтобы сохранить последовательность своих пояснений. Спасибо епископу, что он по моей просьбе продиктовал мне заранее вопросы.

Каждый чувствует по-своему время, в котором живёт. Я представляю здесь своё видение времени, и никто не обязан со мной соглашаться. Кроме того, как мне представляется, на Церкви лежит вина, — и я даже сказал бы, грех и долг перед Израилем, — и это уже не только моё мнение. После Второй мировой войны, после Холокоста, — надеюсь, вам понятно это слово, — в Церкви произошёл большой сдвиг. Сознательное и целенаправленное истребление евреев, от мала до велика, обнаружило греховность христианства в его т.н. «теологии замещения». Ведь именно такой теологический подход укоренил в сознании христиан убеждение, что евреи пожинают то, что посеяли. И даже нацисты, судимые в Нюрнберге, оправдывались тем, что они следовали тому, как вопрос о евреях понимала Церковь.

Проиллюстрирую последнюю фразу:

Когда Лютер возглавил движение, названное впоследствии Реформацией, он поначалу очень хотел, чтобы евреи примкнули к нему. Само движение было антикатолическим, а евреи в течение веков страдали от католицизма, и Лютер руководствовался конъюнктурными соображениями «против кого с кем дружить». Он даже пытался понравиться евреям своей неуклюжей бюргерской шуткой: «Если бы я был евреем, я бы скорее обратился в свинью, чем в католика».

Стефану Цвейгу, австрийскому писателю, он и напоминал бюргерского мясника. По-современному сказать, Лютер «играл на публику». Но то ли шутка оказалась некошерной, то ли евреи не имели нужды участвовать в очередной религиозной междуусобице, которая для христиан имела своё значение, но совсем не была интересна евреям, — и Мартина Лютера как будто подменили. Если он до этого публично вставал на защиту евреев, то теперь всё было диаметрально противоположно. Не стоит здесь приводить все его грязные ругательства, но если для наглядности можно было бы здесь зачитать маленькие фрагменты, то порядочному человеку этого будет достаточно. У меня не было времени найти эти цитаты в своей книге, так что я скажу по памяти, ручаясь за точность по крайней мере смысла слов: «Знайте, мои дорогие христиане, и ни минуты не сомневайтесь, что после дьявола нет у вас врага более злобного и опасного, чем евреи». «Евреи настолько бесчувственны и дьявольски жестокосерды, что ничто не может тронуть их; они ... бесенята, приговорённые к аду; невозможно обратить это дьявольское отродье».

Но ведь задолго до Лютера на антисемитской (читай: на антихристианской) ниве потрудились т.н. «Отцы Церкви». Я предвидел необходимость закрепить свои слова конкретными ссылками, чтобы не быть

перед вами голословным, и для этого не поленился сделать закладки. Молодёжи сейчас проще: скачал на свой смартфон и читай здесь же хоть для себя, хоть для других. Но у меня всё же по-старинке. Так что продолжу.

В конце 4-го века епископ Амвросий Медиоланский (авторитет в православной Церкви) учит совершенно определённо: синагога — это «убежище неверных, приют безбожников, место, где скрываются сумасшедшие, логово проклятых самим Богом». Он договорился до того, что призывал истреблять евреев физически. Амвросия некоторые считают основоположником идеи геноцида еврейского народа. Но Блаженный Августин возразил против истребления. Тем не менее,- по его мнению,- надо сделать так, чтобы евреи жили жизнью жалкой и униженной; это должно быть свидетельством правды христианства и справедливости Божьего, как он полагал, наказания. Мне весьма неприятно говорить обо всём этом, но если мы не назовём зло — злом, хотя бы даже оно исходило от Отцов Церкви, то мы остаёмся причастниками этого зла.

Вот Иоанн Златоуст (387 год):«А лучше сказать, что синагога есть не только непотребный дом и театр, но и вертеп разбойников и логовище зверей.., вертеп не просто зверя, но зверя нечистого.., никто из иудеев

не поклоняется Богу... Итак, если они не знают Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа, то кто не может смело сказать, что место то (синагога) есть жилище демонов?»

Вот Григорий Нисский (тоже 4-й век): «Убийцы Господа и пророков, враги и клеветники Бога, нарушители Закона, противники милосердия, чуждые вере своих отцов, адвокаты дьявола, порождение ехидны...Преступники, дегенераты, враги всего приличного и прекрасного... ».

Вот Евсевий Александрийский (6-й век): «... горе вам, бесстыдники.., вам, названными сынами и ставшими собаками..., из Богом избранных вы превратились в волков и оттачивали зубы свои на Агнце Божьем. Отстранены вы от Его Славы, горе вам, клеветники неблагодарные, возлюбившие Ад с его вечным огнём... Ад поглотит вас с отцом вашим дьяволом».

После таких поучений Евгений Майбурд, автор книги «Богословие ненависти» весьма справедливо замечает: «Столь плотная концентрация злобы и ненависти в словах и умах святых отцов не могла не претвориться в дела земные».

Элихай Йоханан, католический священник, тоже пишет о юдофобии «отцов»; Григорий Нисский: «убийцы Господа», «богоненавистники», «защитники

дьявола», «бесы»; святой Иероним: «змеи с обликом Иуды, чья молитва подобна рёву осла»; Иоанн Златоуст: «Вероломные разбойники, разрушители, развратники, подобные свиньям, превосходящие в своей злобе диких зверей..., они приносят своих детей в жертву дьяволу, нет им прощения за богоубийство, они отвержены Богом, рассеяны и ввергнуты в вечное рабство. Бог ненавидит евреев. Он ненавидел их всегда».

Из постановлений Шестого Вселенского Собора (680 год): «Никто из принадлежащих к священническому чину или из мирян отнюдь не должен есть опресноки, даваемые иудеями или вступать в содружество с ними, ни в болезнях призывать их, ни врачевства принимать от них, ни в бане купно с ними мыться. Если же кто дерзнёт сие творить: то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен».

Будешь ли удивляться, что в последующие века христианство постоянно пятнало себя грехом антисемитизма? Джеймс Кэрролл, католический священник, написавший своё беспристрастное исследование под названием «Меч Константина», писал: «В течение всего последующего времени, столетие за столетием, снова и снова будет повторяться одна и та же безнадежная история: папы и епископы будут защищать евреев от возбуждённой

христианской толпы, которая будет жаждать убивать евреев только потому, что так их учили папы и епископы».

После исторического экскурса по западным странам Евгений Майбурд вопрошает: «...а что же Русь?.. В 1563 году Иван Грозный овладел Полоцком. «Всех жидов, которые не захотели принять святое крещение, велел утопить в славной реке Двине...» (хроники).

Богдан Хмельницкий, украинский гетман, возглавил восстание против польского владычества. С 1648 по 1649 годы казацкие отряды уничтожили более 100 (ста!) тысяч евреев, убивая всех без разбора. С евреев сдирали кожу, а их тела скармливали собакам. многих заживо погребали... Из беременных женщин вынимали неродившихся детей и бросали им в лицо. Погромы в России: 1881-1884, 1903-1906, 1918-1920 годах.

В православии до сих пор на Великую Седмицу (то есть в канун Пасхи) в храмах читают: «Евреи отвергли Божью правоту своей неверностью; вот почему им одним, как смоковнице, пожинать плоды проклятия». «За благодеяния, которые Ты, Христе, соделал роду еврейскому, они на распятие Тебя осудили, уксусом и желчью Тебя напоив. Но воздай им, Господь, по делам их, ибо не поняли они Твоего

снисхождения». После этого уже понятно, почему хулиганские вспышки юдофобии происходят всякий раз весной, на Пасху.

Ко мне вопрос?..

Из зала:

— Как Вы можете к Церкви применять слово «грех»? Это кощунственно звучит; ведь Церковь свята, ибо свят Иисус Христос, её глава.

— Создаётся впечатление, что кроме этого слова Вы больше ничего не слышали. Знаю, что сейчас может разгореться дискуссия. Но отвечу лишь словами апостола Петра: «... время начаться суду с дома Божия». Надеюсь, вы все понимаете, что апостол имел в виду Церковь. Безгрешных ведь не за что судить, верно?

Следую дальше. Игоря Кузьмича царапнуло, как он признался, то, что я в своей книге Йешуа (так мне больше нравится произносить имя нашего Спасителя) представляю как ортодоксального иудея. Согласен, это выглядит непривычно, тем более во свете его частых словесных прений с книжниками и фарисеями. Но ведь внимательное прочтение текста Евангелия само говорит за себя, — и тут даже не приходится что-то интерпретировать.

В русском синодальном переводе Нового Завета, который был выполнен исключительно силами православных духовных Академий, было сделано всё возможное, чтобы как можно меньше напоминало, что Иешуа был истинным ортодоксальным евреем по взглядам, близким к фарисеям. Не пугайтесь, мы ещё на это обратим внимание отдельно. Он носил малый талит с кисточками по краям — цицит, надевал на лоб во время молитв тфиллин — кожаную коробочку с молитвами внутри, произносил браху́ (ударение на «у»), т.е. благословение на еду; на Седере — ритуальном праздничном вечере в ночь на Песах, т.е. Пасху — преломлял и вкушал мацу (опреснок, тонко раскатанный пресный хлеб) с марором (горькими травами). Можно было бы продолжать дальше. В силу же синодального перевода читающим прививалась мысль, что евреи — это евреи, а Иешуа как бы к ним и не причастен, если вообще им не противоположен. Однако, он мыслил и говорил образами и словами еврейской Веры, и это видно из его слов. Вспомним его совет прислушиваться к поучениям книжников, но не следовать их поступкам. А его слова о Торе, которая должна почитаться без изъятия», где имеет смысл и значение даже самая маленькая буква? Когда же Иешуа спросили, какая в Торе наиглавнейшая заповедь, он прямо процитировал знаменитое и донныне

«Шма»: «Слушай, Израиль! Господь Бог наш — Господь один!»

Что касается частой полемики Йешуа с фарисеями, то весь пафос её не в отрицании, а в углублении иудейской мысли.

Я бы рекомендовал работу Давида Флуссера, вовсе не христианина, но честного израильского учёного; в своей книге «Иисус» он показал, что полемика та была сугубо внутренним делом евреев. Речь шла лишь о разнице в толкованиях тех или иных заповедей. Ведь еврейская религиозная жизнь времени Йешуа была бурлящей: у фарисеев были свои понятия, у ессеев — понятия, доходившие до крайностей (недаром же они себя называли сынами Света, а всех остальных — детьми Тьмы); о прагматичности саддукеев даже и говорить не стоит, достаточно напомнить об их неверии в жизнь вечную. Помните блестящий ответ Йешуа на их ехидный вопрос, чья из семерых мужей будет женщина после своей кончины? Была разница в понятиях между Иудеями и жителями Шомрона (Самарии). Нырять в этот водоворот не будем: сами понимаете, может затянуть. Но вот несколько примеров, взятых мной у Флуссера. Ученики Йешуа шли полем, срывали колосья и ели зерна злаков. По тексту Евангелия, проблема претензий к ним была в том, что они делали это в шаббат, когда делать

нельзя ничего. Флуссер говорит, что фарисеи просто придирались к этому, считая, что в шаббат можно лишь пальцами растирать колосья, а не руками, как в Галилее. Вопрос об омовении рук: было правило, по которому омовение перед едой не обязательно, а после еды — обязательно (речь идёт о ритуальном омовении). Почему были претензии к Йешуа за его исцеления в шаббат? — Опять надо было знать тонкости: лечение — в общем-то работа, но исцеление словом работой не является. Необходимо напомнить то, что нами почему-то забывается: Йешуа не отменял Тору и всегда ссылался на неё как на высший авторитет для евреев. «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» — спрашивает его человек и получает ответ: «В Законе (т.е. в Торе) как написано? как читаешь?». В другом месте он говорил: «Не нарушить пришёл я Тору, но исполнить». Таким образом, — если бы христиане из уважения к своим библейским корням интересовались иудаизмом, - то не было бы многовекового противопоставления Спасителя нашего и фарисеев.

Хочу сказать, что с того недавнего времени, как еврейские учёные стали серьёзно исследовать текст Евангелия, стало многое проясняться. Смерть Йешуа была не происками фарисеев, а верхушкой саддукеев, стоявших у власти. У самих же фарисеев считалось

смертным грехом выдача еврея чужой власти. Мы всё повторяем многократно: Синедрион! Синедрион! Это он осудил Иисуса на казнь, а Пилат лишь сделал вынужденную уступку. На самом деле Санхедрин и не собирался на своё заседание, не был собран даже Малый Санхедрин (23 человека). Если у Каиафы и было ночное совещание (кстати, по еврейским законам, ночью ни заседать, ни тем более выносить смертный приговор было просто запрещено), то это был своего рода преступный междусобойчик, другого слова я не нашёл. Там были лишь лица, представлявшие храмовую бюрократию.

Тут потянулась вверх чья-то рука, и Лаврентий Иванович, приостановившись, сделал приглашающий знак кивком головы.

— Вас послушать, так евреи вообще не причём. А как же написано: «Кровь его на нас и на детях наших»?

— Классический аргумент, но из-за непонимания реальной ситуации. Случайная толпа городских зевак, подстрекаемая саддукеями — этими коллаборантами при оккупационной римской власти, — вовсе не представляла весь народ. Но вот странно: почему-то при подобном вопросе мало кто помнит, что говорил сам Йешуа. Напомню: он говорил, что никто его жизнь не отнимает, — он сам её отдаёт за людей. А его

мольба к Богу?- «Отче, прости им, ибо не знают, что делают».

Время незаметно накручивает свои стрелки... Но чтобы ваше представление о евреях-«законниках» было более понятным, я заготовил выборку из их молитв. Обращаю ваше внимание предварительно на то, что эти молитвы — синагогальные, или, как я говорю, для внутреннего пользования. А это значит, что в них нет ничего рекламного, показушного, рассчитанного на несведущих людей извне. Молитва — это внутреннее дело, движение души, обращение ко Всевышнему, — а Ему ведь не солжёшь, верно? Начну с неожиданного для вас, с молитвы «Отче наш».

Финский библеист и специалист по иудаике, лютеранин по вероисповеданию Ристо Сантала приводит авторитетное исследование главного раввина Стокгольма Готлиба Клейна. Раввин раскрыл иудейские корни названной молитвы; в ней всё построено в последовательности иудейской традиции.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ (ШЕВАХ): «Отче наш, сущий на небесах. Да святится имя Твоё. Да придёт царство Твоё. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

ЛИЧНЫЕ ПРОСЬБЫ (ТФИЛА): «Хлеб наш насущный дай нам на сей день. И прости нам долги

наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого».

БЛАГОДАРЕНИЯ (НОДАЯ): «Ибо Твоё есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь».

По мнению Клейна, молитва, которой учил Йешуа, косвенно соотносится с верой в воскресение. «Есть одно древнее учение, — пишет он, — которое говорит, что Святой, да будет превознесено имя Его, позволит мёртвым воскреснуть в этом мире, чтобы Его великое имя было освящено. Поэтому все должны молиться словами «Да святится имя Твоё, да придёт Царство Твоё». Здесь мы имеем мессианскую молитву».

Молитвенная книга «Сидур» перекликается с частью «Шевах» — молитвы «Отче наш»: «Да будет превознесено и да святится великое имя Его в мире, который Он сотворил по воле Своей. Да учредит Он Своё Царство при жизни твоей и в твои дни, и в дни всего дома Израилева скоро и в ближайшее время; и да скажете вы «Амен». Община отвечает на молитву кантора словами: «Да будет благословенно имя Его во веки вечные, Амен».

«...В молитве «Отче наш» присутствует просьба, значение и истоки которой не однажды вызывали особого рода сомнения. Мы молим, чтобы Господь «не ввёл нас в искушение», но «избавил нас от лукавого».

Слова эти взяты из древней молитвенной модели, которая по-прежнему используется в молитвенном сборнике «Сидур». Рано утром ортодоксальный иудей обращается в мольбе к Богу следующими словами: «Не введи нас во грех, в беззаконие или зло; не введи нас во искушение или позор. Не дай никакой порочной склонности возобладать над нами, но дай нам добрые склонности».

Продолжаю читать еврейские молитвы:

«...Если бы гортань наша была полна гимнами, словно море водою, и на языке нашем была бы песня, звучная, словно шум волн, и на устах наших хвала, беспредельная, словно ширь небосвода, и глаза наши сияли бы, подобно солнцу и луне, и руки наши были бы распротёрты, как крылья орлов поднебесных, и ноги наши были бы легки, словно ноги ланей,- всё равно не смогли бы мы отблагодарить Тебя, Господь, Бог наш и Бог отцов наших, и благословить Имя Твоё, как подобает, даже за одно из тысяч тысяч и мириад мириадов благодеяний, знамений и чудес, которые Ты сотворил с нами, а до этого – с нашими отцами... И все части тела, которыми Ты наделил нас, и дух, и душа, которые Ты вдохнул в ноздри наши, и язык,

который Ты поместил во рту нашем,- все они будут благодарить и благословлять, и восхвалять, и славить, и возвеличивать, и превозносить, и провозглашать святость и царственность Имени Твоего, Царь наш...».

Когда произносится текст следующей исповеди, молящиеся ударяют себя кулаком правой руки в левую сторону груди, говоря: «Мы согрешили».

«За то, что мы согрешили пред Тобой по принуждению или по собственной воле; И за то, что мы согрешили пред Тобой, подавив в сердце своём добрые побуждения; За то, что мы согрешили пред Тобой по несерьёзности своей; И за то, что мы согрешили пред Тобой, не исполнив обещания, которое дали устно; За то, что мы согрешили пред Тобой открыто или втайне от людей; И за то, что мы согрешили пред Тобой тем, что позволяли себе запретные половые связи; За то, что мы согрешили пред Тобой суесловием; И за то, что мы согрешили пред Тобой цинично или же обманывая самих себя; За то, что мы согрешили пред Тобой дурными помыслами; И за то, что мы согрешили пред Тобой, обманув ближнего; За то, что мы согрешили пред Тобой неискренним раскаянием; И за то, что мы

*согрешили пред Тобой тем, что участвовали в
сборищах распутников; За то, что мы
согрешили пред Тобой умышленно или по
ошибке; И за то, что мы согрешили пред Тобой
неуважением к родителям и наставникам; За то,
что мы согрешили пред Тобой, применив
насилие по отношению к человеку; И за то, что
мы согрешили пред Тобой тем, что осквернили
Твоё Имя; За то, что мы согрешили пред Тобой,
говоря глупости; И за то, что мы согрешили
пред Тобой сквернословием; За то, что мы
согрешили пред Тобой, укрепляя в себе злое
начало; И за то, что мы согрешили пред Тобой,
осознавая всю тяжесть своего преступления
или не осознавая; И за всё это, милостивый Бог,
прости нас, отпусти грехи наши, очисти нас! За
то, что мы согрешили пред Тобой, беря и давая
взятки; И за то, что мы согрешили пред Тобой
тем, что отказывались признать свои
обязательства по отношению к другим и лгали;
За то, что мы согрешили пред Тобой
злословием; И за то, что мы согрешили пред
Тобой глумливостью; За то, что мы согрешили
пред Тобой нечестностью в деловых
переговорах; И за то, что мы согрешили пред
Тобой тем, что не соблюдали Твои заповеди,
относящиеся к еде и питью; За то, что мы*

согрешили пред Тобой лихоимством и ростовщичеством; И за то, что мы согрешили пред Тобой гордыней; За то, что мы согрешили пред Тобой нескромностью взоров; И за то, что мы согрешили пред Тобой бездумными речами своими; За то, что мы согрешили пред Тобой тем, что чувствовали своё превосходство над другими; И за то, что мы согрешили пред Тобой наглостью; И за всё это, милостивый Бог, прости нас, отпусти грехи наши, очисти нас! За то, что мы согрешили пред Тобой, отказываясь признавать Твою власть; И за то, что мы согрешили пред Тобой, полагаясь только на свой собственный разум; За то, что мы согрешили пред Тобой, заманивая окружающих в ловушку; И за то, что мы согрешили пред Тобой недоброжелательностью к другим; За то, что мы согрешили пред Тобой легкомыслием; И за то, что мы согрешили пред Тобой упрямством; За то, что мы согрешили пред Тобой неудержимой тягой ко злу; И за то, что мы согрешили пред Тобой сплетничеством; За то, что мы согрешили пред Тобой, клянясь и утверждая очевидное или, напротив, - отвергая его; И за то, что мы согрешили пред Тобой беспричинной ненавистью друг ко другу; За то, что мы согрешили пред Тобой, протягивая руку

помощи преступникам; И за то, что мы согрешили пред Тобой вольнодумством, которое мешало нам верить в Тебя всем сердцем; И за всё это, милостивый Бог, прости нас, отпусти грехи наши, очисти нас!..»

Молитва длинная; её произносят раз в году в День искупления, Йом Кипур. Но согласитесь, насколько дотошно исповедуются грехи. Идём дальше.

«Властелин всех миров! Не на праведность свою полагаемся мы, обращая к Тебе наши мольбы, а на милосердие великое Твоё. Что есть мы, что наша жизнь, что наши добрые дела, что наша праведность, что наше спасение, что наша сила, что наша смелость; что мы можем сказать Тебе, Господь, Бог наш и Бог отцов наших!.. Однако, мы — народ Твой...».

Вот молитва, относящаяся к пробуждению; обратите внимание на рекомендации к ней:

«Человек всегда должен вести себя Богобоязненно, даже находясь в одиночестве; и признавать истину, и быть честным в сердце своём и, вставая рано утром, говорить: «Властелин всех миров! Не на праведность свою полагаемся мы, обращая к тебе наши мольбы, а на милосердие великое Твоё...».

А вот 16-й век; песня создана рабби Эльазаром
Азкари (Израиль, Цфат):

*«Возлюбленный души моей, Отец милосердия!
Приблизь раба Своего к исполнению воли Твоей,-
И побежит он с быстротой оленя,
Чтобы склониться перед Твоим великолепием.
Любовь Твоя будет для него
Слаще мёда и всяческих яств.*

*О, Величественный и прекрасный, Сияние мира!
Душа моя больна любовью к Тебе.
Молю Тебя, Боже, излечи её,
Явив ей Свой благодатный свет!
Лишь тогда исцелится душа моя и окрепнет,
Обретёт она вечную радость.*

*Извечный, преисполнись состраданья
И сжался над Израилем, любимым сыном Своим.
Ибо страстно жажду я
Увидеть великолепие могущества Твоего.
Молю Тебя, Бог мой, услада сердца моего,
Сжался же и не скрывай от меня лик Свой.*

*Яви Себя, Любимый,
И раскинь надо мной шатёр Своего мира.
Озари землю славой Своей,*

*И будем мы ликовать, будем радоваться Тебе!
Поспеши, Любимый, ибо пришла пора,
И будь милостив к нам, как в прежние времена».*

Ну, прямо-таки в классическом духе «Песни песен», приписываемой Соломону.

Вот, пожалуй, и всё, что я мог передать основного из своей книги. Да и время...

Но послышался голос из зала:

— Вы же обещали что-то поведать нам о Законе и Благодати. Или и в этом вопросе, по Вашему мнению, грани как бы стёрты?

И вновь Лаврентий Иванович почувствовал какой-то запланированный подвох. А может, ему по старости уже многое чудится?

— Отвечаю на вопрос, и это уже будет концом моего предствояния перед вами. Говорю «спасибо» заранее; спасибо за терпеливое выслушивание. Что касается моего ответа, то я, откровенно говоря, полагал, что прочтением самих текстов синагогальных молитв ответил наперёд. Трудно не заметить, что это слова не законников, как их в большинстве своём представляют христиане; это слова детей, обращённых в Отцу. Я мог бы прочитать ещё одну молитву, которая у них называется «Авину Малкейну», т.е. «Отец наш, Царь наш», но она длинная, и я не буду перегружать

вас. Что же получается, если исходить из самих молитв? Они сознают себя детьми перед Богом, и наша Вера основывается на этом же. Мы говорим, что мы обрели сыновство благодаря Благодати во Христе Иисусе, — и правильно говорим. Но они — дети Божьи по определению, в силу Синайского Завета. И есть у них весьма тонкая современная сентенция по поводу нашего непонимания этого вопроса; послушайте: «Выделять тему о нашем сыновстве перед Всевышним — это всё равно, как если бы сын оформлял документ усыновления перед своим отцом». Как вам это нравится? Вы же хорошо должны знать Библию, где неоднократно подчёркивается, что не за какую-то мнимую праведность евреи сподобились быть народом Завета, а исключительно по избранию Свыше, значит тоже — по Благодати. Причём, избранность эта не «за что», а «для чего», — т.е. не за какие-то заслуги евреев, а для того, чтобы нести миру Божественный свет, т.е. Священное Писание. Что и осуществилось, хотя пока и не в достаточной мере; но, как говорится, ещё не вечер. Ведь мы полностью приняли весь свод библейского текста, мы окормляемся им до сих пор — и не только в домашнем назидании, но и в церквях на богослужении. Разве не так?

И ещё реплика из зала:

— Ну да, всё хорошо. А всё таки у них «око за око»...

— Это как посмотреть. Обычно это у них не более как фигура речи. Увечья, как правило, возмещались денежно или материально; как договорятся. Но классическое понимание равноценного воздаяния за причинённый ущерб у них звучит так: мера наказания не должна превышать меру вины. Уверен, что это внесёт коррективы в понимание многих из вас.

Встал Игорь Кузьмич и с плохо скрываемым сожалением о недостигнутом (может, опять показалось Лаврентию Ивановичу?) сказал, что весьма благодарен автору книги за согласие на проведённую встречу.

Назад ехали с тем же мужчиной, так же неразговорчивым, хотя и с более приветливым взглядом. Очевидно, что-то ему было по душе из слышанного. И правда: уже прощаясь, он сказал с улыбкой: «А неплохо получилось с этим, как это... я про усыновление у своего родного отца». А Лаврентий Иванович, весьма уставший, с удовольствием ощущал, что «обошёл» он епископа и сумел обходительно, но конкретно ответить на вопросы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Всё хорошо в своё время... В былые годы подобные авторские встречи хотя и утомляли, но то была обычная усталость плюс осознание хорошо проделанной работы. Теперь — не то; психологическое напряжение взбудоражило нервную систему, и полночи пришлось ворочаться с боку на бок, — уснуть же удалось лишь ближе к утру; хорошо, что догадался с вечера отключить мобильник. Когда проснулся почти часов в десять, на дворе был уже зимний день — блеклый, со сплошной хмарью. Пока приводил себя в порядок, — впрочем, никто же не торопил, — пока не спеша пил чай с бутербродом с сёмгой (растягивал удовольствие от новогоднего угощения детей), а тем временем было уже около двенадцати. И лишь прогуливаясь по скверу, расположенному в пяти минутах ходьбы, поглядев в телефоне на время, увидел пропущенный звонок. Возрастная рассеянность сказывалась и здесь: телефон оставался с выключенным звуком. Как всегда, не без колебаний перезвонил по незнакомому номеру.

— Вы мне звонили. Извините. С кем разговариваю?

— Лаврентий Иванович, спасибо, что откликнулись. Вас беспокою под настроением от вчерашней встречи. Зовут меня Александром; я —

пастор церкви, что в «Дубовке». Хочу просить Вас о личной встрече. Понимаю, что мы незнакомы; но вчера мне показалось, что Вы — именно тот человек, который поможет мне разобраться в моих вопросах, которые я не рискую обсуждать с теми, в кругу которых вращаюсь.

— Хорошо. Не спрашиваю о предмете обсуждения. Вы работаете? — имею в виду помимо пасторства. Как со временем?

— Да, работаю. Вечернее время для встречи вполне подошло бы. Если Вы согласитесь, конечно.

— Соглашаюсь. В понедельник вечером у меня дома. Во сколько Вас ждать?

— Было бы хорошо, как вчера — в девятнадцать часов.

— Договорились. Свой адрес сообщу по СМСке.

— Спасибо большое. Всего доброго.

Новый знакомый был — вопреки предположению — несколько даже галантным: помимо извинений за беспокойство и благодарности за отзывчивость хозяина, он принёс с собой что-то из выпечки да вдобавок пару больших гранат и несколько груш. Выпечка, судя по фирменному пакету, из «Варвары» — этой сети маленьких кафешек, которые вот уже

который год выдерживают испытание на конкуренцию. Чувствовался лёгкий парфюм. Интересно, что же это за работа такая у пастора, этого мужчины лет сорока, не больше, если он может следить за собой? Ведь не завскладом же... Но Александр с охотой ответил, что работает системным программистом на фирме, — и стала понятна его аккуратность.

— Давайте-ка посидим на кухне. Можно было бы и в комнате, но мне, признаюсь, сподручнее что-то подавать, когда всё под рукой. Кофе? Чай? Лимон хотите? Ну, чай — так чай. Вода уже закипает, сейчас заварю. Можете сразу излагать свои проблемы, ибо время вечернее, и мы сэкономим время, не отвлекаясь на посторонние вопросы.

— Лаврентий Иванович. У нас община небольшая, примерно человек двести...

— Для «Дубовки» это вполне нормально.

— Нас два пастора. На мне, по преимуществу, работа с молодёжью; мне это нравится, т.к. сам не настолько уж далеко в отрыве по возрасту. Но меня мучает то, что я часто не могу отвечать на вопросы правильно. Вопросы задаются, я бы сказал, необычные.

— К примеру?

— Да вот хотя бы последний случай.

Разговаривали о милосердии, о сострадании с привязкой к 25 главе евангелия от Матфея. Вы ж должны хорошо её помнить. Очередная притча о Царе, который награждает тех, кто посещал больных, помогал сирым, одевал не имеющих одежды. Вполне нравственный урок, который каждому следует себе усваивать. И всё шло хорошо, всё было понятно. Но один парень спокойным тоном спрашивает: «Да, помогать, посещать, одевать — это правильно. Но вот правильно ли, если этого не делают, отправлять таковых «в огонь вечный, уготованный дьяволу»? Нехорошо и немилосердно быть глухим и равнодушным к нуждам других, — но ведь здесь никто никого не убивал, не крал у нищего. Почему такое непомерное наказание?

И Вы знаете, я почувствовал ужасную неловкость. Ведь слышал же не раз проповеди на эту тему на основании того же текста, но даже не приходило в голову посмотреть под таким углом. А парень сидит и смотрит мне в глаза. Я же свои глаза отвожу в сторону; помню это скверное ощущение. Я просто не знал, что сказать; не был готов.

— Так всё же что-то сказали?

— Стал как-то выкручиваться: это, мол, всего лишь притча, призванная к мобилизации нашей

отзывчивости к нуждам других; здесь способом применения формы гротеска делается усиление акцента именно на этом. Очевидно, добавил я, тогдашним людям была более понятна мысль, выраженная в крайних противопоставлениях. И знаете, что тот парень мне ответил? «Но я-то не тогдашний, я — нынешний, и мне непонятна эта мера наказания». Мне запомнились эти последние слова, а вот вчера, когда Вы отвечали по поводу «зуба за зуб», я подумал, что Вы меня поймёте.

— А со своими сопастырями Вы это не обсуждали?

— Попытался. Но попыткой и закончилось. Начали, по привычке, про то, что ни убавлять, ни прибавлять к Слову нельзя; раз написано — так оно и есть.

— Да, в сложный переплёт Вы попали, Александр...

— Так ведь я ещё не всё рассказал. Только я закончил заниматься своей богословской эквилибристикой, желая отстоять правоту Писания, как следом подала свой голос девушка. Профессиональная пианистка, — она у нас аккомпанирует хору, помощник регента. У нас долго не было хорошего аккомпаниатора; возможно, поэтому она чувствует

свою значимость и может позволить себе более независимый тон. И вот она начала:

— Александр! Кстати, давайте проанализируем «золотой стих».

— Интересно, интересно! Весь христианский мир знает его наизусть. Он чуть ли не «Символ Веры», только в сжатой форме; как говорится — «без воды».

— Именно так, Лаврентий Иванович. И вот эта девушка цитирует:

«Бог так возлюбил мир, что отдал Сына своего едиnorodного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

Она закончила, а я спрашиваю:

— Так что тут непонятного? В этом и явлена миру любовь Божья — через Голгофскую смерть Иисуса Христа. Так много сказано на эту тему, что я даже и не знаю, чего прибавить.

Та девушка и говорит:

— Да и я не один раз слышала проповеди на этот стих. И про любовь, как говорится, принято. Но вопрос мой созвучен предыдущему рассуждению. Смотрите, что получается; я про смысл слова «погиб»: не уверовавший в «любовь» наследует гибель. Но ведь есть много причин не уверовать, и часто эти причины

извинительны. Кто-то прожил в семье откровенно атеистической, где о Боге вообще не говорилось. У кого-то ближайшее окружение было попросту индифферентно по отношению к Нему: ни «за», ни «против», всё равно. А бывает, что дурные примеры т.н. христиан отталкивают человека от всего того, о чём говорит Библия. Могу добавить к этому и тех, кто прочитает случайный фрагмент из неё и по причине двусмысленности какого-то стиха оставляет всякий интерес даже к Евангелию, не говоря уж о всей Библии.

Меня последнее даже задело, и я попросил проиллюстрировать.

Девушка почему-то засмушалась:

— Честно говоря, я не готова к этому.

Мне показалось, что здесь я могу перехватить инициативу, и, не обдумав загодя, перешёл на покровительственный тон:

— Нехорошо говорить голословно.

И мои слова придали ей решительность; женщины чаще всего в таких моментах идут в атаку.

— Хорошо. Перед Вами лежит Библия; прочитайте 23-ю главу пророка Иезекииля. Сама я читать отказываюсь.

— Ну, Вы попались, Александр. Не позавидовал бы я Вашему положению...

— Сразу видно знатока текста. Да, Лаврентий Иванович, я стал читать вслух — куда ж было деваться? — про двух сестёр-блудниц, которые открывали свою наготу чуть ли не перед всяким проходящим. «Там измяты груди их, и там растлили девственные соски их, и изливали на неё похоть свою...». Вы же помните, вся глава — в том же духе, а глава-то длинная. Сам читаю и соображаю, что следует говорить по этому поводу. Видно, девушку сильно это задело, раз она решилась — хотя бы даже и не намеренно — заговорить об этом.

Лаврентий Иванович, что-то переставляя на столе:

— Там ещё ранее: «...позорила красоту свою и раскидывала ноги свои для всякого мимоходящего». Хорошо, что это из другой главы. Так как Вы вышли из такого пикантного положения?

— Как и положено: стал объяснять, что это типичный восточный приём аллегории, где показывается духовная измена Богу двух царств — Самарии и Иудеи. Язык образный, для нас непривычный, но ведь и смысл в этой же главе разъясняется конкретно. А она мне прямо в лоб:

— Вы, Александр, стали бы проповедовать на эту тему, предварительно прочитав, как положено, перед прихожанами эту «красочную» главу?

— Для меня это был удар «ниже пояса».

Лаврентий Иванович в изумлении сидел, машинально помешивая ложечкой в чашке, не замечая проливающегося чая. Подложив салфетку, после невольной паузы произнёс:

— Даже я за свою долгую жизнь не попадал в такую ситуацию... По-нынешнему сказать, Вы влипли. Ну, и?..

— Сказал честно: не знаю. И здесь же напомнил, что мы слишком далеко ушли от основного разговора про «погиб». Но видно, мне Господь уготовил особенное испытание в тот вечер, потому что меня ждала новая атака.

Ту девушку, как говорится, понесло:

— Хорошо, давайте продолжим. Я перечислила всего лишь несколько примеров, когда иной человек, по независящим от него обстоятельствам, не откликается на любовь Божию. Вдумаемся спокойно, без желания сразу же и во что бы ни стало отстаивать «честь мундира»: равновелика ли степень наказания — погибель навеки? Я ещё не замужем, а Вы уже отец двоих детей. Вы ведь прощаете своим чадам их дурные

проступки? Хорошо, их проделки по малолетству ещё не такие тяжкие... Недавно прочитала у Шукшина рассказ, где взрослый парень совершил преступление, в драке уложив на больничную койку милиционера; так надо было видеть, как его несчастная мать ходила по всем инстанциям, убеждая в незлобности своего сына, который собирался жениться, а теперь что ж будет с той девчонкой, не дожждётся она его. Родители всегда стараются рассуждать о грехах детей в сторону оправдания. Христос напоминал: уж если вы, грешные сами по себе родители, умеете снисходить к своим детям, то Отец ваш Небесный тем более. А тут — «погиб». Человек просто не в состоянии даже представить себе, что такое «жизнь вечная», что такое погибнуть навеки. Да и соразмерна ли степень наказания? — ведь с этого началась наша дискуссия.

— И я, Лаврентий Иванович, почувствовал себя в этот вечер каким-то несмышлёнышем в библейских вопросах. Да, я закончил семинарию в Донецке (сейчас там всё разбомбили); полагал, что нам всё разложили «по полочкам», и теперь только иди и наставляй заблудших. А теперь я в каком-то внутреннем раздрае. Мы не привыкли встречать такие неудобные вопросы — без всяких богословских премудростей, а вот так, попросту. Сможете ли Вы мне что-то сказать?

Наставник заботливо пододвинул к гостю приготовленное:

— Прежде всего, хотя бы перекусите да чайку выпейте. Понимаю, что Вам нужно было высказаться, а мне выслушивать... Да и не КВН у нас сейчас, где требуется быстрая находчивость; мой «компьютер» (жестом показав на голову) загружается.

Прежде всего хочу предупредить, что опаснее всего в подобных ситуациях — отрываться традиционными клише; это будет гарантировать Вам потерю доверия со стороны задающих вопросы. Никогда не бойтесь признаться в незнании ответа или хотя бы в неподготовленности к ответу, — это даст Вам шанс на время обдумывания до следующей встречи. И освобождайтесь от «табу».

— Поясните последнее, пожалуйста.

— Это скованность нашего мышления, негласный запрет делать полшага вправо или полшага влево. До определённого времени, имею в виду советский период, это не было серьёзной проблемой, но сейчас — другое. Я хотя и стар, но стараюсь держать руку на пульсе времени; вижу, что стереотипное мышление уже не может давать положительный результат. Мы живём во время некоего перелома, которому я не могу пока дать определения. Это примерно, как подросток —

мальчик или девочка, неважно: он уже не ребёнок, но ещё и не взрослый. Применительно к нашему разговору, это вот что: люди, которым мы пытаемся помочь в обретении прочного духовного фундамента, снисходительно и недоверчиво относясь к нашим в общем-то известным правильным словам, нуждаются в ином понимании вечных вопросов. А этого «иного» мы боимся — или не можем — им дать, потому что скованы «табу», этого запрета рассуждать нестандартно.

Есть в Израиле очень известный библеист, зовут его Пинхас Полонский. Он взял на себя весьма большой труд — написал комментарий на книги Торы. Вы понимаете, по-нашему это Пятикнижие. Он бывший москвич, прекрасно владеет русским языком, чего я пожелал бы многим нашим, с позволения сказать, проповедникам. Это вообще отдельный разговор — о нынешнем языке и манере проповеди. Пинхас назвал своё исследование весьма значимо: «Библейская динамика». Уже само это последнее слово по сути — смелая заявка. Он говорит, что мы привыкли смотреть на библейские персонажи, как на какие-то застывшие монументы, мало чем отличающиеся от жены Лота. Вот Авраам встал и пошёл из Ура Халдейского, вот он спустился в Египет, вот пошёл на гору Мориа для принесения в жертву Исаака... Ну, и так далее. Автор

же «Динамики» старается вникнуть, исходя из того же текста, в скрытые причины того или другого поступка патриарха, чтобы оживить этот «монумент», максимально приблизить его таким образом к нашему пониманию. Это ведь очень важно — видеть знакомый по Книге образ не в дымке отдалённой архаики, а как человека, проблемы которого знакомы и близки нам. Ведь известно же: меняется время, обстановка, жизненные приоритеты, — а человек со своей духовной сущностью остаётся тем же.

— А что, Лаврентий Иванович, можно было бы написать и «Новозаветную динамику»?

— Почему бы и нет? Каждое время делает свои вызовы. Вот и Вы сами же поведали о непривычных и неудобных вопросах. Правда, для того, чтобы на них вразумительно — и убедительно — отвечать, нужно много заниматься самообразованием...

— Как это? Вариться в собственном соку, что ли?

— Вовсе нет. Вот Вы учились в Донецкой семинарии; это что, окончательно? Кому-то, возможно, — да. Но другие, пользуясь мощным современным подспорьем в виде интернета, множеством книг, могут расширять свой христианский кругозор, самообразовываться. Но самое главное, — и это Ахиллесова пята для многих, — во внутренней работе,

в непрестанном внутреннем предстоянии перед Отцом Небесным, чтобы понимать духовную сущность тех или иных вопросов. И не бояться прийти к иному пониманию.

— Можно хотя бы пример, для наглядности?

— Отчего же нельзя? Всем нам известно из писем апостольских, как христиане наставлялись в ожидании возвращения Иисуса Христа чуть ли не со дня на день. Павел вообще советовал не обременять себя брачными узами (здесь не о разводах): к чему жениться или выходить замуж, если Спаситель вот-вот явится и тела наши преобразятся, и мы станем «яко ангели»? Мы же, люди нынешнего века, хорошо уже понимаем, что то́ было чрезмерным увлечением апостолов; и они сами, уже в других письмах, более поздних, делали корреляцию своих пониманий: да, день Господен грядёт, но не сейчас, а когда... далее излагались предположения об этом «когда». Но если мы подвергнем сомнению неверные ожидания апостолов, то это как? Как в «Слове Божьем» может быть такое? Да тут — каждое слово свято! Как вообще возможно так говорить? Но говорить всё-таки приходится, ибо ошибка апостолов очевидна. Так ведь неправильное здесь, может быть таковым и по другим вопросам. А тем не менее «Слово Твоё — свет ноге моей», так ведь сказано в псалмах, и это неоспоримо. И мы — если

хотим быть честными, а не апологетами во чтобы-то ни стало — мы эту «динамику» должны понимать и не бояться ошибку апостолов, к примеру, называть ошибкой.

Или тот Ваш досадный случай со словом «погиб». Я, например, не могу допустить, что Милосердный Отец жесток в Своём неумолимом определении отправлять на гибель всех, не принявших благовестие о Христе. Та девушка-музыкантша вспомнила рассказ Шукшина, а я знаю хорошо христианских родителей, когда они в своей молодости были уж дюже прямолинейны и категоричны в оценке поведения людей. Но вот повзрослели их собственные дети, и далеко не всегда жизнь детей соответствовала, мягко говоря, нравственным стандартам, — и надо было видеть, как помягшили суждения родителей; и снисхождение-то появилось, и сострадание, и надежда на всепонимание Свыше.

Что же касается этой непростой темы о «гибели», то я снова и снова возвращаюсь к далёкому былому. Предупреждая Адама о вкушении от запретного дерева (вероятнее всего, это красочная аллегория, чтобы в последующие тысячелетия была понятна основная суть), Господь сказал, что Адам умрёт в тот же день, как только вкусит от запретного. Но ни он, ни Ева не пали замертво. Тогда что же понимать под словом

«смерть»? — и можно вписать на его место «погибель». Разрыв сущностного полного единения с Богом, — единения духовного, благодаря чему Адам и был богоподобен, со всеми вытекающим отсюда мощным потенциалом разумно владеть миром, помогая ему более совершенствоваться. И поэтому несчастное слово «погибель» означает, что человек, в земной своей жизни не воссоединившийся со своим Отцом, так и остаётся в разрыве с Ним, в утрате жизненных духовных сил. Причинно-следственная связь.

Здесь будет уместно обратить внимание на то, что в иудаизме человека не отправляют в «огонь вечный, где плач и скрежет зубов». Там предполагается некая переплавка, но не погибель. А уж если имеется в виду самый что ни на есть конченный преступник, серийный маньяк, существо вроде Гитлера или вроде ...нынешнего, то иудаизм полагает, что Всевышний просто стирает такового из бытия. Это, согласитесь, гуманно, и нет этого сладострастия от смакования «огня неугасающего», вечного.

— Лаврентий Иванович, а причём здесь иудаизм? Почему он нам может быть примером?

— Да как, Александр, Вы не обратили внимание на то, что иудаизм, который христиане считают законническим, — без Благодати в нашем понимании, — не отправляет людей в ад «с лёгкостью

неимоверной», как сказал бы Хлестаков из «Ревизора»? Может быть, там стёрта моральная граница, так что иудеям всё равно? Свидетельствую Вам со всей ответственностью, что именно на этическую сторону бытия человека в иудаизме и направлены все усилия, и понятие греха у них весьма чувствительно. Да я же ещё только вчера читал вам всем их молитвы; повторяю: это не показушность, в молитвах Богу не лгут.

Я не идеализирую иудаизм; там своих заморочек хватает, — и наше счастье, что мы об этом не знаем. Но христианство ведь не само по себе возникло; оно весьма много вобрало в себя от иудейского корня, и ему не следует превозноситься перед иудаизмом. Об этом ещё апостол Павел предупреждал, да его слова были очень скоро забыты, хотя мы до сих пор можем их читать в новозаветном тексте.

— Лаврентий Иванович, уже поздно вато, и я не могу злоупотреблять временем; да и Вам — по возрасту — нелегко вести наш достаточно непростой разговор...

— Да ничего... Я ведь знал об этом заранее; для меня запланированная встреча всегда легче обходится, чем случайная: как-то внутренне соберёшься, даже если и не знаешь тему встречи. Да и отдохнул я днём;

часа полтора поспал. Вот Вам ещё до дома добираться...

— Я на машине. Тогда я спрошу ещё напоследок, и мой вопрос родился уже в этот вечер. Я услышал от Вас весьма необычные пояснения трудных для меня вопросов. Но отсюда напрашивается следующий: как оправдать свою позицию при таких, мягко скажу, нетрадиционных вопросах? Ведь у нас Слово — это неизменяемая буква: написано — значит так тому и быть.

— Я, Александр, тогда могу подхватить и продолжить в духе Павла: «буква убивает, а дух животворит». Здесь важно стараться не впадать в крайности и сопрягать разумное с разумным. И сохрани Вас Господь вступать в споры: от них истина редко рождается, если рождается вообще. Когда мы из буквы, хотя бы даже взятой из Св. Писания, делаем своего рода фетиш да плюс к этому ещё и табу на свободное мышление, то хорошего из этого не будет. Ортодоксальность? — да. Но Вы же сами рассказывали, что на современном уровне интеллекта такое правоверие не срабатывает. Заметьте: я ведь не призываю к своего рода волюнтаризму в понимании Библии, когда каждый «сам себе режиссёр». Мы с Вами обсуждаем вопросы весьма деликатного свойства, — и поэтому здесь нельзя наскоком да с шашкой наголо.

При свободомыслии, этом Божественном даре ещё от эдемских времён, нужно тщательно контролировать себя, чтобы не впасть в крайность. И быть постоянно в предстоянии перед Господом, прося Его, чтобы Он Духом своим наставил нас на всякую истину.

Давайте я приведу ещё один наглядный пример, как говорится, под занавес. Для меня он очень показателен, и я прочитаю из «Откровения» 20-й главы; одну минуту... вот:

«И увидел я мёртвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мёртвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими».

Что Вы сказали бы с кафедры на основании этого стиха?

— Как-то неожиданно для меня... Погодите, сейчас... Ну что? Суд перед Великим Престолом, как мы обычно понимаем. Пожалуй, всё...

— Всё, да получается — не всё. Как обычно рассуждает ортодокс? Вот раскрыта Книга Жизни; кажется, чего бы уж проще: заглянул в неё, увидел записанного в ней Александра, и пожалуйста — врата Рая открыты. А вот Лаврентия искали и не нашли, — ничего не поделаешь, ему участь другая. Но для чего-

то вместе со стоявшими перед Богом людьми были раскрыты книги каждого из них. Для чего бы эта заморочка? Ведь можно же проще рассудить, как большинство правоверных и поступают: этого сюда, а этого туда. Но там говорится о судебном разбирательстве, о желании учесть всевозможные обстоятельства, pro и contra. Опять же из иудаизма: «Тора дана не ангелам. На Небесах всё видят и всё понимают». Мне это открылось ещё в далёкой молодости, и с тех пор я убеждён: Книга Жизни — это основа наша, но никакое здание не состоит только из фундамента. Собственно, мы закончили, придя к тому, о чём говорила ваша музыкантша.

— Да, пора и честь знать. Очень Вам благодарен, Лаврентий Иванович, за этот полезный для меня вечер.

— Да и для меня тоже полезный. Я ведь мало уже общаюсь с молодыми верующими, — а Вы пришли, рассказали и как будто ввели меня в ту атмосферу. Желаю Вам быть успешным. Храни Господь.

— До свидания.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Уж я думал, что наше знакомство закончилось... Мало ли с кем сводит больничная палата; там сама ситуация поневоле сближает, располагает к разговорам и даже к обмену номерами телефонов, — а выпишется человек и снова в водовороте текущих дней. Но Георгий Васильевич оказался заинтересованным человеком и даже целенаправленным; он снова напомнил о себе, прислав письмо со своими соображениями. Несколько даже лестно ощущать свою полезность, если с вопросами обращаются — хотя и не так часто, как прежде — люди разных интеллектуальных уровней. Да и для меня, человека почтенного возраста, есть стимул проанализировать снова и снова привычные понимания. Вот приду с прогулки и буду ему отвечать, предварительно прочитав ещё раз его письмо.

«Добрый день, дорогой Лаврентий Иванович! Меня уже выписали; восемнадцать дней вместе с Новым годом позади. Хорошо, что до конца нерабочих дней есть немного времени для адаптации. Антон вник в моё состояние (он пару раз был дежурным по отделению, и мы с ним даже посидели в ординаторской за душевным разговором); он закрыл больничный лист с запасом в два дня, чтобы я пришёл в себя. Чувствую себя вполне сносно, кашля нет, температура нормальная. А то, Вы же помните, что было...

Не могу сказать, что я был занят только чтением Евангелия; всё же интернет-возможности позволяют не запускать дела по работе, и я переписывался с кафедрой. Кстати, Семён тоже со мной был в переписке; видимо, общаться со мной ему удобнее так, чем по телефону. Впрочем, и мне это было комфортнее, потому что кашель часто перебивал разговор. В общем, он о Вас отзывается уважительно. Отмечаю это, зная его прохладное прежнее отношение к вопросам вероисповедным.

Но я возвращусь, с Вашего позволения, к своим вопросам. Обратил внимание на то, что евангелие от Марка мне как-то ближе своей максимальной простотой изложения. Там нет этих небесных сил, проливающих на поля вифлеемские благую весть; нет и девственницы, спокойно, слегка для приличия смутившейся, но отнюдь не упавшей в обморок от явления архангела. Марк пишет о делах Иисуса неторопливо, как о делах хотя и необычных, но оправданных необходимостью. Весьма удачно, опозорив своих оппонентов-саддукеев, не верующих в жизнь вечную, Иисус блестяще ответил, чьей будет жена в инакобытии, в земной жизни бывшей замужем за семерыми братьями поочерёдно (в силу «левирата»; это мне пояснил, к моему удивлению, Семён). Но не могу удержаться от вопроса, уж извините. Вот казус, в котором никак не мог разобраться: о несчастной смоковнице, если к дереву можно применить слово о несчастьи. Несколько раз перечитывал это странное повествование, и не смог понять, почему от неё Иисус хотел вкусить смокв, если, судя по тексту, ещё не время было собирания плодов. Но самое главное: почему Он её проклял? Я совсем не знаю ботанику тех мест, но даже если смоковница оказалась бесплодной, что у деревьев бывает, то к

чему это проклятие? Да и вообще, тут затронута нравственная категория, — но какой нравственности можно ожидать от без вины виноватого дерева? Церковные проповедники наверняка выискивают оправдание этого проклятия, но вот я, всё тот же простой читатель Евангелия, читаю текст так, как он написан. И порождаются недоумения. Исцелял неизлечимо больных? Очень хорошо, и это понятно и нравственно. А это что — со смоковницей? У меня предположение, что это попросту вставка, над которой глубокомысленно ломают головы апологеты.

Опасаясь, что злоупотребляю Вашим терпением, но всё же остаюсь в надежде на Ваше объяснение.»

Что ему ответить? Он прав в своих предположениях, этот профессор филологии. У нас, христиан, привычно читающих знакомый-презнакомый текст Евангелия, поневоле сказывается эффект «замыленного глаза», который не обращает внимания на то, что свежему читателю бросается в глаза. Вот и я сам в «раньшее время», вторя за другими проповедниками, выносил единственный смысл из этого случая с бесплодной смоковницей: да, так и мы, люди; если Господь найдёт в нас одни лишь листья, но не найдёт плодов, то... Дальше следовали вольные утверждения того, что же будет, если... Но не припомню, чтобы кто-то с кафедры задал такие

неудобные вопросы, вроде этих. И даже вовсе не с кафедры — такое не обсуждалось.

И вновь — в который уж раз — убеждаюсь в том, что христиане зажаты определёнными рамками мышления. Вроде бы и любят рассуждать, но в пределах устоявшихся пониманий. А время на месте не стоит, и извне задаются вопросы. Как же жаль, что уходят силы, и нет возможностей написать нужную книгу для этих, «извне». Написать им в добрую помощь, потому что ведь они правы, видя многие несоответствия в Евангелии, но не зная более правильного понимания. Эту книгу я назвал бы... Но как я её назвал бы? Ну, примерно так: «Чего бы не говорил Иисус» или «Чего бы не делал Иисус», без вопросительного знака. Ведь надо же, не боясь праведного гнева ортодоксов всяческих мастей, показать, что в ряде мест Писания светлый и прекрасный образ Спасителя искажается стараниями тех древних авторов, желавших усугубить возможность Йешуа, присваивавших ему то, что духу Радостной Вести было несвойственно и противоречиво. Или в текст доброхотных авторов бесхитростно вставляли кое-что небольшое — из добрых побуждений, — как в случае с той же смоковницей. Ну что, кажется, страшного в том, что Йешуа обрёл дерево на бесплодие? Но вот прочитает это условный «Георгий

Васильевич» и спросит, вовсе не желая идти против Евангелия: как же так? А мы его будем «ломать» своими глубокоумными доводами, что ведь это же — Священный текст, сумлеваться в нём не моги, ибо он утверждён аж вон в каком веке, аж вон на каком Вселенском Соборе.

Но ведь известен же исторический прецедент, когда через пятнадцать веков после Победного Воскресения Йешуа какой-то малоизвестный монах католической Церкви прибил к дверям местного костёла свои «тезисы», — и это было началом тому мощному духовному движению, которое уже не управлялось никем из людей, — тому, что поныне именуется «протестантизмом», по численности стоящим на втором месте в мире после тех, кто находится под омофором Папы (православные — на третьем). Да дело даже и не в «местах на пьедестале», вовсе нет. Мартин Лютер прочитал Новый Завет по-новому, свежим взглядом, и наверняка ему это удалось совсем не просто — после многолетнего привычного прочтения.

Все его девяносто пять тезисов сейчас вспоминать и ни к чему, но основной был решающим: если ранее было принято понимать, что Благодать Божья обретается через т.н. таинства, церковные обряды и — прости Господи — через покупку

индульгенции, то теперь выяснилось, что любовь Божья даруется человеку даром, через веру в спасительную миссию Христа. Откуда выяснилось? — да из того же Нового Завета, из того же текста, что был тогда в руках даже самого Папы. Что может быть величественней и возвышенней хотя бы вот этой одной фразы апостола Павла? — «Оправдавшись Верой, мы имеем мир с Богом через Иисуса Христа». Приняв победную весть о Воскресении Иешуа, приняв Верой (а чем же ещё? иных «инструментов» в области духовного нет), мы уже вступаем в сыновние и дочерние отношения со своим Небесным Отцом. Никаких тебе сослагательных наклонений (если бы да кабы), никаких условностей. Это ведь потом, заслонив великий дар Божий, напридумали всяких «заступников», «царицу небесную», мнений т.н. Отцов Церкви, утверждений Соборов и многое чего — вплоть до психически больной тётки Матроны, о подлинных юродствах которой лучше не читать во избежание рвотных позывов. Как это разнится с евангельской простотой — показателем Божественного величия: Благодатью вы спасены через Веру, и это — Божий дар. Весть эту апостол Павел так часто повторял в многообразных вариациях в своих письмах, что иногда даже напрашивалось неуместное слово «одержимость». Встреча с Воскресшим Иешуа потрясла его ревностную по Боге душу настолько, что весть о Спасении,

действующего здесь и сейчас, захватила его целиком и полностью. Вот, захватила, «захваченность», — есть ли такое слово в русском языке? Это не подавление воли Павла; он этой захваченности отдался сам, он этому был рад и спешил до самой смерти поделиться этим с другими.

Но если бы это были всего только душевно-эмоциональные переживания... Новый «статус» сыновства у Бога возродил миллионы людей, обеспечил прорыв в иное духовное измерение, повлекшее за собой изменение и в практической жизни. Человек уже не раб, он — сын Божий, — ведь написал же апостол Иоанн: «Смотрите, какую любовь даровал нам Господь, чтобы нам называться и БЫТЬ детьми Божьими». А если — сын, то это распрямляет человека, высвобождает в нём придавленный ранее мощный потенциал для жизнедеятельности. И благодаря этому духовному распрямлению страны Европы совершили прорыв в области юридического Права, поставив ценность человека в основной приоритет; это самосознание закономерно отразилось в науке, в промышленности; начались освободительные движения в колониях; ширилось движение за нормальный трудовой день, за права женщин, — не случайно же исследователи отмечают прогресс за теми государствами, которые охвачены были влиянием

протестантизма. Даже московский православный протоиерей Александр Борисов отмечал это в своей книге «Побелевшие нивы», за что едва не подвергся архиерейскому суду.

Да, сколько людей в прошлом и нынешнем времени черпали духовные силы из Евангелия для борьбы в суровой земной жизни! Уж на что А.И. Герцен, нигилист, которого коммунисты изо всех сил выдавали за человека неверующего, революционера с его «Колоколом», — но вот выписка из его книги «Былое и думы»:

«Но евангелие я читал много и с любовью, по-славянски и в лютеровском переводе. Я читал без всякого руководства, не все понимал, но чувствовал искреннее и глубокое уважение к читаемому. В первой молодости моей я часто увлекался вольтерианизмом, любил иронию и насмешку, но не помню, чтоб когда-нибудь я взял в руки евангелие с холодным чувством, это меня проводило через всю жизнь; во все возрасты, при разных событиях я возвращался к чтению евангелия, и всякий раз его содержание низводило мир и кротость на душу».

Да и я разве не вдохновлялся удивительным образом Йешуа? Некоторые иудейские исследователи полагают, что знаменитая сцена с женщиной, застигнутой в прелюбодеянии и буквально притащенной по пыльным улочкам на суд Учителя, является искусственной вставкой. Говорят, что такого не могло быть, ибо судить — побить её камнями или нет — мог только религиозный Суд. На чём основывались эти «полагания», полностью не удалось разобраться, — но разве не ярок этот искромётный, вовсе не эпатажный, затянувшийся ответ? — «Кто из вас без греха, первый брось в неё камень». И ушли, устыжённые совестью все, начиная со старших.

Как же мастерски нарисована эта сцена, перешедшая впоследствии на полотна многих художников и воспетая в стихах! И глубинный смысл был дан, как намёк, из-за чего эта женщина уходит как бы на второй или даже на третий план; смысл этот — в честном нравственном подходе к самому себе не даёт права быть спесивым и высокомерным в суде над другими. Нет, Йешуа не оправдал грешницу; Он даже сказал ей: «Иди и впредь не греши». Но основной смысл того художественного этюда был не в ней, а в нас, которых на картине пока нет, но это явно угадывается.

Ох, если бы хотя немного было лучше со здоровьем... Я написал бы песню, достойную Спасителя; хотя это всё ж таки мечта наивная. Это была бы моя главная песня, но мне её не пропеть, — слишком величественна... и таинственна личность Спасителя. Чем старше возрастом и — самое главное — богаче духовным опытом, тем более ясно осознаётся, что в Евангелии соответствует благородному образу Йешуа, а что — наносное, приписанное кем-то. Эти неизвестные переписчики наверняка были движимы лучшими намерениями, желая прибавить к вящей славе Господней. И в общем-то ничего, проходило благополучно без какого-либо возражения, — но вот пришло иное время, формация людей стала иной, и вопросы уже задаются без стеснительности. Вопросы-то правильные, да ведь и отвечать на них нужно тоже правильно и ювелирно. А для этого нужно многое: опыт, знания, тактичность... и честность. Пастырь чаще всего движим желанием быть скорее апологетом устоявшейся традиции, но только бы не признать свою неправоту.

А вопросов много...

Вот, к примеру, Елизавета, будущая мать Иоанна Крестителя; она была бесплодна, а дело шло уже к годам старческим. Записка этого повествования весьма знакома, ибо чуть ли не все праматери народа Израиля

страдали этим недугом (медицина того времени просто не знала о мужском бесплодии). Как бы там ни было, все эти достойнейшие женщины всё ж таки родили, как родила и Елизавета. Рефрен этот поневоле бросается в глаза и вызывает недоумение: зачем нужно встраивать эту литературную конструкцию? Ну да, чтобы показать особую значимость того, кто должен был родиться вопреки законам физиологии. Забавно — если не грустно — выглядят комментарии на благополучное разрешение от женского бесплодия, заключённые в некоторых трактатах Талмуда: там это объясняется тем, что у тех жён просто-напросто отсутствовали матки, — но ради великих грядущих целей Всевышний, да будет Он благословен вовеки, на определённом этапе даровал-таки эти матки измученным от стыда и позора женщинам (ибо в те времена невозможность родить было тяжким нравственным бременем).

Итак, Елизавета благополучно родила. Но незадолго до родов её посетила Мирьям, забеременевшая нашим Искупителем; и Елизавета, на поздних сносях, произносит вдохновенное славословие, — прямо-таки в духе сестры самого Моисея (Моше рабейну), воспевшей благополучное избавление от преследования египтян. Понять Елизавету можно в её молитвенном экстазе, но опять

вопрос: кто слышал это многословие? Забеременевшая Мирьям стенографисткой не была. Евангелист Лука? Исключено. И хотя он прямо говорит в самом начале своего повествования, что предварительно всё тщательно исследовал, всё же благословенное славословие Елизаветы следует считать анонимной вставкой, оправданной желанием воздать славу Господу за дарование миру великого человека — Иоанна Крестителя.

То же можно сказать и о последующем славословии самой матери Йешуа, ещё более пространном, произнесённом, согласно текста, в присутствии только Елизаветы, что исключает запись слов каким-то третьим лицом. Елизавета же вряд ли заучивала наизусть это великое славословие.

Кто-то в правоверном усердии возразит, что всё это не меняет сути Евангелия. Ну да, не меняет, но ведь речь-то о другом: о том, что эти вставки вызывают недоумения, вопросы, — а отсутствие спокойного объяснения порождает недоверие к самой Благой Вести. И что потеряет весть о Спасении, если вставки честно назвать вставками?

Если письма апостолов (в особенности Павла) переполнены словами о Йешуа как о Мессии, Господине, Богом назначенным таковым над всем миром, но вовсе не являющимся самим Богом, — то

Евангелия, написанные позднее, отражают мнения позднейшего времени, где очевидны желания придать Йешуа божественные атрибуты.

Вообще, надо сказать, языческий состав членов раннехристианских общин очень скоро стал усиливать своё давление на состав еврейский в тех же общинах, — и строжайший монотеизм иудаизма всё более утрачивал свои позиции. В текстах «Деяний апостолов» без труда прочитывается, что, исследуя свои Писания (то, что потом христианами стало называться Ветхим Заветом), евреи убеждались, что на Йешуа сошлись многочисленные пророчества как о Машиахе, Мессии, Христе. Но позднее христианами из язычников стали буквально «продавливаться» мнения о нём как о Боге, — и произошёл трагический раскол. Язычники, уверовавшие в спасительную Благодать, явленную в Йешуа, желая того или нет, вновь воздвигли «мехицú», преграду, разделявшую ранее, по слову апостола Павла, мир иудейский и мир остальной. Мало того: своими теологическими изобретениями эллинистическая часть Церкви, составлявшая собой уже подавляющее большинство, присвоением Йешуа божественного статуса породило множество внутренних разногласий, — и это ещё мягко сказано. Тут и монофизитство, тут и монофелитство, тут и... всего не упомнишь, — и всё это сопровождалось

ожесточёнными спорами, которые иной раз переходили в буквальный смысл в потасовку, ссылку или заключение «еретиков» в острог.

А тем временем Иешуа оставался самим собой, тем прекрасным Сыном человеческим, которому многое человеческое было вовсе не чуждо. Павел говорит, что Он был искущён во всём, кроме греха. Современные лингвистические исследования показали, что он был «испытан»; так же следует читать и слова из молитвы «Отче наш»: не дай нам чрезмерных испытаний, вместо «не введи нас во искушение». Это правильно, ибо ведь сказано же и в самом Новом Завете, что Бог не искушает никого. Так вот — об Иешуа, который был испытан во всём, кроме греха. Этот посыл спорный, ибо Он ведь не был женатым человеком, а супружество — испытание весьма сильное. Как тут не вспомнить, что привычный текст о жене «сотворим ему (человеку) помощника, соответственного ему» корректируется весьма неожиданно более точным еврейским переводом: «сотворим ему помощника против него». И Пинхас Полонский, комментатор, поясняет, что здесь имеется в виду не вражда, а противостояние, оппозиция; он иллюстрирует это строительным башенным краном, который не устоял бы под тяжестью груза, если бы в его конструкцию не был встроен противовес. Так вот, интересно было бы посмотреть,

как Йешуа смог бы прожить в брачном союзе идеально, с женой, по природе своей «против него». Но это — из области гипотетической, и потому не будем фантазировать.

Он посвятил Свою жизнь провозглашению близости Царствия Божьего, и об этом кратко и ёмко пишет Марк: «Пришло время! Царство Бога близко! Обратитесь к Богу и верьте Радостной Вести!» Известно, что на Йешуа во многом влияли мировоззрения ессеев — этих отстранившихся от внешнего мира ревнителей чистоты духовной жизни. Они не были монашествующими, ибо еврейскому сознанию это было чуждо, хотя в тех пустынных общинах были и неженатые. Ессеи считали себя особыми — «детьми Света», жили скромно, ограничиваясь только самым необходимым. Вступающий в это сообщество принимал на себя обязательство быть благочестивым, справедливым, не делать зла ни по своей воле, ни по принуждению, ненавидеть нечестивых и поддерживать праведных, лояльным к властям (ибо всякая власть исходит от Бога), любить истину и ненавидеть ложь, не красть, не стяжательствовать. Читающий Евангелие без труда убедится, что все эти нравственные качества проявлялись и в Йешуа. Были и крайности, когда Он нам предлагает отдать даже и нижнюю рубашку, если

насильственно хотят отнять верхнюю одежду. А чего стоит этот пассаж, когда весьма благонамеренному человеку, желавшему идти по пути духовного усовершенствования, Иешуа рекомендует продать всё, что тот имеет, раздать нищим — в качестве залога в «жизнь вечную». Всё это прекраснотуше выглядит весьма заманчиво, но сам Иешуа совсем не был похож на своего родственника Иоанна Крестителя, одетого в грубую верблюжью одежду и питавшегося акридами (рода саранчи) и диким мёдом. Может быть, есейские крайности не сильно влияли на сознание Иешуа, а может быть... Но мы не знаем всего контента тех ситуаций, в которых были сказаны те или другие «странные» слова. Кстати, по причине этих «странных» слов многие и уходили от странствующего Учителя.

Неожиданным, в контексте повествования, всплыл эпизод с Иешуа, о котором синодальный перевод гласит весьма сглажено: «...он вышел из себя». Уточнённый же перевод звучит тревожнее: «Когда его близкие услышали об этом, они пришли, чтобы силой его увести, решив, что он сошёл с ума». Что услышали его родственники и чем были встревожены, непонятно. Без конкретики всегда нужно остерегаться впасть в вольную фантазию. Иешуа был Человеком с высочайшей планкой духовности, — а жить среди «развращённого рода» для него было

тяжким испытанием. Такое состояние пытался показать Фёдор Достоевский в «Идиоте». Но нам, людям со множеством недостатков и шатких нравственных устоев, трудно представить тот разрыв между внутренним миром Йешуа и миром нашим. В этом был его триумф и... трагедия. Когда пришла мать его с младшими сыновьями (повидаться ли с ним? увести ли его с собой?), и об этом сказали Йешуа, то он ответил весьма странно для нас, что мать его и братья — это слушающие и исполняющие его слова. Восток — дело тонкое, и мы не знаем смысловую нагрузку тех или иных слов того времени.

...Но к чему я, старый по годам человек, всё время бубню себе под нос об инаковости понимания тех или других мест из Евангелия? Заявить «граду и миру» о своём существовании? Смешно... Право слово, смешно... В этом возрасте думают о более важном. Вновь и вновь задаю себе эти вопросы, — и сами эти вопросы свидетельствуют о том, что я ещё не утратил способности критически и требовательно относиться к своим предположениям, порождённым многолетними взвешиваниями pro и contra. Так что же мне неймётся?

И вновь вспоминается, как Микеланджело Буонаротти говорил, что он занят ВСЕГО ЛИШЬ отсеканием ненужного от мраморного монолита, чтобы

в результате явлена была величественная и трагическая скульптура «Pietà» (жалость, сострадание, скорбь). Заурядный ремесленник по мрамору такое сказать не смог бы. Конечно, я даже и не сравниваю себя со знаменитым итальянцем. Но смысл той напряжённой внутренней работы, которая не отпускает меня, лишь давая на какое-то время переключаться на другое, — этот смысл и есть в том, чтобы внутренним взглядом многолетнего духовного опыта освободить высокий и благородный образ Иешуа от наносного, лишнего, что лишь препятствует таким, как собеседники Александра из «Дубовки». Или Георгию Васильевичу... Ведь они, подобно Ивану Карамазову, вовсе не против Бога, но и принять многое из евангельских сказаний не могут. Почему их простой здравый ум нужно «ломать через колено» всеми богословскими усилиями, лишь бы защитить «непогрешимость» текста?

Вот влагают в уста Иешуа наставление: «Следуй за мной, взяв крест». Если бы такое говорили апостолы, то было бы более логично: ведь Голгофская трагедия уже совершилась, и они после неё призывали христиан совершать свой крестный путь. Но при жизни своей Иешуа вряд ли мог давать такое наставление, — его просто не поняли бы. «О чём это он?» Распятия ведь ещё не было...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Однако засветился вызов по скайпу. Адресатов в нём у Лаврентия Ивановича было раз-два и обчёлся — только с избранными, которых хочется ещё и видеть. И всякий раз, когда предстояло свидание как бы по-настоящему, вспоминался добрый еврейский анекдот про бабушку Цилю, которая радовалась общению по скайпу: вроде бы у неё и гости были, и готовить не нужно было ничего. Но сами сеансы такого общения сильно утомляли, и приходилось самому инициировать конец разговора. Сказывалось нарушение мозгового кровообращения; нужно было вглядываться, вслушиваться, напряжённо следить за логикой своих слов, — и это приводило к быстрой утомляемости. Вот Арье из Израиля: он готов был разговаривать часами; ему всё было интересно из жизни его бывшей родины. Эрудированный, как уже перешедший в лучший мир его отец, Рувим, кажется, прочитал всю мировую классику; разумеется, он хорошо разбирался в текущей политике и всегда провоцировал к разговорам на эту тему. Но в последнем Лаврентий Иванович был несвободен, в отличие от собеседника: по нынешним временам приходится быть самому себе цензором, ибо за слово можно жёстко поплатиться. Срок дадут? — ну так ему и жить осталось самую малость. Обяжут выплачивать непосильный штраф, — «а где деньги, Зин?» Но всё же

«задёшево» отдаваться в руки «конторы» совсем ни к чему. И приходилось, честно ссылаясь на усталость, разговор заканчивать. Вот, отвлёкся...

Но сейчас вызывал не Израиль, а Эстония. «Нахлынули воспоминанья, воскресли чары прежних дней...». И нужно об этом записать в своих «нотатках», ибо лучше сейчас, чем никогда. А «никогда» может прийти в любое время.

Там живёт мой старый друг — Валера Андрусевич. С тёплым чувством вспоминаю далёкие годы молодости, когда познакомился с ним в Черновцах, в Прикарпатье. Уже и не помнится, что привело меня, молодого и неженатого, в те края. Было много новых ощущений и восприятий, и это не только в отношении к иному городу, с его своеобразной архитектурой, к обилию скверов и парков. Знакомство с христианской молодёжью, которая жила гораздо более свободной и интересной жизнью, хотя всё это было в границах того же СССР с его тоталитарным атеизмом. Были вылазки на природу, купания, песни под гитару, которой Валера владел свободно. Кажется, с кем-то из тамошних девушек я впоследствии вёл переписку, но почему-то недолгую. А вот с Валерой обменивались письмами долго, и нравились его серьёзные рассуждения на христианские темы. Потом он женился на красавице, прислал фото, — и я, помнится, отметил,

что в средне-российской полосе так христианские женихи не одеваются: Валера был одет в светлый костюм какого-то аристократического покроя. Про невесту и говорить не приходилось: очаровательна.

Трудно сказать, почему связь прекратилась. По крайней мере, ни ссор, ни каких-либо конфликтных ситуаций не было, — а вот поди ж ты, Валера просто исчез из поля зрения. Прошло много лет, и я каким-то случаем узнал, что Валера живёт в Эстонии. Захотелось его найти, но это оказалось нелёгким делом, зацепок почти не было. Лишь через Штаты узнал его телефон, но позвонив, немало огорчился: Галя, его жена, изрядно изменившаяся, сказала, что старый друг в больнице в тяжёлом состоянии по части онкологии: «Когда будет способен отвечать, он Вам даст знать». Собственно, её я и не знал, — так что вежливое «Вам» вполне понятно. Правда, была совершенно случайная встреча с ними обоими — и где? — в Москве в «Детском мире»; они делали покупки для своих дочек дошкольного возраста. После подсчёта выяснилось, что прошло не много — не мало, а пятьдесят лет. Прожита целая жизнь...

Месяца через два Валера вышел на связь по скайпу; был узнаваем с трудом, годы и болезнь наложили свои печати. «А по лицу прошли дороги — страстей и знаний колеи...». Последующие сеансы

общения были короткие, в виду его слабости. Но постепенно силы стали восстанавливаться, и уже можно было разговаривать не только о ходе лечения. Он уже мог по «вацапу» показывать полки с серьёзными книгами богословского направления, гордясь тем, что всё это им прочитано. Много рассказывал, что основной своей целью жизни избрал духовное совершенствование, руководствуясь преимущественно Новым Заветом. Что ж, это правильно: какой же христианин без серьёзной работы над самим собой? Но какое-то «но» сидело в моём сознании, когда я слушал исповедания почти другого Валеры. Постепенно суммируя рассказанное, я понял, что мой старый друг впал в некую крайность: для него внешний мир был как-бы на отшибе. Жизнь в собственной раковине для него была самодостаточной.

И отматывая ленту памяти назад, в далёкое былое, вспоминаю нашу переписку. Из прекрасного Прикарпатья шли бодрые репортажи о бурной жизни христианской молодёжи: в воскресенье — богослужения, во вторник — спевка, в среду — репетиция музыкантов, в пятницу — занятия по Библии. Это было необычно, как открытие. Жизнь в христианских российских общинах была изрядно придавлена КГБшной властью, а жизнь молодёжи — тем паче. Лишнего движения не допускалось,

инициатива подавлялась — вылазка на природу, к примеру — а если что-то и выходило за рамки дозволенного, то для церковного руководства это было ЧП. Уполномоченный Совета по делам религий (в любом населённом пункте), который чаще всего был кадровым офицером «конторы», вызывал «на ковёр» пресвитера общины с угрозой всяческих санкций. Всё это я знал воочию; хорошо помню здоровенный кулак Сумарокова (судя по возрасту, пожалуй, не менее майора), поднесённый к носу неопытного парня. За что? А за то, что я читал молодёжи лекции по истории Церкви, привезённые из Москвы. Лекции остались недослушанными... Но неожиданным было то, что спустя ряд лет тот офицер КГБ, случайно встретившись в трамвае со своим бывшим визави, коротко произнёс, проходя мимо: «Ты правильно жил...».

Как быстро прерывается цепочка воспоминаний... Да, о Валере... Хотя более свободной христианской жизни в Украине можно было позавидовать, я всё же изредка ненавязчиво спрашивал своего друга, остаётся ли у него времени, чтобы уделить внимание своей личной духовной жизни. Не засуетиться бы во внешнем многообразии. И вот однажды — хорошо это помню, — когда почему-то не было света и пришлось читать полученное письмо при свече, Валера вдруг как-то особенно горячо благодарил за напоминания о

нужности внутренней духовной работы. Открылось ли ему нечто или что-то произошло, осталось неизвестным, потому что связь прервалась. И вот теперь, спустя полвека, Валера говорил, что сохранил те письма и до сих пор благодарен за нужные подсказки.

Конечно, это было приятно, но оставалось некое сожаление, что старый друг впал в другую крайность: немалый духовный потенциал обратил исключительно на себя. Впрочем, у каждого свой путь. До сих пор непонятно, — а он как-то невнятно пытался объяснить, — почему поменял солнечный юг на весьма прохладный север, расстался с родной культурой, чтобы оказаться в иной — слишком во многом непохожей.

Скайп посылает сигналы, но мне что-то неможется. Да и собранности нет. Надо перезвонить попозже, к вечеру...

— Приветствую тебя, Савелий. Я уже вызывал тебя на связь в первой половине дня. Ты, я так полагаю, был на своей прогулке. Я тоже пытаюсь понемногу выходить на свежий воздух, но уже только в сопровождении Гали. Вспомнил прямо сейчас из одного романа: «Как время жизнь перелистала уму и сердцу

вопреки...». Давно ли я ходил на работу, ходил в церковь, даже не думая о возможности упасть на ровном месте? Но не буду продолжать о нашем бренном бытии; в конце концов, передо мной подобное испытывали миллионы и миллионы.

Валера выглядел действительно слабым, хотя старался «держаться в форме». Речь его была какая-то вязкая, — уж не insult ли был у него, о чём он промолчал? Что-то ему мешало говорить плавным потоком, — поэтому нужно терпеливо дожидаться, когда же его друг выразит очередную мысль. Это было уже знакомо по предыдущим разговорам.

— Валер, тему старости лучше будем обходить стороной. Толку от этого никакого; мы уже по биологическому возрасту не только в глубокой осени, но и туда... подальше. Разговариваем, значит ещё мыслим. Да и радостями Бог нас не обделил: у меня одна внучка, а у тебя аж четыре — и девочки, и мальчики. Правда, я уже один, а с тобой Галя... Щадя твои силы, спрашиваю сразу: что ты мне хотел сказать, позвонив мне?

— Да, я хотел продолжить наш предыдущий разговор. Ты говорил о своих думах об Израиле, вернее — об иудео-христианском диалоге, который в России получается не так активно, как в Европе и Штатах. Я плохо владею информацией по этому вопросу и скажу,

что и сам-то не в теме, как сейчас говорят. Ты говоришь, это вопрос христианский хотя бы уж потому, что Церковь, по мнению ап. Павла, должна представлять собой некую гармонию в благодатном восполнении друг другом — Израилем и христианским миром. Я внимательно исследовал все те места из Священного Писания, которые ты мне в прошлый раз перечислял, а я, благодаря твоей терпеливости, их переписал. Картина выстраивается привлекательная и заманчивая; особенно в Апокалипсисе, где аллегорически описывается грандиозный сводный хор. И поёт он песню Моисея и песню Агнца: «Велики и чудны дела Твои, Господь Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои!» По памяти говорю. Здесь недвусмысленно пророчество гласит, что в этой оратории сольются в едином славословии голоса двух потоков — Израиля и Церкви. Не могу не согласиться с этим мощным провидением, но я прошёл мимо него в своей жизни, и мне уже это не наверстать. Да и что бы я смог сделать? Только быть согласным? Ты вот говорил, что писал статьи, книги, делал доклады, — и дай тебе Бог благословения в этом.

— Ну хоть на этом спасибо. Откровенно сказать, я опасался, что между нами возникнет полемика. Конечно, я отвечаю за свои слова и мог бы их обосновать дополнительными ссылками на Библию, но

знаешь, Валера, в остатние годы я всё меньше вступаю в дискуссию. Обозначив свою позицию по тому или другому вопросу, я как-бы ухожу в тень. В этом совсем нет моего пренебрежения по отношению к оппоненту, нет и высокомерия; просто я уже усталый старый человек. Об одном сожалею, что годы и общее самочувствие не дают мне более активно продвигать тему иудео-христианского взаимопонимания. Вижу, что тебе нечего больше добавить к этому вопросу; тогда скажу напоследок, что меня не отпускает сознание вины и долга перед народом, через которого Бог даровал нам Священное Писание.

Но я чувствую, что ты позвонил мне ещё по какому-то поводу. Или мне так кажется?

— Нет, не кажется. У меня к тебе вопрос вот о чём. В ещё более раннем нашем общении по скайпу — в том, что был до темы об Израиле и Церкви — ты говорил о критическом анализе ряда текстов из Нового Завета. Кое-что читал и я. Да, время не стоит на месте, и переводческая наука уточняет смысл того или другого слова. Но у тебя критика, — ты уж не обижайся, — выходит за рамки дозволенного. Ты подвергаешь сомнению подлинность целых фрагментов из текста. Последним «евангелистом» в России, если я не ошибаюсь, был Лев Толстой; своим рассудочным умом он тоже многое переиначил в Евангелии. И что же

осталось? — Какое-то занудное морализаторство без какой-либо Благой вести. Я не думаю, что ты...

Губы продолжали произносить слова, но Валеру слышно не было. Помехи на связи. Попытался сделать повторный вызов, но уже не было даже изображения. Досадно, но не безвыходно, — ведь остаётся ещё почта, и можно отвечать. Собственно, смысл Валериного вопроса был понятен, и нужно ему ответить. Но какое-то досадное ощущение давало неприятное послевкусие после этого сеанса, и оно уже было не ново. С таким желанием заново обрести старого друга и испытывать некое разочарование... Не понять сразу, какова причина тому. Но всплыло в памяти еврейское слово «праведник в шубе». Оно означает состояние человека, вполне себе благополучного в нравственном отношении. Это не является заведомой данностью, это достигнуто кропотливой, последовательной работой над собой, что вызывает уважение. Но праведность такая — сугубо для себя, без активной отдачи другим. Такой человек — вовсе не гордец, кичащийся своими достижениями; он просто занят только своим духовным миром, одет как бы в шубу, сохраняя себя от простуды, и ему этого достаточно. Да, Валера, парил в небесах, был благодушен, мало уделяя внимание проблемам нашего бытия.

Что ж, на часах ещё только 21-30, и можно продолжить разговор в другом формате. Нет худа без добра: с текстом мне работать даже сподручнее; можно выверять каждое слово с уверенностью, что мысль изложена правильно. Впрочем, к чему торопиться? Напишу ему завтра, на свежую голову.

«Валера, связь прервалась по непонятным причинам. Ты продолжал говорить, и не сразу до тебя дошло, что я тебя уже не слышу. Беда небольшая, да и вообще — не беда. Главное, я понял твой вопрос и постараюсь на него ответить. Между нами пролегли долгие годы, духовные опыты у нас разные. Это нормально, и мы должны взаимно вмещать друг друга, как наставлял ап. Павел.

Начну с Льва Толстого. Ты правильно в нём отметил его морализаторство, в силу чего он с грязной водой выплеснул и ребёнка. В давние годы мне, молодому человеку, однажды дали для прочтения его пару книг — публицистические статьи — дореволюционного издания; дали под честное слово из какого-то Фонда редких книг, что было и понятно: книги религиозного содержания хранились именно в таких Фондах, мало доступных для обычного читателя. Я до полночи сидел, выписывая что-то для себя; нужно было уложиться в срок, назначенный заведующей библиотекой. И уже тогда понимал, что для него Иисус — лишь учитель нравственности, а искупительной миссии вовсе и нет. Если память мне не изменяет, Толстому был близок буддизм,

индуизм — возможно, поэтому и был у него перекося в понимании Евангелия лишь в сторону морали. Запомнил и фрагмент из его письма одному деятелю евангельского движения (кажется, Ивану Проханову), где он с горечью признавался в своей запутанности относительно своего понимания Евангелия. Впрочем, причём у нас с тобой Лев Толстой? Никакого нового евангелия я писать не собираюсь.

О благочестивых вставках я подозревал ещё в молодости, но то было на уровне интуиции; знания и духовного опыта было мало. Ты не боишься знания? Спрашиваю не случайно; ведь ты наверняка жил с христианами, которым главное — и основное — Вера. Я не вступал никогда с ними в спор, напоминая только слова ап. Иоанна: «Он дал нам свет и знание». Ведь ты с удовольствием показывал мне через свой смартфон полки с книгами. Так что и я читал немало, но скажу тебе без всякой ложной скромности, что больше всего в духовном познании мне помогал мой опыт, дававший видеть ситуацию изнутри. Сейчас в интернете есть много самых различных христианских групп, где выносятся на обсуждение самые различные вопросы. Перечислить их невозможно, но там отличительной чертой чаще всего является отсутствие навыка внутреннего сопереживания того, о чём идёт дискуссия. Начитались мальчики и девочки различной богословской литературы и пошли в разнос. Нет духовного опыта, дающего знание от Бога. Но это ещё не всё. А вот читают Новый Завет нынешние пытливые умы (в хорошем смысле этого слова) и натываются на многие несообразия в текстах. Если в атеистическое время делался скоропалительный вывод о «странностях» Бога, написавшего такое, —

ибо верующие напрямую утверждали Его непосредственное авторство, — то нынешние т.н. исследователи выводят самые абсурдные умозаключения.

Но я увлёкся, извини. Помимо того, что уже тебе ранее говорил, дам тебе хотя бы ещё одну яркую иллюстрацию. Ты ведь без труда вспомнишь короткое упоминание у Матфея о многих воскресших «святых», восставших из праха сразу после смерти Йешуа; они вошли в Йерушалаим и явились многим. Кстати: почему тогда об Иисусе Христе говорится как о Первенце из мёртвых? Странно, что больше нигде во всём Новом Завете ни словом не упоминается об этом событии. Может быть, это было обычным делом, никого не удивившим? Ну воскресли — так воскресли... с кем не бывает. Кстати, как раз недавно смотрел — а больше слушал — передачу двух учёных; один из них библиист, другой филолог. Они долго и старательно пытались объяснить этот феноменальный случай, но кроме неудобства за них я более ничего не испытал. Это так, между прочим... А ведь то «воскресение многих» было бы действительно феноменально, и не пришлось бы ждать аж пятьдесят дней до проповеди ап. Петра, чтобы народ тысячами стал вливаться в ещё вчера весьма узкий круг учеников Йешуа. Ты ж ведь помнишь, как калека, сорок лет не могший ходить, был исцелён именем нашего Спасителя у «Прекрасных» ворот Иерусалима, — ты помнишь, какой фурор был не только в народе, но и среди религиозного руководства? Это был не ночной междусобойчик, обрекший Йешуа на выдачу кровожадному Понтию Пилату. Это был уже открытый судебный процесс над апостолами, дерзнувшими именем Йешуа поставить на ноги

несчастливого, виновниками небывалого происшествия, с неоднократными допросами, вызовом самого исцелённого, арестом. А тут — воскрешение многих, сделавших визит к своим родственникам (а к кому же ещё в первую очередь?). Многие — это сколько? Если десять — это ещё только несколько. Тогдашний Йерушалаим — совсем не нынешний по численности населения; из этих «многих» кто-то наверняка был в родне с храмовой властной верхушкой, среди которых были и саддукеи, отрицавшие жизнь после смерти. Вот уж кому помогло бы в их неверии это явление «многих» из небытия. Не говорю уж о реакции «ам хаарец», простого люда.

И что? А ничего... Ни единым словом об этом ни у других евангелистов, ни в письмах апостольских. Разве эти «многие» по своей воле вышли из гробниц? Не во власти ли это одного Вседержителя, Господа нашего? И всё это наводящее ужас явление — а как же ещё? — закончилось совершенно ничем? Евангелист не потрудился дать хоть какой-либо комментарий по сему поводу. Так не в праве ли мы предположить, что это позднейшая вставка какого-то благочестивого переписчика, желавшего усугубить значение смерти Йешуа? Кстати, написано: «тела усопших святых»; это уж явно позднейшее слово, ибо понятия «святые» тогда в народе израильском не было в ходу. Но это отдельный вопрос...

И вот ныне читающие Евангелия читают (извини за тавтологию), читают спокойно, без атеистического наскока, и понять не могут, что бы сие означало. Ты пойми, Валера: время нашего духовного становления во многом отличается от нынешнего. Призвать к восприятию написанного просто

ВЕРОЙ сейчас получается весьма слабо. Знаю, что ты мне возразишь; ты скажешь, что Божественное невозможно понять одним только рациональным умом. Но это — если Божественное. А если явно чувствуется вставка, то зачем насиловать ум читающего? Да и не честнее ли будет признать это припиской? Ведь авторитет Евангелия от этого не пострадает, — но при нашем неумении правильно всё объяснить этот авторитет будет сомнительным. И виноваты в этом будем мы.

И напоследок ответу на твой неизбежный вопрос: нового Евангелия писать не нужно, но создать некий рабочий вариант было бы полезно. Нынешних исследователей сейчас не удивишь самыми различными переводами Нового Завета, — уверен, что и предполагаемый мой смысловой вариант сослужит добрую службу. Да, нас с тобой устраивает и традиционный текст. Я по-прежнему верю в искупительную смерть и в воскресение Спасителя; верой воспринимаю и его чудотворные дела, которые нравственно оправданы, — и всё это при том, что я осознаю позднейшие наслоения. Нет необходимости совершать насилие над сознанием нынешнего поколения, пропуская через «прокрустово ложе», вытягивая его или укорачивая.

Думаю, что пояснил свою позицию доходчиво. Твоё право соглашаться или нет; предполагаю, скорее всего, второе. Если чем корябнул твоё религиозное чувство, то уж прости своего старого друга.

Храни тебя Господь.

Гале привет.

P.S. У нас погода совсем не январская: с утра моросит дождик, слякоть, скользко. В окно вижу, как люди идут с осторожностью, некоторые даже падают. Но я на прогулку всё же пойду; делаю это во всякую погоду.»

Георгий Васильевич сожалел, что за всё время знакомства с Лаврентием Ивановичем не попросил у него номер телефона. Писал ему не раз и не два, но ответа не получал...